

Б. Я. Владиміровъ.

Монгольскій сборникъ разсказовъ изъ Rañcatantra.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Въ то время какъ разные индійскіе сказочные сборники, напр., *Vetālapañcaviṃṣatikā*, циклъ сказаній о царѣ *Vikramāditya*, проникли въ монгольскую литературу частью при посредствѣ Тибета, частью путями, не вполне для насъ еще выяснившимися, черезъ Китай и, быть можетъ, черезъ Иранъ, *Rañcatantra*, одна изъ наиболѣе извѣстныхъ почти во всемъ свѣтѣ индійскихъ книгъ, до послѣдняго времени не была найдена у монголовъ. Имѣлось, правда, указаніе на то, что въ XIII вѣкѣ въ Персіи на монгольскій языкъ была переведена книга «Калілаһ и Димнаһ» — персидская переработка *Rañcatantra*. *Silvestre de Sacy* въ своемъ предисловіи къ изданію «*Calila et Dimna*» первый, кажется, въ Европѣ указалъ, со словъ Хаджжи Халифа, на монгольскій переводъ знаменитаго индійскаго сказочнаго сборника, причемъ *S. de Sacy* извѣстіе это показалось не вполне точнымъ¹. Впослѣдствіи сообщеніе Хаджжи Халифа получило подтвержденіе, когда былъ опубликованъ отрывокъ изъ *Tarikh-i-Guzida*²; авторъ этого сочиненія, Хамдаллахъ Казвини, сообщаетъ,

¹ *Silvestre de Sacy*. *Calila et Dimna*. Paris, 1816, p. 52. *Haji-Khalifa* сообщаетъ слѣдующее (*Lexicon bibliograph.* V, p. 239): *Tum Molla Ali Ben Salihi* [Rumi, honorifice *Abd-el-wasi* Alisi cognomitus et anno 950 mortuus], *Anwari Soheili* dictione eleganti e lingua persica in turcicam vertit, versionique titulum *Humayun-namēh* dedit, et [Iftikhar-ed-din] Mohammed Bekri Cazwini, librum (*Kalilah et Dimnah?*) in linguam Tartarorum transtulit.

² *Description historique de la ville de Kazvin. Extraite du traité Tarikhé Guzidéh de Hamd Allah Mustôfi Kazvini*, par M. G. Barbier de Meynard. *Journ. As.* V série, t. 10, 1857, p. 284, 306. Ср. также А. М. Позднѣевъ. Новоткрытый памятникъ монгольской письменности времени династїи Минъ. Восточныя Забѣтки. СПб. 1895 г., стр. 368—369; замѣтка Hammer-Purgstall'a, *J. A.* III s., t. 1, 1836, p. 580—581.

что одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ потомковъ Ифтихъръ эддинъ Бэкри былъ Меликъ Сайдъ эддинъ Мохаммедъ бэнъ Абу Насръ, владѣвшій въ совершенствѣ монгольскимъ языкомъ. Онъ-то и перевелъ книгу Калйла и Димна на монгольскій языкъ и книгу Синдбада — на турецкій¹. Во время царствованія Угэдэя Ифтихъръ эддинъ Мохаммедъ былъ призванъ къ монгольскому императорскому двору, и ему было поручено заняться образованіемъ царевича Мэнке, который впоследствии, ставъ императоромъ, не забылъ своего учителя. Последнее указаніе, мнѣ кажется, имѣетъ большое значеніе, потому что въ значительной степени объясняетъ, почему Ифтихъръ эддинъ Мохаммедъ остановился на книгѣ Калйла и Димна для перевода на монгольскій языкъ. *Pañcatantra* — Калйла и Димна считалась книгою воспитанія, книгою политики царей² и поэтому, конечно, была одною изъ наиболѣе подходящихъ для чтенія царевича Чингисханида. По всей вѣроятности, ради этой-то цѣли Ифтихъръ эддинъ Мохаммедъ и предпринялъ свой трудъ. Къ сожалѣнію, въ монгольской литературѣ не сохранилось никакихъ слѣдовъ этого стараго перевода.

Давно уже было отмѣчено, что XVIII — XX главы сказанія о царѣ *Caṇḍa-Pradyota*, заключающагося въ тибетскомъ Ганджурѣ и переведеннаго А. Шифнером³, имѣютъ близкую связь съ исторіей мудраго *Bilār'a* и царицы *Ṭār*, извѣстной по старо-сирійской версіи — *Kalilag* и *Damnag*, арабской и ново-сирійской версіи Калилы и Димны⁴. Сказаніе

¹ С. О. Ольденбургъ отмѣтилъ чрезвычайно интересную находку П. К. Козлова въ Хара-хото: фрагменты персидской рукописи, содержащей отрывокъ изъ *Китабъ-и-Синдбадъ* (см. С. О. Ольденбургъ «Матеріалы по буддйской иконографіи Хара-хото», стр. 7. Изъ II т. «Матеріаловъ по этнографіи Россіи». СПб. 1914); находка эта фактически подтверждаетъ распространеніе извѣстнаго сказанія о «Семи мудрецахъ» на югъ Монголіи при концѣ Юаньской династіи, хотя бы среди жителей мусульманъ.

² Ср. E. Lancereau. *Pañchatantra*. Paris. 1871, p. XXX. J. Hertel. *Tantrākhyāyika*. Die älteste Fassung des *Pañcatantra*. II. Einleitung. Leipzig und Berlin, p. 6—7.

³ A. Schiefner. *Mahākāṭjājana und König Tschanda-Pradyota*. Mémoires de l'Acad. Imp. d. S. d. St.-Petersb., VII série, t. XXII, № 7, p. 46—66.

⁴ См. *Kalilag und Damnag*. Alte syrische Übersetzung des indischen Fürstenspiegels, Text und deutsche Übersetzung von G. Bickell. Mit einer Einleitung von Th. Benfey. Leipzig, 1876, p. XCII—CV. J. Keith-Falconer. *Kalilah and Dimnah or the fables of Bidpai*. Cambridge, 1885, p. XXXIII, XLVI, XLXI, LVII. Версія сказанія о царѣ *Caṇḍa*, заключающаяся въ китайской *Tripitaka* (см. E. Chavannes. *Cinq cents contes et apologues extraits du Tripitaka chinois*. Paris, 1911, t. III, p. 102—113), не содержитъ разбираемыхъ мотивовъ.

о *Caṇḍa-Pradyota* находится и въ монгольскомъ Ганджурѣ¹. Но, монгольскій Ганджуръ имѣлъ и имѣетъ въ настоящее время очень ограниченное распространѣніе среди монголовъ, и, если онъ и встрѣчается иногда въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, преимущественно Южной Монголіи, то лежитъ тамъ почти безъ употребленія, являясь мертвымъ сокровищемъ. И если въ монгольской средѣ сказаніе о *Caṇḍa-Pradyota* извѣстно, то извѣстно отъ ламъ, читающихъ по-тибетски, такъ какъ тибетскій Ганджуръ имѣется въ любомъ монгольскомъ монастырѣ.

Болѣе распространена среди монголовъ другая версія того же сказанія — повѣсть о царѣ Хашаң, его женѣ и мудромъ министрѣ. Сказаніе это, несомнѣнно тибетскаго происхожденія², извѣстно въ отдѣльныхъ спискахъ у разныхъ монгольскихъ племенъ — у бурятъ, въ С.-З. Монголіи и у волжскихъ калмыковъ. Вотъ пересказъ этой повѣсти³:

Царь Хашаң⁴, его жена и мудрый министръ.

Въ какой-то счастливой странѣ жилъ царь, по имени Хашаң. Однажды отправился онъ на охоту, настрѣлялъ дичи, паловилъ рыбы, привязалъ добычу къ сѣдлу и поѣхалъ домой. На дорогѣ царю повстрѣчался Будда, который повѣдалъ о томъ, что пришла пора укротить и просвѣтить того царя. Будда принялъ образъ филина, который съ крикомъ и хлопаньемъ крыльевъ сѣлъ неожиданно на луку царскаго сѣдла. Конь испугался и сбросилъ сѣдока; царь Хашаң упалъ въ обморокъ. Будда тогда изъ филина превратился въ прекраснаго юношу и поймалъ царскаго коня. Царь Хашаң

¹ Въ рукописномъ монгольскомъ Ганджурѣ (экземпляръ бібліотеки Петроградскаго Универс.) сказаніе о *Caṇḍa-Pradyota* помѣщено въ концѣ 10-го (᠑᠐) и началѣ 11-го (᠑᠑) тома отдѣла *ᠠдул-ба*, въ печатномъ же Ганджурѣ (экземпляръ Парижской *Bibliothèque Nationale — Fond Pelliot*) — въ 12-мъ (᠑᠒) томѣ того же отдѣла.

² Ср. Karl Marx. *Nā-schang rgyal-po and Ug-tad, a Dialogue. From the Tibetan.* Journal of the Asiatic society of Bengal. Vol. LX, p. 37—46. С. О. Ольденбургъ въ своей рецензій на эту работу (см. Зап. Вост. Отд. И. Русск. Археолог. Общ., т. VII, стр. 375—376) указалъ, что переведенный миссіонеромъ Марксомъ діалогъ — не что иное, какъ передѣлка части сказанія о *Caṇḍa-Pradyota*, и отнѣтилъ интересъ, возбуждаемый подобными переработками каноническихъ текстовъ. Распространенная среди монголовъ версія разсказа о царѣ Хашаң нѣсколько отличается отъ тибетской, сообщаемой г. Марксомъ, которая къ тому же не имѣетъ конца.

³ По ойратской (камыцкой) рукописи бібліотеки Петроградскаго Университета, см. F. 64 рукописнаго каталога названной бібліотеки.

⁴ < тиб. *ha-šaṅ*.

пришелъ, наконецъ, въ себя, видитъ: Филина уже нѣтъ, а его лошадь держитъ какой-то прекрасный юноша. Царь очень обрадовался и пригласилъ юношу къ себѣ. Когда они прибыли во дворецъ, царь сказалъ своему спутнику: «Ты оказалъ мнѣ большую услугу, будь, поэтому, моимъ министромъ (түшімеліјін нојон)». И прекрасный юноша сдѣлался министромъ царя Хашаңа.

У царя было двѣ жены. Старшая жена, собираясь на одно празднество, попросила у своего супруга какую-то драгоценность, но тотъ ей отказалъ. Младшая же царица не просила. На слѣдующій день царь Хашаң во время обѣда сталъ пить вино вмѣстѣ со своей младшей женой изъ одного кубка. Старшая царица увидѣла это, позавидовала и надсмѣялась надъ царемъ. Царь разгнѣвался, призвалъ своего министра — прекраснаго юношу и велѣлъ ему убить старшую жену. Мудрый министръ попробовалъ было остановить царя, говоря, что надо беречь драгоценную жизнь человѣка, но царь не захотѣлъ послушаться и пригрозилъ министру, говоря, что онъ убьетъ его самого, если тотъ не исполнитъ его приказа. Тогда мудрый министръ увелъ царицу, скрылъ ее въ безлюдномъ мѣстѣ и, явившись къ царю, доложилъ ему, что, согласно его приказу, убилъ царицу.

Послѣ того царь Хашаң загрустилъ, потерялъ сонъ, вкусъ къ ѣдѣ, къ питью, къ удовольствіямъ и спросилъ совѣта у своего мудраго министра, какъ бы ему избавиться отъ тоски. Министръ, разъясняя царю сущность разныхъ явленій, сказалъ, между прочимъ, что если царь — владыка всѣхъ — совершаетъ грѣхи, то ему не избѣжать ада. Царь Хашаң тогда подумалъ, что министръ, можетъ-быть, и не убивалъ его жены и теперь старается дать понять объ этомъ. Но, когда онъ спросилъ, мудрый министръ заявилъ, что, согласно повелѣнію царя, его супруга убита. Теперь, когда все кончено, царь хочетъ видѣть свою жену, это похоже на слѣдующія исторіи:

Жили были двѣ птицы удода, мужъ и жена. Когда листья, лежавшія въ ихъ норѣ, подсохли зимою, удода-мужъ подумалъ, что листьевъ стало мало оттого, что ихъ поѣла его жена, и убилъ ее. Наступило лѣто, вода стала попадать въ норку удода, бывшіе тамъ листья набухли и опять какъ бы наполнили всю норку. Удода-мужъ понялъ тогда свою ошибку и загрустилъ.

Еще жили были два домовыхъ воробья, мужъ съ женой. Было у нихъ семь горошинъ. Три изъ этихъ горошинъ затерялись въ трещинѣ стѣны, гдѣ было устроено ихъ гнѣздо. Тогда воробей подумалъ, что горошины были съѣдены его женой, и убилъ свою воробиху. Но вотъ наступило лѣто, сырость проникла въ трещинки стѣны, и затерявшіяся тамъ горошинки дали ростки. Воробей понялъ тогда свою ошибку, подошелъ къ трупу своей подруги и сказалъ: вставай! Но тутъ замѣтилъ, что трупъ его жены весь

половъ червей. Воробей сталъ горевать и сказалъ: всякое дѣло надо дѣлать съ осторожностью.

Разсказавъ это, мудрый министръ продолжалъ свой разговоръ съ царемъ, разъясняя ему послѣдовательно сущность разныхъ явленій. Подъ конецъ министръ сказалъ царю: — «Владыка смерти непременно долженъ явиться; старайся, поэтому, творить дѣла Закона; великая власть царя не вѣчна — она подобна водяной пѣнѣ, и вещи не вѣчны — онѣ подобны меду, а всѣ радости этой жизни подобны сну». И царь Хашаңъ понялъ истинную сущность бытія. Тогда мудрый министръ привелъ къ царю его старшую жену, нарядную и украшенную разными драгоценностями; но царь въ то время совсѣмъ уже побѣдилъ свои страсти, — онъ не принялъ свою жену и передалъ ее мудрому министру.

Связь этого разсказа, такъ же какъ и XVIII—XX главъ сказанія о Caṇḍa-Pradyota, съ исторіей мудраго Bilāg'a несомнѣнна. Дѣйстви-тельно, какъ версіи Kalilag и Damṇag, Kalīlah и Dimṇah, такъ и версіи сказанія о Caṇḍa-Pradyota и повѣсти о царѣ Хашаңъ представляютъ одни и тѣ же мотивы:

- 1) царь, приказывающій убить свою жену,
- 2) мудрый министръ, прячущій царицу,
- 3) бесѣды царя съ мудрымъ министромъ,
- 4) вставной разсказъ о птицахъ¹.

Монгольская версія повѣсти о царѣ Хашаңъ не знаетъ только мотива сновидѣнія, встрѣчающагося въ обѣихъ сирійскихъ и въ арабской версіяхъ исторіи Bilāg'a, въ сказаніи о Caṇḍa-Pradyota и въ китайской версіи разсказа о царѣ Caṇḍa и монахѣ Kātyāyana.

Послѣдній «Разсказъ о птицахъ» въ монгольской литературѣ встрѣчается еще въ «Комментаріи», «Толкованіи» (монг. тајилбури = санскр. vṛtti) на извѣстное произведеніе Сакья-Пандиты Subhāṣitaratnanidhi; здѣсь, какъ и въ соответствующемъ разсказѣ «Книги Калилаһ и Димнаһ», голубь

¹ См. Bickell-Benfey. Kalilag und Damṇag, IX, p. 93—113. Keith-Falconer. Kalīlah and Dimṇah. 14, p. 219—247. М. О. Аттая и Рябининъ. Книга Калилаһ и Димнаһ (Сборникъ басенъ, извѣстныхъ подъ именемъ басенъ Бидпая), переводъ съ арабскаго. Москва. 1889, стр. 180—192 (см. рецензію бар. В. Р. Розена — Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археолог. Общ., т. IV, стр. 425—438).

по подозрѣнію убиваетъ свою голубку¹. *Subhāṣitaratnanidhi*, какъ это уже было указано Th. Ed. Foucaux², содержитъ много намековъ на сказки *Raṅcatantra*; это произведение Сакья-Пандиты³ пользуется у монголовъ чрезвычайно большимъ почетомъ; оно нѣсколько разъ переводилось на монгольскій и ойратскій (калмыцкій) языки; извѣстно нѣсколько ксилограф. изданій монгольского текста, встрѣчается много рукописей разныхъ эпохъ. «Комментарій» на *Subhāṣita* тоже былъ переведенъ на монгольскій и ойратскій языки и тоже сталъ распространенной книгой среди монголовъ. Помимо «Разказа о птицахъ» въ «Толкованіи» на *Subhāṣita* находится довольно много разказовъ изъ *Raṅcatantra*, приводимыхъ для объясненія намековъ и цитатъ творенія Сакья-Пандиты. Кромѣ разказовъ изъ *Raṅcatantra*, хорошо извѣстныхъ и по другимъ сборникамъ, въ родѣ «Синій шакаль», «Левъ и Заяць»⁴, «Оселъ въ шкурѣ тигра»⁵ и т. п., въ «Комментаріи» встрѣчаются и другіе, болѣе «привязанные» къ *Raṅcatantra*, разказы: «Шакаль (лиса) и бараны», «Приключенія брахмана *Devaśarman*», «Птица и море» и «Воронъ, Крыса, Черепаха и Лань»⁶.

Нахожденіе въ монгольской литературѣ нѣсколькихъ отрывковъ изъ *Raṅcatantra* и версіи одного разказа изъ Калила и Димна, конечно, ничего еще не доказываетъ и ни въ какомъ случаѣ не позволяетъ дѣлать какихъ-либо выводовъ относительно распространенія разказовъ изъ *Raṅcatantra* въ монгольской Гоби. Отдѣльные разказы, отдѣльные мотивы изъ сказочныхъ сборниковъ и сказочныхъ цикловъ, которыми такъ богата Индія, часто благодаря разнымъ обстоятельствамъ отрываются отъ своихъ рамокъ и попадаютъ въ другія литературныя сочетанія, и поэтому, при нахожденіи одного какого-нибудь изолированнаго разказа извѣстнаго цикла, да еще

¹ Ср. Сергей Ольденбургъ. О персидской прозаической версіи «Книги Синдбада». Сборникъ статей учениковъ профессора барона В. Р. Розена. СПб., 1897, стр. 268; также и въ *Marzlānnāmah*.

² См. Ph. Ed. Foucaux. *Le trésor des belles paroles. Choix de sentences composées en tibétain par le lama Saskya Pandita, traduites pour la première fois en français.* Paris, 1858, p. 6. (Foucaux, правда, указываетъ собственно не на *Raṅcatantra*, а на ея переработку — *Hitopadeśa*).

³ См. A. Grünwedel. *Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei.* Leipzig, 1900, p. 205—206.

⁴ См. ниже, стр. 427—428.

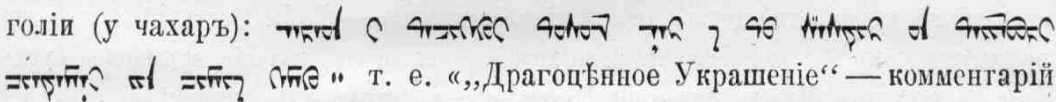
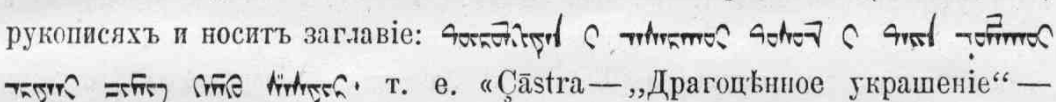
⁵ Ср. E. Lancereau. *Panchatantra ou Les cinq livres, traduit du sanscrit.* Paris, MDCCCLXXI, p. 383.

⁶ См. Johannes Hertel. *Tantrakyaika. Die älteste Fassung des Pañcatantra. I Theil. Einleitung.* Leipzig und Berlin, 1909, pp. 129—130, 132, 135 (Klugheitsfall).

въ чуждой Индіи странѣ, нужно относиться съ большою осторожностью къ рѣшенію вопроса о распространеніи всего цикла. Нахожденіе въ тибетской и монгольской литературахъ рассказовъ, близкихъ одному изъ сказаній Калила и Димна, и нѣсколькихъ рассказовъ изъ Rañcatantra совсѣмъ еще не доказываетъ проникновенія въ тѣ страны знаменитой книги¹.

II.

Благодаря любезному содѣйствію Е. В. Бурдукова, служащаго торговой фирмы А. В. Бурдуковъ и К^о, я получилъ одну небольшую монгольскую рукопись, содержащую 17 краткихъ, но очень интересныхъ рассказовъ, большинство которыхъ оказалось рассказами изъ Rañcatantra. Рукопись эта была приобретена въ С.-З. Монголіи отъ одного монгола хошуна—удѣла Го(нчік)-ваңа (сына Лү-гуңа), хошуна, извѣстнаго подъ прозвищемъ i"xē-elciгёң². Рассказы, заключающіеся въ этой рукописи (ниже sub MS. Burd., теперь собственность Азіатскаго Музея Россійской Академіи Наукъ), не имѣютъ общаго заглавія, но зато нѣкоторые рассказы снабжены особыми подзаголовками; почти всѣ они заканчиваются дидактическими сентенціями.

При ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, что большинство рассказовъ MS. Burd. очень близко подходятъ къ рассказамъ одного сочиненія, имѣющагося въ трехъ версіяхъ въ библіотекѣ Петроградскаго Университета. Одна версія представлена изданнымъ ксилограф. способомъ на югѣ Монголіи (у чахаръ): т. е. „Драгоценное Украшеніе“ — комментарий на cāstra, подъ заглавіемъ „Капля, питающая людей“³. Другая версія извѣстна въ одной монгольской и нѣсколькихъ ойратскихъ (калмыцкихъ) рукописяхъ и носитъ заглавіе: т. е. «Cāstra — „Драгоценное украшеніе“ — комментарий на (сочиненіе) „Капля, питающая рожденных“»⁴. Нѣсколько близкихъ рассказовъ оказалось въ сборникахъ, содержащихъ разныя гно-

¹ Ср. Сергѣй Ольденбургъ. О персидской прозаической версіи «Книги Синдбада». Сборникъ статей учениковъ профессора бар. В. Р. Розена. СПб. 1897, стр. 265 — 266.

² Объ этомъ хошунѣ см. Г. П. Потанинъ. Очерки С.-З. Монголіи. Вып. II. СПб. 1884, стр. 22—23.

³ См. Хул.-Q. 595 библіотеки Петроградскаго Университета, ниже sub Ч.-ч.

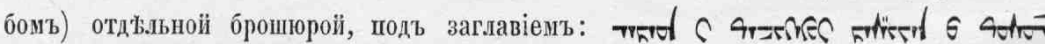
⁴ По монгольской рукописи (№ 323 рукописнаго каталога библіотеки Петроградскаго Университета), ниже sub Ерд.-чимъ.

мическія произведенія, напр., «Бесѣды Чингисъ-хана съ сыновьями», отрывки изъ сказанія о царѣ Усун дебискертѣ и Subhāṣita, MS., приобрѣтенномъ J. Jaehrig'омъ въ 1782 г. (теперь находится въ Азіатскомъ Музеѣ Академіи Наукъ, отд. I (Jaehrig), № 39), и MS., приобрѣтенномъ въ 1901 г. А. Д. Рудневымъ (находится въ Азіатскомъ музеѣ А. Н. подъ сигнатурой Рудневъ, № 60). Текстъ этихъ разсказовъ, идентичный въ обоихъ MS., названный отрывкомъ изъ *Ṣaṣṭaśāstra*, т. е. «Ṣaṣṭra, именуемая „Разумѣніе“¹», отличается отъ текстовъ Ч.-ч. и Ерд.-чѣм. и является независимымъ отъ этихъ сочиненій.

Разказы этихъ сборниковъ никогда, впрочемъ, не даютъ общаго текста и, часто, представляютъ чрезвычайно интересные, для рѣшенія вопроса объ ихъ происхожденіи, варианты.

Ч.-ч. и Ерд.-чим. являются какъ бы комментаріями, — коммента-
ріями они сами себя называютъ, — къ сочиненію (Арад-і) Тöрүлкітен-і
асаракуі дусул — «Капля, питающая (людей) рожденных». Сочиненіе
подъ такимъ заглавіемъ оказалось въ тибетскомъ Данджурѣ²; оно нахо-
дится въ отдѣлѣ мДо, томѣ го, f. 156v — f. 161r (по пекинскому изданію
Данджура) и озаглавлено такъ:

¹ Ниже sub O_H -шас.

² См. Georg Huth. Verzeichniss der im tibetischen Tanjur, Abtheilungen mDo (Sūtra), Band 117—124, enthaltenen Werke. Sitzungsberichte d. k. p. Akad. d. Wissen. zu Berlin. 1895, XV, p. 274. Въ Тибетѣ и въ Монголіи извѣстно нѣсколько отдѣльных изданій тибетскаго текста этого сочиненія, — Б. Б. Барадійнъ любезно предоставилъ въ мое распоряженіе одно хорошее ксилограф. изданіе, сдѣланное бурятами. Азіатскому Музею Академіи Наукъ принадлежитъ хул., изданный, по всей вѣроятности, въ Пекинѣ, содержащій между прочимъ и тибетскій текстъ настоящаго сочиненія (см. Библиот. Аз. Деп. № 547). «Каталогъ книгамъ, рукописямъ и картамъ на китайскомъ, маньчжурскомъ, монгольскомъ, тибетскомъ и санскритскомъ языкахъ, находящимся въ Библіотекѣ Азіатскаго Департамента [которому принадлежалъ названный хул.] Спб. 1843» не вѣрно указываетъ автора (стр. 91), «какого-то индійскаго ламу, жившаго въ Тибетѣ, въ мѣстечкѣ Сачжѣ». Бурятами же это сочиненіе было переведено на монгольскій языкъ и издано (ксилограф. способомъ) отдѣльной брошюрой, подъ заглавіемъ: , т. е. «Castra поведенія, именуемая „Капля gasayana, питающая людей“». Библіотекѣ Петроградскаго Университета принадлежать еще два ксилограф. изданія монгольскихъ переводовъ этого сочиненія: одинъ южно-монгольскій — чахарскій (см. Хул. Q. 595), другой бурятскій — цугольскаго дацана (см. Хул. Q. 642). Тексты этихъ трехъ монгольскихъ переводовъ почти не отличаются другъ отъ друга, потому что бурятскіе переводчики пользовались болѣе раннимъ чахарскимъ переводомъ.

ལྷུང་ཀླི་པ་ལྷ་མོ་བཟུང་བའི་ཐུགས་རྒྱུ་པ་ལྷ་མོ་བཟུང་བའི་ཐུགས་རྒྱུ་པ་, т. е. «Nitiçāstra — Капля, питающая людей» (ниже sub Лугс-кji т.-ч.). Авторомъ этого сочинения названъ Nāgārjuna³; въ текстѣ указано и санскритское заглавіе, но оно такъ искажено⁴, что возстановить его было бы очень трудно⁵. На тибетскій языкъ Лугс-кji т.-ч. было переведено индійскимъ ученымъ Çilendra Bodhi и ло-цā-ба Паи-де-Je-шес-се, жившими въ IX в., какъ мнѣ любезно сообщилъ Ѳ. И. Щербатской. Сочинение это, начинающееся поклоненіемъ Mañjuçrī, состоитъ изъ стиховъ-строфъ, по большей части четверостишій, дидактическаго содержанія, причемъ указываются, какъ нравоучительные примѣры, тѣ или другія животныя, тѣ или другія лица, въ которыхъ легко узнать персонажи хорошо извѣстныхъ индійскихъ разсказовъ, въ томъ числѣ и разсказовъ Rāncatantra.

Чиндамани-jin чіmek (Ч.-ч.) — комментарий, объясненіе Лугс-кji т.-ч. начинается любопытной біографіей Nāgārjuna⁶, послѣ которой слѣдуетъ

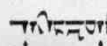
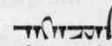
¹ Въ текстѣ Данджура: རྩེ་མོ་ — очевидная ошибка, въ бурятскомъ изданіи — правильно.

² Въ пекинскомъ и бурятскомъ отдѣльныхъ изданіяхъ: ཐུགས་རྒྱུ་པ་, ср. Sarat Chandra Dass. A. Tibet.-English Dictionary. Calcutta, 1902, p. 576.

³ Вопросъ о томъ, былъ ли дѣйствительно Nāgārjuna авторомъ приписываемаго ему сочиненія выходитъ изъ рамокъ моей компетенціи. Ср. G. Huth. Geschichte des Buddhismus in der Mongolei. II-er Theil. Strassburg, 1896, p. XXX.

⁴ И въ текстѣ Данджура, и въ пекинскомъ и бурятскомъ изданіяхъ.

⁵ ཐུགས་རྒྱུ་པ་ལྷ་མོ་བཟུང་བའི་ཐུགས་རྒྱུ་པ་ (текстъ Данджура), ཐུགས་རྒྱུ་པ་ལྷ་མོ་བཟུང་བའི་ཐུགས་རྒྱུ་པ་ (пекинское и бурятское изданіе). См. также Huth. Verzeichnis, p. 274.

⁶ Біографія эта въ общемъ сходна съ тѣмъ, что сообщаютъ о Nāgārjuna тибетскіе источники (см. В. П. Васильевъ. Буддизмъ. Ч. III. Исторія буддизма въ Индіи, сочиненіе Даранаты. СПб., 1869, стр. 75—81); любопытны нѣкоторыя детали. По словамъ этого сочиненія, Nāgārjuna (монгольскій текстъ даетъ форму , На-гā-рju-на по тибетской глоссе, тогда какъ обычно въ монгольскихъ текстахъ мы встрѣчаемъ форму , которую монголы иногда неправильно читаютъ: Набанзāнā, (ср. A. Grünwedel. Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei, p. 30), поклонившись въ храмъ Khasarpaṇi Хоңшiм бодисато (=Khasarpaṇa-Lokeśvara «По воздуху шествующій Владыка міра», ср. Дараната, стр. 149—150; A. Foucher. Étude sur l'iconographie bouddhique de l'Inde. Biblioth. d. l'Ecole d. Hautes Etudes, Sciences relig. XIII vol.; 2-e part., p. 24—25; Babu Sarat Chandra Dās. Contributions on the Religion, History & c., of Tibet. J. of th. A. S. of B. Vol. LI, p. 115), пришелъ къ воротамъ монастыря Nālanda (Nalanda) и сталъ читать śloka. Его услышалъ мудрый волхвъ Sapaṇa,

рядъ, 37, рассказовъ различного содержания, приводимыхъ для разъясненія дидактическихъ сентенцій и примѣровъ Лугс-кјі т.-ч. Каждый рассказъ начинается цитатою изъ этого произведенія Nāgārjuna и оканчивается соответствующимъ поученіемъ. Ч.-ч. написано прекраснымъ монгольскимъ языкомъ, легкимъ и правильнымъ съ точки зрѣнія «классической» грамматики; стихи часто чередуются съ прозой. Къ сожалѣнію, авторъ Ч.-ч., такъ же какъ и авторъ монгольскаго перевода, остаются для насъ неизвѣстными. Можно говорить объ авторѣ и переводчикѣ потому, что, несомнѣнно, Ч.-ч. — тибетское произведеніе, элегантно перенесенное къ монголамъ, но когда и кѣмъ? — Мы знаемъ только изъ заключительнаго колофона, что хул. Ч.-ч. былъ вырѣзанъ (и тиб. རྩོམ་གྱི་ལྷན་པོ་, чахаромъ знамени «блага съ каймой». Нужно прибавить, что традиція, какъ это мнѣ любезно сообщилъ ученый лама Агинскаго дацана Забайкальской области Соднам-Джамцо Жигжидовъ, долго жившій на югѣ Монголіи, приписываетъ переводъ Ч.-ч. на монгольскій языкъ Лубсѣн Цултѣм'у (ལུབ་སྒྲུབ་ཅན་པོ་), писателю XVIII вѣка, болѣе извѣстному подъ именемъ Чакар гебши (Чахарскій гебши).

Ерд.-чѣм., тоже названное комментариемъ на Лугс-кјі т.-ч., содержитъ довольно пространное введеніе, повѣствующее о Nāgārjuna, но не дающее его біографіи, и, затѣмъ, рядъ рассказовъ на темы, на которыя намекало Лугс-кјі т.-ч. Почти все рассказы Ерд.-чѣм., такъ же какъ и Ч.-ч., начинаются тѣми словами, какими намекаетъ на нихъ Лугс-кјі т.-ч.,

ввелъ его въ монастырь, обратилъ въ буддизмъ, научилъ читать dhāraṇī, чѣмъ и спасъ Nāgārjuna отъ угрожавшей ему смерти. Говоря о томъ, какъ N. учился у главы монастыря Nālanda (Налендра-ѵин мѣан-по) Рāхула Бхадра, настоящій текстъ, повидимому, отличаетъ послѣдняго отъ Сарaha. Царевича Udayana = Antivāhana изъ города Салама нашъ текстъ называетъ Амбулаң ѵабудал-ту, подъ какимъ именемъ онъ является и въ извѣстныхъ сказкахъ Сиддhi-кūr, а его сына, отрѣзавшаго голову N., Цалабу тегүс чідал-ту (Suṣakti); ср. легенды о Nāgārjuna въ Kathāsaritsāgara и Brhatkathamañjarī (см. С. О. Ольденбургъ. Матеріалы для изслѣдованія сказочнаго сборника Brhatkatha, З. В. О. И. Р. А. О. III, стр. 50). По словамъ настоящей біографіи, N. написалъ много сочиненій, какъ относящихся къ сутрамъ и dhāraṇī, такъ и по медицинѣ и астрологiи; кромѣ того имъ было написано: Амбулаң ѵабудал-ту саѵин кабан-дур ілегегсен Ердени еріке перетү шастір — Cāstra — «Драгоценныя четки» — посланіе къ славному царю Antivāhana; Нокүр-үи ілегегсен перетү шастір — Suhrillekha; Түшimed-түр сурбабсан цабун біліг-тү — (Cāstra), обладающая сотней prajñā для поученія чиновниковъ; и Арад-і тепігекүи дусул — Каңля, питающая людей; а также много другихъ cāstra.

дающаго чистой Bodhicitta Бошуб-ту цінун'а, который силою двухъ накоплений (Sambhāra), собранныхъ изъ дали (перерождений), воздвигая и охраняя по закону народное правленіе и религію Будды, сдѣлался милостынедателемъ церкви арја бЦоң-ка-па¹ (Соңк'а-ва, Суңхуw), обладающій небесною властью Сечен Жабс-друң (ཇམ་བུ་འཇམ་དབྱེད་) [Шабруң].

Такъ какъ монгольская исторія знаетъ нѣсколькихъ Бошуб-ту (Бошукту) цінун'овъ², то представляется довольно затруднительнымъ рѣшить вопросъ, кто именно изъ нихъ былъ инициаторомъ перевода Ерд.-чим. Не удалось мнѣ также разыскать какихъ-либо свѣдѣній и о самомъ переводчикѣ Жабс-друң.

Ч.-ч. содержитъ 37 рассказовъ, изъ которыхъ 16 являются близкими Раісатантра, а Ерд.-чим. содержитъ 31 рассказъ и еще одинъ добавочный рассказъ, помѣщенный въ концѣ, послѣ указанія на то, что сочиненіе Ерд.-чим. окончилось; изъ этого числа 15 являются рассказами, близкими къ рассказамъ Раісатантра разныхъ версій. Другіе же рассказы этихъ двухъ сборниковъ происходятъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ; встрѣчаются рассказы, близкіе къ нѣкоторымъ повѣстямъ Çukasaptati, пересказъ извѣстной легенды о монахинѣ Utpalavarnā³, одинъ рассказъ изъ сочиненія П'ачос, приписываемаго Атица⁴ (Dīpaṅkaraśrījñāna). Он.-шас. содержитъ

¹ О транскрипціи имени основателя извѣстной секты см. Б. Владиміровъ. Турецкіе элементы въ монгольскомъ языкѣ. Зап. Вост. Отд. И. Русск. Арх. Общ., т. XX, стр. 163. См. также А. Grünwedel. Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei, p. 59.

² См. M. Courant. L'Asie Centrale aux XVII-e et XVIII-e siècles. Empire kalmouk ou empire Mantchou? Lyon. Paris. 1912, p. 16, 18, 62. И. С. Поповъ. Мэнъ-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольскихъ кочевьяхъ. СПб. 1895, стр. 18, 48, 119.

³ См. С. О. Ольденбургъ. Женщины-буддистки. Русское Богатство. 1899, № 1, стр. 101—115. E. Müller. Die Sage von Uppalavarnā. Archiv für Religionswissenschaft. 1900, B. III, p. 217—246. Schiefner-Ralston. Tibetan tales. London. 1902, p. 216—227 (Kṛṣṇa Gautamī).

⁴ Рассказъ 15-й гл. Это сказаніе о волшебствѣ, встрѣчающееся въ Ч.-ч. и Ерд.-чим., было издано отдѣльно на монгольскомъ языкѣ бурятскимъ цугольскимъ дацаномъ, см. Musei Asiatici Petropolitani notitia. VII, p. 082. Petropoli, 1905. Очень близкая версія того же рассказа находится въ ойратскомъ сборникѣ рассказовъ, подъ заглавіемъ: Аршан номіјин түүд — «Повѣсти нектарнаго Закона», рассказъ № 58, f. 39 — f. 40 (по рукописи библіотеки Петрогр. Унив., Q. 107). Очень близкая версія того же сказанія приведена Edward'омъ Amundsen'омъ (тибетскій текстъ и англійскій переводъ) въ его Primer of standart tibetan. Darjeeling, p. 149—152 (воспроизведена Г. Ц. Цыбиковымъ въ его «Пособіи для изученія тибетскаго языка», ч. I. Владивостокъ, 1908, стр. 71—75).

всего 10 рассказов и заключительное поучение, такое же, какое находится въ Ерд.-чим. передъ послѣднимъ, добавочнымъ, рассказомъ о «Четырехъ дружныхъ животныхъ»; это поучение Он.-шас. еще ближе къ тексту заключительнаго поученія Лугс-кji т.-ч., чѣмъ поученіе Ерд.-чим. Вообще, дидактическія сентенціи Он.-шас. ближе къ Лугс-кji т.-ч., чѣмъ соотвѣтствующія изреченія Ерд.-чим. Можно поэтому пожалѣть, что въ нашемъ распоряженіи находится только небольшой отрывокъ этого произведенія, которое, очевидно, являлось особой, отличной отъ Ч.-ч. и Ерд.-чим., но все же близкой версіей; дидактическія же изреченія Ч.-ч. еще ближе къ соотвѣтствующимъ мѣстамъ произведенія Nāgārjuna и часто оказываются дословнымъ переводомъ послѣдняго. Изъ 10 рассказовъ Он.-шас. 7 являются рассказами, близкими къ рассказамъ Rañcatantra разныхъ версій.

Повидимому, монголъ, учившій Rev. James Gilmour'a, имѣлъ подъ руками книжку рассказовъ, близкихъ, если не тождественныхъ, съ рассказами Ерд.-чим. и Ч.-ч., поскольку можно о нихъ судить по пересказу Rev. Gilmour'a¹. Изъ числа пятнадцати приводимыхъ имъ рассказовъ только одинъ (послѣдній, пятнадцатый рассказъ о «Лягушкѣ и двухъ гусяхъ»)² неизвѣстенъ нашимъ сборникамъ Ерд.-чим. и Ч.-ч. Всѣ рассказы, сообщаемые Rev. Gilmour'омъ, оканчиваются дидактическими сентенціями («Morals»), обратившими на себя вниманіе англійскаго миссіонера, причѣмъ онъ очень внимательно отмѣтилъ, что не можетъ отвѣтить на вопросъ, придумалъ ли его учитель-монголъ эти «Morals» «изъ своей головы», или позаимствовалъ откуда-либо, да и, вообще, записаны ли были всѣ эти сказки монголомъ по памяти, или списаны съ какой-либо книги. Теперь, послѣ знакомства съ Ерд.-чим. и Ч.-ч., мнѣ кажется, можно утверждать, что монголъ Rev. Gilmour'a ничего не «выдумывалъ», а просто пользовался какимъ-либо спискомъ «толкованія» на śāstra, приписываемую Nāgārjuna. Rev. Gilmour совершенно правильно отмѣтилъ, что приводимые имъ рассказы — не туземнаго, монгольскаго происхожденія (p. 326).

Разбирая рассказы Ч.-ч., Ерд.-чим. и Он.-шас., легко замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ были взяты въ качествѣ комментарія стиховъ Лугс кji т.-ч. съ большой натяжкой. Авторы Ч.-ч., Ерд.-чим. и Он.-шас. пользовались, очевидно, богатымъ сказочнымъ матеріаломъ, проникшимъ въ Тибетъ изъ Индіи вмѣстѣ съ буддизмомъ, и черпали свои рассказы изъ разныхъ

¹ См. Rev. James Gilmour, M. A. Among the Mongols. London: The Religious Tract Society. Chapter XXVIII. Aesop in Mongolia, p. 326—336. (Ниже sub Gilmour).

² См. Gilmour. XV.

источников¹. Примеров такой литературной композиции известно очень много в тибетской литературе; подобные произведения, составленные из повестей и рассказов, позаимствованных из самых разнообразных сборников, составленные с особой целью и проводящие определенную

¹ О распространении индийских сказаний в Тибет свидетельствует, между прочим, рассказ Ронгу чжу, записанный Г. Н. Потаниным (см. его «Тибетские сказки и предания». Живая Старина, 1912, стр. 419 слѣд.). Начало и первая глава этого рассказа, как это было отмечено самим Г. Н. Потаниным, являются переработкой вступления и первой сказки известного Сиддхи-күр'а — Vetala-pariṣatī. Вопрос о происхождении монгольской версии «сказок Vetala», о путях, какими они пришли к монголам, как известно, оставался открытым (ср. В. Laufer. Skizze d. mong. Literat., p. 227—228). Рассказ Ронгу чжу теперь проливает свет на эту проблему. Надо еще прибавить, что тибетская литература дает несколько указаний на распространение «сказок Vetala» в «Страны снегов». Так, в том же собрании сочинений Гун тан данби доиме помещены отрывки из

|རྩོམ་གྱི་ཐུག་པའི་ལྟུང་། — «Предания о волшебном трупе» (см. хул. Азиат. Музея: Инв. 1907 г., № 2414, приобретен в Лавран; указанием на это сочинение и обязан ламе Соднам-Джамцо Жигжидову и Б. Б. Барадийну), соответствующий 8-му рассказу Сиддхи-күр'а о «Животном и Плотнике». О Сиддхи-күр'е упоминает еще сочинение Нор-бу прең-ба (известное и в монгольском переводе, под заглавием Чиндамани ерикэ, ср. В. Laufer, op. cit., p. 225); в конце 22-й главы говорится, что, по указанию Nāgārjuna, царевич Antivaṇana 13 и 21 раз ходил добывать «волшебный труп»; иткйи paṇḍita составил два сборника сказок, рассказанных тогда тем «волшебным трупом» царевичу Antivaṇana, состоящих из 13 и 21 глав; Atiṣa, от лица которого ведутся рассказы Нор-бу прең-ба, замечает, что нельзя распространять эти сказки Vetāla, собранные указанным paṇḍita, что их надо скрывать.

Далее, повесть |འཇུག་གི་ཉི་མ་ཞེས་བྱ་བའི་བསྐྱེད་བཅོས། (в монгольском переводе: Дүреүйн-наран кемекү шастір), чрезвычайно популярная в Тибете и у монголов, где она известна в нескольких версиях (Азиатский Музей и библиотека Петрогр. Универ. располагают несколькими монгольскими и ойратскими рукописями, содержащими эту интересную во многих отношениях повесть; MS. с тибетским текстом в стихах мне пришлось видеть у покойного лхарамбы Бадма Боваева, вывезшего его из Лхасы), тоже упоминает о сказках «волшебного трупа» (см., напр., ойратский MS. библиотеки Петроград. Универ. — Q. 195, f. 4). Все эти данные определенно показывают, что «сказки Vetāla» — Сиддхи-күр были известны в Тибете, имели там распространение и оттуда были перенесены в Монголию. Как известно, ни ламе Г. Гомбоеву, ни В. Jülg'у, ни другим, занимавшимся Сиддхи-күр'ом, не пришлось видеть полного сборника этих сказок. В настоящее время Азиат. Музей располагает двумя рукописями, одной — монгольской,

тенденцію, въ довольно большомъ количествѣ были переведены на монгольскій языкъ и получили распространеніе среди разныхъ монгольскихъ племенъ. Напримѣръ, въ хорошо извѣстномъ монгольскомъ сборникѣ повѣстей и сказокъ—*Üliger-ün nom*—Книга легендъ, несомнѣнно тибетскаго происхожденія, встрѣчаются рассказы изъ Дзанлуна, причемъ приводится нѣсколько отличная версія «Романа двухъ братьевъ»¹; рассказъ № 64² является своеобразной обработкой рассказа, извѣстнаго по *Bétāl-Patchisi*³—одной изъ версій *Vetālaraiṣavimṣati*; рассказъ № 108⁴ соответствуетъ рассказу объ одномъ изъ знаменитыхъ судовъ изъ сказанія объ Арджи-Бурджи—*gāja Bhoja*⁵ и, наконецъ, рассказъ № 81⁶ почти дословно воспроизводитъ XXVI *jātaka* изъ *Jātakamālā*—о серпѣ *ruru*⁷. Въ тибетской литера-

пріобрѣтенной въ С.-З. Монголіи А. В. Бурдуковымъ, и одной—ойратской, пріобрѣтенной мною у торговцевъ на р. Булгунъ, содержащими полныя версіи *Siddhikūr* 'а—*Vetālaraiṣavimṣati*.

¹ Рассказъ № 94, f. 122 v.—125 v. по ксилограф. экземплярамъ бібліотеки Петрогр. Унив. (Xyl. 36) и British Museum'а (сигнатура: М. 7). Сочиненіе это было составлено, какъ указывается въ колофонѣ (f. 166 v.—167 г.), Рін-чен је-шес (*Ratnajñāna*) и дПал-лдан је-шес (*Grījñāna*). В. Laufer смѣшиваетъ это сочиненіе съ другимъ, носящимъ похожее заглавіе и составленнымъ По-то-ба, см. *Skizze der mong. Literatur. Keleti Szemle. VIII, p. 224—272*. О «Романѣ двухъ братьевъ» см. P. Pelliot. *La version ouigoure de l'histoire des princes Kalyāṇamkara et Pāramkara. T'oung Pao, vol. XV, p. 225—272*. É. Chavannes. *Une version chinoise du conte bouddhique de Kalyāṇamkara et Pāramkara, ibid., p. 469—500*. Еще одна версія «Романа двухъ братьевъ» находится въ «Толкованіи» на *Subhāṣitaratnanidhi* (рассказъ № 14).

² f. 80 v.—f. 84, см. прим. 1.

³ См. E. Lancereau. *Extraits du Bétāl-Patchisi. Journ. Asiat. IV-e série, t. 18, p. 9—11*. H. Oesterley. *Baitāl Pachisi. Leipzig, 1873, p. 13—16*; см. также «приложеніе» въ книгѣ С. О. Ольденбургъ. *Буддійскія легенды. Bhadrakalpāvadāna. Jātakamālā. СПб. 1894: суды въ Simhāsanadvātriṅṣikā и Vikramodaya, стр. 127—128*.

⁴ f. 163 г.—f. 164 v. см. прим. 1.

⁵ См. С. О. Ольденбургъ. *Op. cit., стр. 132—134*. В. Jülg. *Mongolische Märchen-Sammlung. Die neun Märchen des Siddhi-kūr..... und die Geschichte des Ardschi-Bordschi Chan. Innsbruck. 1868, p. 202—207*. Г. Гомбоевъ. *Арджи-Бурджи. Монгольская повѣсть. Общезанимательный Вѣстникъ. 1858, № 1, стр. 2—4. Sagas from the Far East; or, Kalmouk and Mongolian traditionary tales. With historical preface and explanatory notes. By the author of «Patrañas», «Household stories from the land of Hofer» & c. London, MDCCCLXXIII, p. 257—262*.

⁶ f. 100 г.—f. 101 г. см. прим. 1.

⁷ См. С. О. Ольденбургъ. *Op. cit., стр. 105—106*.

III.

MS. Burd. содержит 17 рассказов, изъ числа которыхъ 16 соотвѣтствуютъ рассказамъ Ч.-ч., 15—Ерд.-чим. и 7—рассказамъ Он.-шас. Хотя рассказы MS. Burd. очень близки по содержанию къ соотвѣтствующимъ рассказамъ Ч.-ч., Ерд.-чим. и Он.-шас., тѣмъ не менѣе они представляютъ и большія отличія. Такъ, всѣ рассказы Ч.-ч., Ерд.-чим. и Он.-шас. начинаются цитатой изъ соотвѣтствующихъ стиховъ Лугс-кji т.-ч., рассказы же MS. Burd. или вовсе не имѣютъ начальныхъ сентенцій или же начинаются другой цитатой; затѣмъ дидактическія сентенціи MS. Burd., находящіяся въ концѣ почти всѣхъ рассказовъ, сильно отличаются отъ нравоученій Ч.-ч., Ерд.-чим. и Он.-шас. Останавливаетъ вниманіе и то, что порядокъ, въ которомъ расположены рассказы MS. Burd., отличается отъ распорядка Ч.-ч. и Ерд.-чим. Кроме того, самый текстъ рассказовъ MS. Burd. представляетъ значительныя отличія, причемъ, какъ это было указано выше, тексты рассказовъ другихъ сборниковъ въ свою очередь значительно разнятся другъ отъ друга. Рассказы Ерд.-чим. и Он.-шас. кратки и сухи, писаны лаконическимъ языкомъ, тогда какъ рассказы MS. Burd. почти каждый мотивъ развиваютъ подробно, писаны языкомъ живымъ, приближающимся къ народной рѣчи; легкость же и живость языка Ч.-ч. не мѣшаетъ этому элегантному, литературно обработанному произведенію сильно отличаться отъ простонародныхъ рассказовъ MS. Burd. Можно видѣть и извѣстную вариацию сюжета въ нѣкоторыхъ рассказахъ. Напр., рассказъ № 4 MS. Burd. о богѣ луны, богѣ солнца и Rāhu, очень близкій къ третьему рассказу, третьей tantra южной Pañcatantra, извѣстной по переводу Dubois¹, значительно отличается отъ соотвѣтствующаго рассказа Ерд.-чим. (№ 11, f. 11 v. — f. 12 v.), который не упоминаетъ вовсе объ участіи бога солнца въ похищеніи gasāyana, заставляетъ Indra-Хормуста самого похищать ее у asura и ничего не говоритъ о Kettu; 11-й же рассказъ Ч.-ч. (f. 15 — f. 16) помимо прочаго отличается тѣмъ, что выводитъ въ качествѣ побѣдителя Rāhu не Vajrapāṇi, а одного уакша; послѣдній, добавочный, рассказъ Ерд.-чим. = 37-му рассказу Ч.-ч. о «Четырехъ дружныхъ животныхъ» построенъ совершенно такъ же, въ томъ же порядкѣ, какъ и соотвѣтствующій рассказъ, находящійся въ Ганджурѣ и извѣстный по переводу А. Шифнера², рассказъ же о четырехъ живот-

¹ См. L'abbé J.-A. Dubois. Le Pantcha-tantra ou Les cinq ruses, Fables du Brahme Vichnou-Sarma. Paris, MDCCCLXXII, p. 160—162.

² См. Tibetan tales derived from Indian sources. Translated from the tibetan of the Kan-gyur by F. Anton von Schiefner. Done into English from the German, with an introduction, by W. R. S. Ralston, M. A. Trübner's Oriental Series. London, 1906, p. 302—307.

ных MS. Burd. распланированъ по другому. Почти въ каждомъ разсказѣ MS. Burd. можно найти какой-нибудь мотивъ, неизвѣстный соотвѣтствующимъ разсказамъ Ч.-ч. и Ерд.-чим., или, наоборотъ, можно отмѣтить неизвѣстные разсказамъ MS. Burd. мотивы, встрѣчающіеся въ параллельныхъ повѣстяхъ сборниковъ Ч.-ч. и Ерд.-чим. Вообще, какъ это уже было сказано выше, разсказы MS. Burd., Ч.-ч., Ерд.-чим., а также Он.-шас. никогда не даютъ общаго текста.

На основаніи этого приходится притти къ заключенію, что разсказы MS. Burd., соотвѣтствующіе разсказамъ Ч.-ч., Ерд.-чим. и Он.-шас., являются особой версіей, а весь сборникъ является особымъ произведеніемъ. Каково же происхожденіе этого сборника? Самый текстъ MS. Burd. не даетъ никакихъ прямыхъ указаній, при полномъ же почти отсутствіи у монголовъ литературной исторіи и литературныхъ традицій невозможно получить прямыхъ указаній и со стороны. Поэтому приходится обратиться къ самому тексту сборника и попытаться, путемъ привлеченія другихъ показаній, выяснить вопросъ о его происхожденіи.

Мнѣ кажется, что текстъ MS. Burd. даетъ много указаній на то, что онъ восходитъ къ тибетскому оригиналу. На это указываютъ, прежде всего, нѣсколько встрѣчающихся тибетскихъ названій (ср. обмін < тиб. *hog-min*—*Akanistha*, *jig* < тиб. *dbjig* собств. имя, *доджаб* < тиб. *stod-gjog* [доджаб черезъ форму живой рѣчи, напр. халх.-зап. *доджіг*] ламское верхнее платье; ср. также предлагаемую мною конъектуру, объясняющую появленіе одного слова монгольскаго текста предполагаемымъ тибетскимъ контекстомъ, см. ниже, разсказъ XIII-й, прим.); затѣмъ шакаль, являющійся въ извѣстныхъ разсказахъ «Женщина и шакаль»¹ и «Синій шакаль»², замѣненъ въ MS. Burd. лисой совершенно такъ же, какъ и въ параллельныхъ тибетскихъ текстахъ, гдѣ шакаль индійскихъ сказаній переданъ черезъ *wa*—лиса. Соотвѣтствовалъ ли предполагаемый тибетскій оригиналъ вполне по составу монгольскому сборнику, въ томъ видѣ, въ какомъ мы его имѣемъ, или нѣтъ, былъ ли онъ полнѣе или, наоборотъ, короче, — пока рѣшить невозможно.

Этотъ тибетскій прототипъ сборника сказочныхъ разсказовъ MS. Burd. имѣлъ близкую связь съ Лугс-кji т.-ч., Ч.-ч., Ерд.-чим. и Он.-шас. Уже то обстоятельство, что многіе разсказы предполагаемаго тибетскаго ориги-

¹ См. Th. Benfey. *Pantschatantra*. II. Leipzig, 1859, p. 310—312. E. Lancereau. *Pantchatantra*. Paris, MDCCCLXXI, p. 300—303.

² См. J. Hertel. *Tantrākhyāyika*, die älteste Fassung des *Pañcatantra*. Leipzig und Berlin, 1909. II, pp. 31—37. I (Einleitung), p. 131—132. Schiefner-Ralston, p. 336—338.

нала MS. Burd.,—13 изъ 17 въ доступной намъ монгольской его версії,— являются близкими рассказамъ Rañcatantra разныхъ версій, и то, что большинство рассказовъ снабжены дидактическими сентенціями, близкими дидактическимъ стихамъ Rañcatantra, заставляютъ признать ожидаемый тибетскій оригиналъ и его монгольскую версію — MS. Burd. одною изъ особыхъ версій Rañcatantra или одною изъ переработокъ, непосредственно съ ней связанною. Но, кромѣ того, интересно отмѣтить одну деталь, одинъ мотивъ VII-го рассказа MS. Burd., подтверждающій это предположеніе. VII-й рассказъ MS. Burd.=VIII-му Ч.-ч. и Ерд.-чим. о «Мышахъ и кошкѣ» имѣетъ много параллелей¹; кошка пытается обмануть мышей, притворившись благочестивымъ наставникомъ, что ей и удается, пока мыши, понявъ ея обманъ, ее не перехитрили. Изъ версій Rañcatantra рассказъ этотъ встрѣчается только въ буддійской ея обработкѣ въ Tantrākhyāna². Но, въ старо-сирійской версії, въ Kalilag и Damnag и въ арабской Kalilah и Dimnah находится одна глава «О царѣ мышей и его министрахъ»³, нѣкоторыми чертами приближающаяся къ рассказу Tantrākhyāna⁴ и другимъ близкимъ индійскимъ версіямъ. По версії рассказовъ MS. Burd., Ч.-ч. и Ерд.-чим. мыши обманываютъ кошку, повѣсивъ ей на шею колокольчикъ; мотивъ этотъ неизвѣстенъ ни одной индійской версії, ни тибетскимъ и другимъ пересказамъ⁵, ни книж-

¹ См. замѣтку С. О. Ольденбурга къ статьѣ бар. В. Р. Розена: Къ вопросу объ арабскихъ переводахъ Худай-намэ. Восточныя Замѣтки. СПб. 1895, стр. 165—167; см. также рецензію С. О. Ольденбурга на книгу Capt. W. F. O'Connor. Folk Tales from Tibet. Ж. М. Н. Пр., 1908, ч. 56, стр. 227.

² См. Cecil Bendall. The Tantrākhyāna, a collection of Indian tales (ниже sub Tantrākhyāna). Journ. of. t. R. As. Soc. of G. B. a. J., v. XX, p. 467, 484.

³ См. Bickell-Benfey. Kalilag und Damnag. Leipzig, 1876, p. 114—123, CV—CXLIV. Th. Nöldeke. Die Erzählung vom Mäusekönig und seinen Ministern. Abhandl. d. k. Gesell. d. Wissen. zu Göttingen, XXV, histor.-philol. Cl., 5. Аттая-Рябининъ. Книга Калила и Димна. Москва, 1889, стр. 277—288.

⁴ С. Bendall, очевидно по недоразумѣнію, сравниваетъ рассказъ о «Мышахъ и кошкѣ» съ 5-ой гл. старо-сирійской версії, тогда какъ надо бы было указать 10-ю гл., см. Tantrākhyāna, p. 467.

⁵ С. Bendall, къ сожалѣнію, даетъ самый краткій пересказъ и не упоминаетъ о развязкѣ, см. Tantrākhyāna, p. 484; см. Jātaka № 128—129 (The Jātaka or stories from Buddha's former births. Translated from the Pāli by various hands under the editorship of pr. E. B. Cowell. Vol. I. Cambridge, 1895, p. 281—284). Hitopadesa, I, iv; см. напр. Д. Кудрявскій. Хитопадеша. Доброе наставленіе. Юрьевъ, 1908, стр. 21—23. Schiefner-Ralston, 344—346. O'Connor. Folk Tales from Tibet, 26—30. Stanislas Julien. Contes et apologues indiens. Paris, 1860 (иначе: Les avadānas. Contes et apologues indiens. Paris, 1859), t. II, p. 152—153.

нымъ, ни народнымъ (поскольку мы ихъ знаемъ, конечно), за исключеніемъ версіи Gilmour'a, версія монгольской, восходящей, какъ было указано выше, къ серіи рассказовъ, связанныхъ съ Лугс-кјі т-ч., но мотивъ колокольчика въ исторіи мышей и кошки является въ сирійской и арабской версіи: одинъ изъ министровъ царя мышей даетъ совѣтъ «добыть множество колокольчиковъ и повѣсить по одному колокольчику на шею каждой кошкѣ, дабы, при ея приходѣ и уходѣ, слышавши звонъ колокольчика, мы могли уберечься отъ нея, укрываясь въ свои норки»¹. Рассказъ MS. Burd. какъ бы приводитъ въ исполненіе совѣтъ министра сирійской и арабской повѣсти. Th. Nöldeke предполагаетъ², что глава о «Царѣ мышей» не индійскаго, а персидскаго происхожденія. Едва ли можно согласиться съ аргументаціей знаменитаго ориенталиста, тѣмъ болѣе что одинъ изъ мотивовъ этого рассказа—борьба мышей съ кошкой—хорошо извѣстенъ, какъ видно изъ предыдущаго, индійской литературѣ: объ «обѣтахъ кошки» упоминаютъ уже законы Ману³, мотивъ этотъ встрѣчается и въ Mahābhārata⁴. Мотивъ же колокольчика, который хотятъ повѣсить или вѣшаютъ на шею кошки ею притѣсняемыя мыши, встрѣчающійся въ старо-сирійской (и арабской) версіи и въ рассказахъ MS. Burd., Ерд.-чѣм. и Ч.-ч., заставляетъ предполагать для нихъ одинъ общій первоисточникъ. По всей вѣроятности, подобный рассказъ и заключался въ древней версіи Raicatantra, отъ которой съ одной стороны произошли пехлевійская и другія «западныя» версіи, а съ другой ея индійскія, буддійскія и джайнскія обработки, проникшія потомъ въ Ти-

Édouard Chavannes. Cinq cents contes et apologues extraits du Tripitaka chinois et traduits en français. Paris, 1911, t. II, p. 414—416 (№ 388). Gilmour. VII. Н. Марръ. Сборники притчъ Вардана. Матеріалы для исторіи средневѣковой армянской литературы. Ч. I, стр. 21, 367. СПб. 1899. Повѣсть о котѣ-обманщикѣ мышей въ монгольской литературѣ встрѣчается еще въ сборникѣ рассказовъ о Гесне-ханѣ (ср. B. Laufer. Skizze d. mong. Literat., p. 229), являясь «вставнымъ» рассказомъ повѣсти 18-й деревянной фигуры трона царя Vikramaditya. Котъ, желая обмануть мышей, переодевается въ красно-желтую одежду и объявляетъ мышамъ, что онъ принялъ обѣты буддійскаго монаха. Мыши выбираютъ его тогда своимъ княземъ (нојан), а котъ начинаетъ ихъ потихоньку поѣдать. Мыши, наконецъ, замѣчаютъ обманъ и разбѣгаются (см. MS. библиотекa Петроград. Универс. — Q. 591, f. 102 v.).

¹ См. Аттая-Рябининъ. Op. cit., стр. 286; ср. Bickell-Benfey, p. 122.

² Nöldeke. Mäusekönig, p. 5.

³ Какъ это уже указалъ C. Bendall, см. Tantrākhyāna, p. 484.

⁴ См. замѣтку С. О. Ольденбурга въ статьѣ бар. В. Р. Розена: Къ вопросу объ арабскихъ переводахъ Худай-намѣ. Восточныя Замѣтки. СПб. 1895. стр. 166—167.

беть и далѣе въ Монголію. Не будучи согласенъ съ тѣмъ рѣшеніемъ вопроса о происхожденіи Pañcatantra, который даетъ J. Hertel въ своей Tantrākhyāyika¹, думаю все-таки, что трудно возражать противъ его указаній на связь пехлевійской редакціи съ индійскими народными обработками Pañcatantra и textus simplicior, но, въ такомъ случаѣ, присутствие мотива колокольчика въ двухъ версіяхъ, наслѣдницѣ пехлевійской и родственницѣ textus simplicior, еще больше подтверждаетъ мысль о томъ, что рассказъ съ подобнымъ мотивомъ, т. е. рассказъ о томъ, какъ мыши избавляются отъ кошки при помощи колокольчика, заключался въ ихъ общемъ первоисточникѣ.

Но сборникъ MS. Burd. не имѣетъ извѣстной рамки Pañcatantra, не знаетъ знаменитыхъ шакаловъ Karaṭaka и Damaṇaka, и ничто не позволяетъ думать, чтобы предполагаемый тибетскій оригиналъ обладалъ подобной рамкой. Мнѣ кажется, это обстоятельство не можетъ помѣшать признанію сборника MS. Burd., вѣрнѣе—его тибетскаго оригинала, за одну изъ версій, одну изъ обработокъ Pañcatantra. Уже на индійской почвѣ извѣстны сказочные сборники, непосредственно связанные съ Pañcatantra, не имѣющіе такой рамки; таковы, напр., джайнская версія Pañcatantra², Tantrākhyāna — ея буддійская обработка³; одна изъ индо-китайскихъ версій Pañcatantra — Mulla-Tantai имѣетъ уже другую рамку⁴. J. Hertel, одно изъ лицъ, наиболѣе въ настоящее время компетентныхъ въ вопросѣ о Pañcatantra, полагаетъ, что буддисты и джайны отбросили, при обработкѣ Pañcatantra, ея рамку потому, что въ ней особенно сильно сказывался духъ nīticāstra, противный доктринѣ dharmaśāstra⁵.

Такимъ образомъ, я предполагаю, что сборники Ч.-ч., Ерд.-чим. и Он-шас., такъ же какъ и сочиненіе, приписываемое Nāgārjuna, Лугс-кji т.-ч., имѣли въ виду и основывались на какой-то особой версії Pañcatantra — всего вѣроятнѣе, на какой-нибудь буддійской ея переработкѣ въ родѣ Tantrākhyāna; авторъ Лугс-кji т.-ч., во всякомъ случаѣ, былъ знакомъ съ какой-то версіей Pañcatantra и пользовался ею для своихъ дидак-

¹ Hertel, Tantrākhyāyika. I, Einleitung. Ср. рецензію проф. S. Lévi, Journal Asiatique, X-ème s., t. XIV, 1909, p. 530—535.

² См. J. Hertel. Über die Jaina-Rezensionen des Pañcatantra. Berich. d. philol.-histor. Kl. d. k. Sächs. Gesell. d. Wissen. zu Leipzig, 1902, p. 32.

³ Tantrākhyāna, p. 470.

⁴ См. Dr. J. Brengues. Une version laotienne du Pañcatantra. Journ. As. 10-e série, t. XII, 1908, p. 364—370; замѣтка L. Finot, ibid., p. 359—360. J. Hertel. Le Mulla-Tantai et le Pañcatantra. Journ. As. 10-e série, t. XII, 1908, p. 400.

⁵ J. Hertel. Op. cit., p. 399—400. J. Hertel. Tantrākhyāyika, p. 5—6.

тических септенцій и примѣровъ. Сборникъ же рассказовъ MS. Burd. восходитъ къ тибетскому оригиналу, являющемуся самостоятельной переработкой этой неизвѣстной версіи Раѣcatantra, а, можетъ-быть, даже и ея отрывкомъ.

Съ этой точки зрѣнія нашъ сборникъ, MS. Burd., приобретаетъ извѣстный интересъ и вообще для вопроса о Раѣcatantra, потому что проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на одну изъ тѣхъ версій знаменитой книги, знать которыхъ необходимо, по словамъ J. Hertel'я, для болѣе полного освѣщенія «textus simplicior»¹; кромѣ того, MS. Burd., Ч.-ч., Ерд.-чим. и Он.-шас. показываютъ, что тибетская и монгольская литературы, быть можетъ, доставятъ при дальнѣйшихъ изысканіяхъ еще новый матеріалъ о Раѣcatantra и позволятъ лучше освѣтить вопросъ о буддійскихъ источникахъ знаменитой книги и вообще объ отношеніи рассказовъ Раѣcatantra къ буддійской литературѣ².

IV.

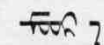
Остается сказать еще нѣсколько словъ о характерѣ рассказовъ MS. Burd., монгольскій текстъ которыхъ и русскій переводъ приводятся ниже. Хотя можно предполагать, и съ большой долей вѣроятія, что рассказы этого сборника восходятъ къ тибетскому оригиналу, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя особенности текста MS. Burd. заставляютъ сомнѣваться въ томъ, является ли этотъ сборникъ, — настоящий списокъ, по крайней мѣрѣ, — переводомъ съ тибетскаго. Прежде всего, нельзя обойти молчаніемъ языкъ, стиль рассказовъ MS. Burd. Языкъ текста MS. Burd. чрезвычайно легокъ, простъ и, насколько это позволяютъ условія монгольской письменности, приближается къ живой рѣчи монголовъ. Обращаетъ на себя вниманіе, между прочимъ, повтореніе подлежащаго, смѣшанное употребленіе мѣстоименій «ты» и «вы»; встрѣчается много словъ чисто разговорныхъ, употребляемыхъ въ живой монгольской рѣчи, даже словъ діалектическихъ, извѣстныхъ только халх.-зап. говору и никогда не встрѣчающихся въ «классическомъ» письменномъ языкѣ монголовъ. Напримѣръ, въ рассказѣ «Мыши и котъ-наставникъ» кошка названа не общемонгольскимъ литературнымъ словомъ мібуи или міс, а словомъ мур (муур). Мур—слово, заимствованное съ китайскаго, 猫 (兒) мао-р³, чисто разговорное и у монголовъ С.-З. Мон-

¹ J. Hertel. Le Mulla-Tantai et le Pañcatantra. Journ. As. 10-e série, t. XII, 1908, p. 398.

² Ср. рецензію É. Chavannes'a на книгу J. Hertel'я Tantrākhyāyika. Die älteste Fassung des Pañcatantra, въ T'oung Pao, série II, vol. X, p. 530—532.

³ Китайцы, китайскіе торговцы, повидимому, первые ввели домашнихъ кошекъ въ Монголію. И теперь кошекъ въ Монголіи держатъ по преимуществу китайцы и русскіе, а изъ монголовъ только тѣ, которымъ по разнымъ обстоятельствамъ прихо-

голии, гдѣ была приобрѣтена и, почти безъ сомнѣнія, написана рукопись Burd., отчасти иносказательное, соотвѣтствующее, напр., нашему «котъ-мурлыка». Затѣмъ, въ томъ же рассказѣ можно видѣть еще одну особенность, которую не слѣдовало бы оставлять безъ вниманія. Въ повѣсти о «Мышахъ и котѣ-наставникѣ» MS. Burd. говорится, что котъ подходит и останавливается надъ мышиною норкой; далѣе, мыши устраиваютъ для кота сидѣнье изъ камней въ большой ямѣ. Очевидно, рассказъ имѣетъ въ виду живущихъ въ норкахъ степныхъ мышей, которыхъ такъ много въ Монголіи, жизнь которыхъ монголы хорошо знаютъ¹. Между тѣмъ, во всѣхъ параллельныхъ рассказахъ являются мыши, живущія въ домѣ; дѣйствіе происходитъ въ домѣ, въ закрытомъ помѣщеніи, что вполне естественно, потому что повѣсти о «Мышахъ и кошкѣ» были распространены среди осѣдлыхъ народовъ. Чрезвычайно интересно отмѣтить, что и въ соотвѣтствующемъ рассказѣ Ч.-ч. и Ерд.-чим. дѣйствіе происходитъ въ домѣ. Въ монгольской версіи, въ MS. Burd., рассказъ, такимъ образомъ, приноровленъ къ условіямъ мѣстной монгольской жизни. Надо замѣтить, что подобное приноровленіе чужеземныхъ рассказовъ къ особенностямъ монгольской жизни, внесеніе въ повѣствованіе того, что называется «couleur locale», встрѣчается и въ сборникахъ Ерд.-чим. и Ч.-ч. Напр., въ рассказѣ «Синяя лиса (шакаль)» лиса находитъ синюю краску на мѣстѣ кочевки, а не въ домѣ, какъ объ этомъ рассказывается въ индійскихъ версіяхъ Раісатантра и въ соотвѣтствующей сказкѣ тибетскаго Ганджура. Въ рассказѣ MS. Burd. лиса тоже является на покинутую кочевку, хотя въ общемъ рассказъ сохраняетъ отпечатокъ своего индійскаго происхо-

дится жить постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ, напр., монахамъ, горожанамъ, караульщикамъ общественныхъ складовъ. Буряты заимствовали слово для обозначенія кошки, какъ и слѣдовало ожидать, отъ русскихъ въ формѣ хѳшхѳ (хори-бурят. говоръ),—см. А. Д. Рудневъ. Хори-бурятскій говоръ. Вып. 2. Тексты. СПб. 1913, стр. 36. Вып. 3. Переводъ и прим. СПб. 1913—1914, стр. 024,—сохранивъ въ то же время и свое монгольское названіе. Долженъ, все-таки, замѣтить, что въ соотвѣтствующемъ (VIII-мъ) рассказѣ Ч.-ч. кошка названа словомъ муур-а, что, впрочемъ, совсѣмъ неудивительно, потому что южные монголы, въ томъ числѣ и чахары, гдѣ появилось Ч.-ч., раньше другихъ монголовъ ближе познакомились съ китайцами и начали заимствовать отъ нихъ многое и въ области матеріальной, и въ области духовной культуры, въ области языка. Нахожденіе близкаго, но не тождественнаго слова муур-а въ одномъ чахарскомъ произведеніи, между которымъ и MS. Burd. можно установить литературную связь, не можетъ противорѣчить вышеприведенному мнѣнію относительно слова муръ въ сборникѣ MS. Burd.

¹ См. Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Западная Монголія и Урянхайскій край. Т. I. СПб. 1914, стр. 500—501. Г. Н. Потанинъ. Ерке. Культъ сына неба въ сѣверной Азіи. Томскъ. 1916, стр. 5—6.

ждения, даже въ деталяхъ. Затѣмъ въ XVI-мъ разсказѣ MS. Burd., соотвѣтствующемъ XV-й сказкѣ Сиддхи-кūr'а, вмѣсто тысячи раṇḍita, гада-телей и врачей повѣсти Vetāla появляются ламы. И въ этой детали опять нельзя не видѣть приспособленія чужеземнаго разсказа къ понятіямъ принявшей его новой среды; дѣйствительно, у монголовъ врачами, гадалками, «мудрецами» — раṇḍita являются почти исключительно представители буддйскаго духовенства (ламы). Въ IX-мъ разсказѣ MS. Burd. черепаха собирается угостить обезьяну чаемъ; какъ извѣстно, животныя сказаній Райсатантра дѣйствуютъ и поступаютъ, какъ люди, въ данномъ же случаѣ любопытно отмѣтить опять-таки монгольскую (или тибетскую?) бытовую черту — угощеніе чаемъ. Ч.-ч., Ерд.-чим. и Он.-шас не знаютъ этого эпизода.

Вотъ эти детали и заставляютъ предполагать, что разсказы MS. Burd., по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ имѣемъ, являются не переводомъ, а скорѣе пересказомъ. Нѣтъ только никакихъ указаній на то, является ли MS. Burd. пересказомъ или вольнымъ переводомъ съ тибетскаго, или же пересказомъ другого монгольскаго, болѣе точнаго перевода. Впрочемъ, не исключена возможность и того, что извѣстное «искаженіе» текста, его приспособленіе къ живой рѣчи и понятіямъ монголовъ произошло благодаря переписчикамъ постепенно. Монгольской литературѣ безызвѣстны подобныя «пересказы», переработки произведеній, занесенныхъ въ Монголію изъ Индіи, Тибета и Китая. Такимъ переработкамъ подвергаются чаще всего, конечно, сочиненія, пріобрѣвшія популярность, сдѣлавшіяся любимымъ чтеніемъ монголовъ. Какъ на примѣръ такой «литературной» композиции, можно указать на сказанія о царѣ Вігармецід'ѣ — Vikramāditya. Параллельно со списками, содержащими этотъ циклъ сказаній разныхъ версій, среди монголовъ извѣстны рукописи, заключающія въ себѣ то же сказаніе, но въ очень сокращенномъ пересказѣ, — пересказѣ, сдѣланномъ, несомнѣнно, монгольскимъ авторомъ, основывавшимся на общеизвѣстной полной версії сказанія о Vikramāditya. Даже бѣглый просмотръ текста полной и сокращенной версій достаточенъ, чтобы убѣдиться въ этомъ и опредѣлить форму передѣлки¹.

¹ См. MS. Азіатскаго Музея Акад. Н.: Рудневъ, № 9 и № 250. Ср. А. М. Позднѣевъ. Замѣчанія на дневникъ путешествія О. Палладія по Монголіи, веденный въ 1847 г. Зап. И. Русск. Геогр. Общества по общей географіи, т. XXII, № 1, стр. 140—141.

V.

Общій index разсказовъ MS. Burd. съ указаніемъ важнѣйшихъ параллелей.

MS. Burd.

Паралл.

I. Женщина и лиса (шакаль).

Pañc. B.¹ IV, viii. Pañc. L.² IV, ix.
Pañc. F. textus simpl.³ IV, xi.
Purn.⁴ IV, viii. Schiefner-Ralston. XII⁵. Julien. Avadānas. LXXV⁶. Chavannes. № 111⁷.
Ч.-ч. I. Ерд.-чим. I. Он.-шас. I.

II. Kalandaka и ястребъ.

Hertel. Tantr.⁸ I, x. Mulla⁹. V. N.-

¹ Th. Benfey. Panchatantra: Fünf Bücher. Indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen. I. Leipzig, 1859. II Theil, p. 310—313. I Theil, Einleitung, p. 468—469.

² E. Lancereau. Panchatantra ou Les cinq livres, recueil d'apologues et de contes, traduit du sanscrit. Paris, MDCCLXXI, p. 300—303, 383.

³ Ludwig Fritze. Panchatantra. Ein altes indisches Lehrbuch der Lebensklugheit in Erzählungen und Sprüchen. Leipzig, 1884. (Textus simplicior).

⁴ Dr. Johannes Hertel. The Panchatantra. A Collection of Ancient Hindu Tales in the recension, called Panchakhyānaka, and dated 1199 A. D., of the jaina monk, Purnabhadra critically edited in the original sanskrit. The Harvard Oriental Series, v. 12. Cambridge, Massachusetts, 1908. Переводъ: Das Pañcatantram (textus ornator). Eine altindische Märchensammlung zum ersten Male übersetzt von Richard Schmidt. Leipzig, Lotus-Verlag.

⁵ Tibetan tales derived from Indian sources. Translated from the tibetan of the Kah-gyur by F. Anton von Schiefner. Done into English from the German, with an introduction, by W. R. S. Ralston, M. A. London, 1906 (Trübner's Oriental series).

⁶ Stanislas Julien. Les Avadānas. Contes et apologues indiens inconnus jusqu'à ce jour suivis de fables, de poésies et de nouvelles chinoises. Paris, MDCCCLIX, t. I, II, III.

⁷ Édouard Chavannes. Cinq cents contes et apologues extraits du Tripitaka chinois et traduits en français. Paris, 1911, t. I, II, III.

⁸ Johannes Hertel. Tantrākhyāyika. Die älteste Fassung des Pañcatantra. Aus dem sanskrit übersetzt mit Einleitung und Anmerkungen. I, Einleitung. II, Übersetzung und Anmerkungen. 1909. Leipzig und Berlin. Druck und Verlag von B. G. Teubner. (Рецензія S. Lévi: Journ. As. X-e série, t. XIV, 1909, p. 530—535. Рецензія E. Chavannes'a: T'oung Pao. Série II. Vol. X, p. 530—532. Рецензія F. W. Thomas'a: Journ. of the R. Asiat. Soc. 1910, 2, p. 966—976). Такъ какъ въ этой книгѣ Hertel'я указаны самыя многочисленныя параллели и приложена особая таблица (Hertel. Tantr., I, p. 128—141), то я ограничиваюсь только ссылкой на Hertel. Tantr. въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчаются разсказы, общіе MS. Burd. и Tantrākhyāyika.

⁹ Dr. J. Brengues. Une version laotienne du Pañcatantra. Journ. As. 10-e série, t. XII, 1909, p. 357—395.

- Р.¹ XIII. Ч.-ч. III. Ер д.-чим. III.
Он.-шас. III.
- III. Мать врача и нищій монахъ.
- IV. Богъ луны, богъ солнца и Южн. Раñс.-Dubois². III, III. Ч.-ч.
Rāhu. XI. Ер д.-чим. XI.
- V. Вши и блохи. Hertel. Tantr. I, VII. Mulla. I. N.-P. X.
Schiefner. Tibet. Lebensbeschr.³.
Ч.-ч. IV. Ер д.-чим. IV.
Он.-шас. IV. Gilmour. III.
- VI. Обезьяна и kalandaka. Hertel. Tantr. I, XIV. Mulla. X. N.—
P. XXI—XXII. Ч.-ч. V. Ер д.-чим.
V. Он.-шас. V. Gilmour. XI.
- VII. Мыши и котъ-наставникъ. Tantrākhyāna 38. Jātaka⁴ № 128—
129. Kalilag-Damnag⁵ 10. Kalilah-
Dimnah. Царь мышей⁶. Schiefner-

¹ J. Hertel. Le Mulla-Tantai et le Pañcatantra. Journ. As. 10-e série, t. XII, 1909, p. 397—434.

² L'abbé J.-A. Dubois. Le Pantcha-tantra ou Les cinq ruses. Fables du Brahme Vichnou-Sarma; Aventures de Paramarta, et autres contes. Paris, MDCCLXXII, p. 160—162.

³ A. Schiefner. Tibetische Lebensbeschreibung Čākyamuni's. Mém. prés. par dif. sav., t. VI, livr. 3. Pétersbourg, 1849, p. 231—232; p. 96 отдельнаго оттиска.

⁴ The Jātaka or stories of the Buddha's former births. Translated from the Pāli by various hands under the editorship of professor E. B. Cowell, vol. I. Translated by Robert Chalmers, B. A. Cambridge, 1895, p. 281—284 (Bilāra-jāt., Aggika-jāt.). И. П. Минаевъ. Индійскія сказки. Жур. Мин. Народ. Просв. 1871, ч. 158, стр. 115—118.

⁵ Kalilag und Damnag. Alte syrische Übersetzung des indischen Fürstenspiegels. Text und deutsche Übersetzung von Gustav Bickell mit einer Einleitung von Theodor Benfey. Leipzig, 1876, p. 114—123. Книги F. Schulthess'a Kalila und Dimna. Syrisch und Deutsch. Berlin, 1911, видѣть не пришлось (см. рецензію: F. Nau — J. A. X s, 1911, 17, p. 549 — 552; Th. Nöldeke — Z. D. M. G. 65, p. 578—588; J. Scheifer. Kalila und Dimna. Deutsche Literaturzeitung. 1916, № 25, p. 1139—1141. Указаніемъ на последнюю рецензію я обязанъ И. Ю. Крачковскому).

⁶ М. О. Аттая и М. В. Рябининъ. Книга Калила и Димна (Сборникъ басенъ, извѣстныхъ подъ именемъ басенъ Бидпая). Переводъ съ арабскаго. Москва, 1889, стр. 277—288, глава о царѣ мышей и его министрахъ. Th. Nöldeke. Die Erzählung vom Mäusekönig und seinen Ministern. Abhandl. d. k. Gesell. d. Wiss. zu Göttingen. Band XXV, histor.-philolog. Kl. 5.

- VIII. Брахманъ, роняющій при смѣхѣ жемчугъ, и распутная царица. Ralston. XL. Chavannes. № 388. Julien. Avadānas. CXXV. O'Connor¹. V. Ч.-ч. VIII. Ерд.-чим. VIII. Hitopadeṣa I, iv². Gilmour. VII.
- IX. Обезьяна и черепаха. Çuk³. V — IX. Tūtī-n.⁴ XXII. Chavannes. № 421. Jātaka № 536⁵. Ч.-ч. IX. Ерд.-чим. IX.
- X. Левъ и заяцъ. Hertel. Tantr. IV. Chavannes. № 36, № 425. O'Connor. XX. Ч.-ч. X. Ерд.-чим. X. Он.-шас. VII.
- XI. Слонъ и мыши. Hertel. Tantr. I, vi. Ч.-ч. XV. Ерд.-чим. XV. O'Connor. IX. Он.-шас. IX. Gilmour. I.
- XII. Благодарныя животныя и не- благодарный человѣкъ. Hertel. Tantr. II. Ч.-ч. XVI. Ерд.-чим. XVI. Он.-шас. X. Gilmour. IX.
- Purn. I, ix. Pañc. B. I, n (Nachtrag). Kathāsaritsāgara — Tawney. II, 103—104⁶. Mulla. VII. N.-P. XVIII. Южн. Pañ.⁷ I, v. Chavannes. № 49. Jāt. № 73.⁸ Ч.-ч.

¹ Capt. W. F. O'Connor, C. I. E. Folk tales from Tibet with illustrations by a tibetan artist and some verses from tibetan love-songs. London, 1906. (Рецензія С. О. Ольденбурга: Новыя книги о Тибетѣ. III. Жур. Мин. Нар. Просв. 1908. Ч. 56, стр. 226—233).

² Д. Кудрявскій. Хитопадеша. Доброе наставленіе. Сборникъ древне-индійскихъ разсказовъ, составленный Нараяной. Юрьевъ, 1908, стр. 21—23.

³ Richard Schmidt. Der textus ornatior der Çukasaptati. Ein Beitrag zur Märchenkunde. Stuttgart, 1896 (Erzähl. 5, 6, 7, 8, 17), p. 22, p. 37. Richard Schmidt. Die Çukasaptati. Textus simplicior. Kiel, 1894, p. 14—23.

⁴ W. Pertsch. Ueber Nachschabi's Papageienbuch. Zeitschr. d. D. Morgenl. Gesel. 21. 1867, p. 529—530.

⁵ Jātaka. Vol. V. Translated by H. T. Francis, M. A. Cambridge, 1905, p. 234—236, 240 (Kuṇḍala-jāt.). И. П. Минаевъ. Индійскія сказки. Ж. М. Н. П. 1876, ч. 183, стр. 392—395, 396.

⁶ C. H. Tawney, M. A. The Kathā Sarit Sāgara or Ocean of the Stream of Story translated from the original sanskrit. Calcutta, 1884, vol. II, p. 103—104.

⁷ J. Hertel. Über einen südlichen *textus amplior* des Pañcatantra. Z. d. D. M. G. 61. 1907, p. 24—25, 70.

⁸ Jātaka. V. I, p. 177—181 (Saccamkara-jāt.).

XIII. Синяя лиса (шакаль).	XVII. Ерд.-чим. XVII. Schiefner-Ralston. XXVI.
Hertel. Tantr. I, viii. Chavannes. № 389. Ч.-ч. XIX. Ерд.-чим. XIX. Schiefner-Ralston. XXXVI. Gil-mour XIII.
XIV. Черепаха и птицы.	Ч.-ч. XX. Ерд.-чим. XX.
XV. Колодезная лягушка и морская лягушка.	Pañc. B. Pañ. L. I, i. Ч.-ч. XXI. Ерд.-чим. XXI. Gilmour. II.
XVI. Царевичъ и сынъ брахмана.	Siddhi-kūr ¹ . XV. Ч.-ч. XXXVI.
XVII. Четверо дружныхъ животныхъ.	Schiefner-Ralston. XXIV. Jātaka. № 37 ² . Julien. Avadānas. LXXVII. Chavannes. № 481. Ч.-ч. XXVII. Ерд.-чим. XXXII.

Замѣчанія.

Разсказъ I MS. Burd. является очень близкимъ къ версії Pañ. и Purn.; довольно близки стихъ Pañ.³ и отвѣтъ лисы (шакала) разсказа MS. Burd. Он.-шас. указываетъ имя мужа героини разсказа: Васуг (Васук) [Он.-шас. f. 29 v. по MS. Jaerig'a, f. 7 v. по MS. Руднева]. Въ китайской версії этого разсказа, такъ же какъ и въ монгольской, является не шакаль, а лиса⁴.

С. Н. Тавнеу, въ предисловіи къ своему переводу Kathākoṣa, отмѣчая⁵, что соотвѣтствующій разсказъ находится съ одной стороны въ джайн-

¹ Галсанъ Гомбоевъ. Шидди-куръ. Собрание монгольскихъ сказокъ. Переводъ съ монгольскаго на русскій языкъ. Этнографическій Сборникъ, изд. И. Р. Географ. Общ. Вып. IV. СПб. 1864, стр. 73—76. B. Jülg. Mongolische Märchen-Sammlung. Die neun Märchen des Siddhi-Kūr nach den ausführlicheren Redaction und die Geschichte des Ardschi-Bordschi Chan. Innsbruck, 1868, p. 147—152. Sagas from the Far East; or, Kalmouk and Mongolian traditionary tales. With historical preface and explanatory notes. By the author of «Patrañas», «Household stories from the land of Hofer», & c. London, MDCCCLXXIII, p. 157—164.

² Jātaka. Vol. I. Cambridge, 1895, p. 92—95 (Tittira-jāt.).

³ Pañ. B. p. 309—310. Pañ. L. p. 299.

⁴ См. Chavannes. № 111. t. I, p. 381. Julien. Avadānas. LXXV, t. II, p. 11—13.

⁵ The Kathākoṣa; or, Treasury of Stories, Translated from Sanskrit Manuscripts by C. H. Tawney, M. A. With Appendix, containing notes, by professor Ernst Leumann. Oriental Translation Fund. New series. II, vol. VI, London, 1895, p. XVII—XIX.

ской литературѣ и съ другой—въ буддѣйской, а именно въ китайскомъ буддѣйскомъ канонѣ, видитъ въ этомъ одно изъ доказательствъ того, что именно буддисты разносили по свѣту произведенія фольклора Восточной Индіи,—источника, изъ котораго черпали, какъ джайны, такъ и сами буддисты. Монгольскія версіи разсказа о «Женщинѣ и шакалѣ» MS. Burd., Ерд.-чѣм., Ч.-ч. и Он.-шас. вмѣстѣ съ канонической версіей тибетскаго Ганджура, о которой С. Н. Тавнеу, кстати сказать, не упоминаетъ, даютъ новый матеріалъ для подтвержденія теоріи англійскаго изслѣдователя. Версія Culladhanugaha jātaка¹, какъ это уже отмѣтилъ С. Н. Тавнеу, въ концѣ представляетъ тотъ же сюжетъ.

II разсказъ MS. Burd. довольно сильно отличается отъ индѣйскихъ версій. Какъ въ MS. Burd., такъ и въ индѣйскихъ параллеляхъ наказаннымъ гордецомъ является птица, но другія детали разсказа индѣйскихъ версій совершенно непохожи. Разсказъ же Он.-шас. отличается отъ параллельныхъ разсказовъ MS. Burd., Ч.-ч. и Ерд.-чѣм. тѣмъ, что не знаетъ старика-ловца птицъ и заставляетъ птенца чваниться передъ своимъ избавителемъ-пѣтухомъ, отрицая его заслугу. Въ «Толкованіи» на Subhāṣita находится версія этого разсказа, въ общемъ приближающаяся къ редакціи Tantr. (разсказъ № 45).

MS. Burd. III. Мнѣ не удалось найти ни одной болѣе или менѣе близкой параллели этого разсказа. Повидимому, этотъ разсказъ тибетскаго происхожденія, можетъ-быть, народный, рисующій народный бытъ и народные взгляды.

MS. Burd. IV очень близокъ къ разсказу одной версіи южной Раѣсатантра, причемъ надо отмѣтить, что сказаніе это, пока, оказалось только въ одной редакціи Раѣсатантра. Среди разныхъ монгольскихъ племенъ бродитъ много пересказовъ о Rāhu и о производимыхъ имъ затменіяхъ луны и солнца; но, повидимому, пересказы этой древней индѣйской легенды² проникли въ Монголію самыми разнообразными путями, черезъ буддѣйскія сочиненія³, разсказы ламъ, тибетскія и китайскія астрологіи, терминологическіе

¹ Jātaka № 374, vol. III. Cambridge, 1897, p. 146—148.

² Cp. Edward Moor. The Hindu Pantheon. London, 1810, p. 281—284, 286. A. A. Macdonell. Vedic Mythology. G. d. I.-A. P. III. B. 1, p. 160.

³ Cp. L. Feer. Fragments extraits du Kandjour. Sutras de la lune et du soleil. Annales du Musée Guimet. Paris, 1883, t. V, p. 410—413. Émile de Schlagintweit, L. L. D. Le Bouddhisme au Tibet. Annales du Musée Guimet. P. 1881, t. III, p. 72—74. Cp. Ed. Huber. Études de littérature bouddhique. VII. Termes persans dans l'astrologie bouddhique chinoise. Bull. d. l'École Franç. d'Extr. Orient. t. VI—1906, p. 40.

словари, и нѣтъ никакихъ основаній приписывать ихъ происхожденіе сочиненію, извѣстному по MS. Burd.; среди монгольскаго простонародья эти версіи получали иногда своеобразную обработку. Но ни одинъ пересказъ, какъ и Ч.-ч. и Ерд.-чим., не упоминаетъ о Kettu, и въ этомъ отношеніи рассказъ MS. Burd. удивительно приближается къ версіи южн. Раіс. Dubois. Вообще же этотъ рассказъ MS. Burd. разными деталями довольно сильно отличается отъ соотвѣтствующихъ рассказовъ Ч.-ч. и Ерд.-чим.

Рассказъ V MS. Burd. тоже очень близокъ къ индійскимъ версіямъ Раіс-
catantra, только царь индійскихъ версій замѣненъ буддійскимъ монахомъ-отшельникомъ, и всему рассказу приданъ буддійскій колоритъ. На другую буддійскую обработку рассказа о «Блохѣ и вшахъ», переданную А. Шифнеромъ, было уже указано Benfey'емъ¹. Рассказъ же Он.-шас. представляетъ незначительную вариацию сюжета; то же надо сказать и о версіи Ерд.-чим. и въ особенности Ч.-ч. Въ послѣднемъ сочиненіи отшельникъ не убиваетъ вшей, что было бы такъ непристойно буддійскому монаху, а только сбрасываетъ ихъ на землю. Любопытная деталь, рисующая, какъ странствующій сюжетъ приноравливается къ понятіямъ принявшей его новой среды.

VI MS. Burd. также близокъ къ соотвѣтствующимъ версіямъ Раіс-
tantra.

Въ концѣ 34 рассказа «Толкованія» на Subhāṣita цитируется śloka Лугс-
кѣ т.-ч. и вкратцѣ передается соотвѣтствующій рассказъ «Обезьяна и
Kalandaka». Далѣе «Толкованіе» опять приводитъ этотъ рассказъ въ болѣе
пространной редакціи (рассказъ № 56).

VII MS. Burd. Объ отношеніи этого рассказа къ другимъ версіямъ Раіс-
tantra см. выше², стр. 419—421, причемъ надо замѣтить, что версіи Hito-
radeṣa и Jātaka довольно сильно отличаются отъ рассказа MS. Burd., Ерд.-
чим. и Ч.-ч., выводя другіе персонажи и развивая новые мотивы. Какъ ни от-
личны версіи, приводимыя Н. Я. Марромъ, все-таки и онѣ, несомнѣнно,
имѣютъ связь съ древней индійской сказкой о кошкѣ и мышахъ. Въ С.-За-
падной Монголіи этотъ рассказъ сдѣлался очень популярнымъ, и такъ какъ
всѣ народные устные пересказы буквально, во всѣхъ подробностяхъ
воспроизводятъ версію MS. Burd., то можно думать, что всѣ они про-
исходятъ именно отъ редакціи, представленной MS. Burd. Особенно часто
приходилось мнѣ слышать сказку о «Мышахъ и котѣ-наставникѣ» на

¹ Bickell-Benfey. Kalilag und Damnag, p. CXXV.

² Въ монгольскомъ Ганджурѣ рассказъ, соотвѣтствующій Schiefner-Ralston, XL, находится въ томѣ на, отдѣла hДул-ба, f. 255v.—f. 256v. (по экземпляру печатнаго монг. Ганджура Парижской Національной Библіот. — Fond Pelliot).

р. Хангильцык¹ отъ байтов² и халхасцевъ-ельджигеновъ, т. е. какъ разъ въ томъ районѣ, гдѣ былъ приобрѣтенъ MS. Burd. Но, кромѣ того, сказку эту приходилось мнѣ слышать и около города Кобдо. Въ С.-З. Монголіи кошку очень часто въ шутку называютъ мур бакші — «котъ-наставникъ», хулѣбнѣ бакші — «мышинный наставникъ», совершенно такъ же, какъ VII рассказъ MS. Burd.

VIII рассказъ MS. Burd. довольно сильно отличается какъ отъ версій «Сказокъ попугая», такъ и отъ версій двухъ рассказовъ Jātaka № 536³. Китайская версія (Chavannes. № 421) чрезвычайно любопытна, какъ буддйская обработка нѣсколькихъ сказочныхъ мотивовъ, сведенныхъ въ одно цѣлое; многіе мотивы этой версії близко подходятъ къ VIII-му рассказу MS. Burd., который вообще надо признать за одинъ изъ наиболее интересныхъ во всемъ сборникѣ. Одинъ мотивъ, извѣстный китайской версії и соотвѣствующимъ рассказамъ Ч.-ч. и Ерд.-чѣм., о томъ, какъ воръ лицемѣрно возвращаетъ соринку, случайно приставшую къ его платью въ чужомъ домѣ, неизвѣстенъ VIII-му рассказу MS. Burd. Среди монгольскихъ племенъ широко распространено нѣсколько устныхъ версій сказанія объ обманутомъ мужѣ и распутной царицѣ, въ общемъ довольно близкихъ къ рассказу MS. Burd. Сказаніе это встрѣчается на Волгѣ, у калмыковъ⁴; гр. А. П. Беннигсенъ записалъ очень любопытную версію въ Карашарѣ⁵; мнѣ приходилось слышать подобную же сказку, — въ общемъ

¹ Объ этой мѣстности см. Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Западная Монголія и Урянхайскій край. Т. I. СПб. 1914, стр. 167—168, 357. А. Б. Бурдуковъ. Очеркъ байтскаго хошуна князя Тюмы-Баиръ-гуна. Томскъ, 1915, стр. 4—6.

² О байтахъ см. Г. Н. Потанинъ. Очерки С.-З. Монголіи. Вып. II. СПб. 1881, 33—34. Б. Владиміровъ. Отчетъ о командировкѣ къ байтамъ Кобдоскаго округа. Изв. Русск. Комит. для изуч. Средн. и Вост. Азіи. № 11, сер. II, стр. 100—104. СПб. 1912.

³ См. Jātaka. V, p. 234—236, 240. Минаевъ. Ж. М. Н. П. 1876, ч. 183, стр. 392—395, 396. Ср. Emmanuel Cosquin. Le prologue-cadre des Mille et une Nuits, les légendes perses et le livre d'Esther. Extraits de la Revue biblique internationale publiée par l'École pratique d'Études bibliques des Dominicains de Jérusalem. — Janvier et Avril 1909. Особенно см. p. 4—11. Ср. также Chavannes. № 109; Charles B. Maybon. Un conte chinois du VI-e siècle. Bulletin de l'École Française de l'Extrême Orient. 1907, p. 360—363 (рецензія Е. Chavannes'a: T'oung Pao. Série II, Vol. IX, p. 599—604); Jātaka № 436.

⁴ См. Найманъ Бадмаевъ. Сборникъ калмыцкихъ сказокъ (на русскомъ языкѣ). Астрахань, 1899, № 26. «Субсутай», стр. 99—105.

⁵ Гр. А. П. Беннигсенъ. Легенды и сказки центральной Азіи. СПб. 1912. «Сказка объ Ирембыль-тушмыль», стр. 23—26.

мало чѣмъ отличающуюся отъ VIII разсказа MS. Burd., — въ Улясутаѣ. Такое широкое распространіе сказочнаго сюжета — Волга, Карашарь, Улясутай — заставляетъ предполагать существованіе неизвѣстныхъ намъ списковъ сборниковъ, такого же типа, какъ MS. Burd., Ерд.-чѣм. и Ч.-ч., или же — существованіе отдѣльнаго сказанія или цѣлаго цикла, изъ котораго оно было позаимствовано разными монгольскими племенами.

IX разсказъ MS. Burd. является очень близкой версіей чрезвычайно популярнаго въ Индіи разсказа, какъ въ буддійской литературѣ, такъ и въ не буддійской¹.

X разсказъ MS. Burd. тоже очень близокъ къ соотвѣтствующимъ индійскимъ версіямъ. Этотъ же разсказъ въ близкой редакціи встрѣчается въ «Толкованіи» на Subhāṣita (разсказъ № 11) и въ «Комментаріи» на сочиненіе «Букетъ бѣлыхъ лотосовъ», о которомъ было упомянуто выше (разсказъ № 32). Въ монгольской средѣ извѣстны и очень похожіе народные переказы².

XI разсказъ MS. Burd. отличается отъ индійскихъ версій въ деталяхъ; особенно разнится начало разсказа.

XII разсказъ MS. Burd. отличается въ частностяхъ отъ версій Purn. Mulla. N.-P. Южн. Раѣ. и Schiefner-Ralston³. Въ монгольской литературѣ извѣстна еще одна версія этого разсказа — это 22 гл. сборника различныхъ разсказовъ на ойратскомъ (калмыцкомъ) языкѣ, подъ заглавіемъ

¹ См. С. О. Ольденбургъ. Новыя книги о Тибетѣ. III (Рецензія на книгу capt. O'Connor'a, Folk tales from Tibet). Ж. М. Н. Пр. 1908, ч. 56, стр. 228—229.

² Найманъ Бадмаевъ. Ор. cit. № 11 «Заяцъ и Левъ», стр. 22—23. Пересказъ Наймана Бадмаева настолько близокъ къ версіи Ерд.-чѣм. и MS. Burd., что позволяетъ предполагать его источникомъ ойратскую (калмыцкую) редакцію Ерд.-чѣм. (библіотека Петроград. Унив. располагаетъ 3-мя ойратскими рукописями Ерд.-чѣм.). Н. Б. Бадмаевъ говоритъ (ор. cit. «Вмѣсто предисловія») о какомъ-то «подлинникѣ» своего сборника сказокъ, но, къ сожалѣнію, точно не указываетъ его характеръ, т. е. были ли его сказки взяты изъ книжной или живой народной литературы.

³ См. также Th. Benfey. Panchatantra. I, p. 193—195. Въ монгольскомъ Ганджурѣ разсказъ, соотвѣтствующій Schiefner-Ralston XXVI, находится въ томѣ на, отдѣла ҺДул-ба, f. 212—f. 213 (по экземпляру печатнаго Ганджура Парижской Національной Библіотеки — Fond Pelliot.). Въ первой фразѣ этого текста: урида il болубсан Бѣ-рѣ-на-сѣ балбасун-дур Арибун-ѹге-тѹ кемекѹ кабан il улустур кабан болцу, — встрѣчается любопытное слово il народъ (ср. Б. Владиміровъ. Турецкіе элементы въ монг. яз. З. В. О. И. Р. А. О., XX, стр. 176—177).

Аршан номіііі тўці — «Сказаніе нектарнаго Закона»¹. Вотъ пересказъ этой версіі²:

Жили нѣкогда два человѣка: одинъ—праведникъ, другой—грѣшникъ. Однажды они заспорили: праведникъ говорилъ, что хорошее будущее перерожденіе можно пріобрѣсть только добрыми дѣлами; грѣшникъ же говорилъ, что его можно заслужить неправыми дѣлами. Когда они обратились за разрѣшеніемъ спора къ одному постороннему человѣку, избравъ его посредникомъ, тотъ присоединился къ мнѣнію грѣшника, такъ какъ заранѣе былъ тѣмъ подкупленъ. Праведникъ, проигравъ состязаніе, долженъ былъ, согласно условію, отдать грѣшнику все свое имущество, въ томъ числѣ и свою лодку, на которой онъ перевозилъ всѣхъ желающихъ черезъ одну быструю и глубокую рѣку; такъ, перевезъ онъ однажды лису, змѣю, мышъ и пчелу.

Праведнику, послѣ того какъ онъ потерялъ свое состояніе, нечего было дѣлать на родинѣ, и онъ ушелъ скитаться по землѣ. Забрелъ праведникъ разъ въ одну пещеру и встрѣтилъ тамъ лису, которую ему раньше пришлось переправить на лодкѣ. Лиса захотѣла отблагодарить праведнаго человѣка. Она побѣжала, достала мяса съ царскаго пира и передала его своему другу. Но царскіе слуги по слѣдамъ лисы добрались до той пещеры, схватили праведника и посадили его въ тюрьму. Тамъ къ нему явилась на помощь змѣя, раньше перевезенная имъ на лодкѣ. Она капнула на безымянный палецъ праведнаго человѣка лѣкарство, а царю причинила глазную болѣзнь. Царь объявилъ тогда, что онъ отдастъ свою дочь и множество сокровищъ тому, кто его вылѣчитъ. Праведникъ помазалъ глаза царя лѣкарствомъ, даннымъ ему змѣей, и вылѣчилъ царя. Но царь не захотѣлъ сразу отдать тому человѣку свою дочь, а приказалъ разыскать мѣшокъ рису въ темномъ мѣстѣ и сказалъ праведнику, что отдастъ свою дочь только въ томъ случаѣ, если праведный человѣкъ сумѣетъ собрать весь разсыпанный рисъ до одной рисинки. Тогда праведнику оказала помощь мышъ, которую онъ раньше перевезъ на своей лодкѣ. Она созвала множество мышей, которыя быстро собрали весь разсыпанный рисъ. Тогда царь сказалъ праведнику, что отдастъ ему свою дочь, если онъ сумѣетъ отличить ее отъ другихъ дѣвушекъ, ея подругъ. Тутъ пчела вывела праведника изъ затрудненія. Предупредивъ его, она сѣла на глазъ царевны, и праведникъ такимъ образомъ легко ее узналъ.

¹ См. ойратскую рукопись бібліотеки Петрогр. Унив. Q. 107 по рукописному каталогу, f. 17 г.—f. 18 v. Ср. J. Hertel. Über einen südlichen textus amplior des Rañcatantra. Z. d. D. M. G. 61. 1907, p. 24—25.

² Начинается этотъ разсказъ словами: баса уріда цагту Бујан-ўјіледүгчи Нўл-ўјіледүгчи хојор буі, — и кончается: тејіміііі тула ном ўјіледүгчи бўкўн бујан-ду седкіл-луба (sic) ўлў хабацан, номі чу аңхарун абху керегтеі буі.

Сборникъ Музея Антроп. и Этногр., т. V.

Царь, послѣ этого, восхвалилъ умъ праведнаго человѣка, далъ ему въ жены свою дочь и несмѣтныя сокровища.

А грѣшникъ, между тѣмъ, впалъ въ бѣдность; прослышавъ о судьбѣ человѣка, имуществомъ котораго онъ когда-то завладѣлъ, онъ пошелъ къ праведнику и попросилъ о помощи. Праведный человѣкъ не отказалъ ему.

Въ «Толкованіи» на *Subhāṣita* находится еще одна версія этой повѣсти, въ общемъ близкая къ редакціи MS. Burd. (рассказъ № 55).

С. Н. Tawney сближаетъ соотвѣтствующій рассказъ изъ *Kathāsarit-sāgara* о «Благодарныхъ животныхъ и неблагодарной женщинѣ» съ XIII-мъ рассказомъ *Siddhi-kūr'a*¹; но редакція послѣдняго представляетъ такія отличія, какъ въ отдѣльныхъ мотивахъ, такъ и въ общемъ сюжетѣ, что подобное сопоставленіе представляется рискованнымъ.

XIII рассказъ MS. Burd. очень близокъ къ индійскимъ версіямъ. Китайская версія (*Chavannes*. № 389) отличается только незначительными деталями; въ данномъ случаѣ и въ китайскомъ рассказѣ является шакаль, а не лиса. Въ заключеніи этого рассказа MS. Burd. и Ерд.-чим. упоминаются стихи *oi-jin tñri* — лѣснаго божества; цитированьемъ стиховъ божества оканчивается и рассказъ *Schiefner-Ralston XXXVI*²; въ Ч.-ч. соотвѣтствующіе стихи произносятъ *deva* съ неба, такъ же какъ и въ китайской версіи (*Chavannes*. № 389)³. Всѣ эти *gāthā* очень близки другъ къ другу. Этотъ же рассказъ встрѣчается въ «Толкованіи» на *Subhāṣita* (№ 17) и въ «Толкованіи» на «Букетъ бѣлыхъ лотосовъ» (№ 37).

XIV рассказъ MS. Burd. принадлежитъ къ группѣ рассказовъ, очень популярныхъ въ Индіи, въ которыхъ слабое животное спасается отъ козней сильнаго животнаго⁴. Болѣе близкой параллели мнѣ подыскать не удалось.

¹ См. С. Н. Tawney, M. A. *The Kathā Sarit Sāgara or Ocean of the Streams of Story*. Translated from the original sanskrit. Vol. II, p. 104. Рассказы о «Благодарныхъ животныхъ и неблагодарномъ человѣкѣ» въ разныхъ версіяхъ широко распространились по всей Азии, ср. Adhémar Leclère. *Contes laotiens et Contes cambodgiens*. Collection de Contes et Chansons populaires. Paris, 1903, p. 111—115.

² p. 338. Въ монгольскомъ Ганджурѣ рассказъ, соотвѣтствующій *Schiefner-Ralston XXXVI*, находится въ томѣ на отдѣла *hDul-ba*, f. 266—f. 267 (по экземпляру печатнаго монг. Ганджура Парижской Національной Библіотеки — *Fond Pelliot*).

³ *Chavannes*. t, II, p. 418.

⁴ Ср. замѣтку С. О. Ольденбурга въ статьѣ бар. В. Р. Розена: Къ вопросу объ арабскихъ переводахъ Худай-нама. Восточныя Замѣтки. СПб. 1895, стр. 165—167.

XV рассказ MS. Burd. является версией, повидимому, очень древней басни, известной еще Чжуань-цзы¹. В Раїсатантра о ней только упоминается² в стихах I, 1. Очень близкий рассказ был записан А. Д. Рудневым от одного тумута (вост.-монг.), только-что приехавшего в Забайкалье³.

XVI рассказ MS. Burd. является очень близкой версией XV гл. известного сборника Сиддхи-күр. Соответствующий рассказ Ч.-ч. называется главных героев: царевича — Цалабу (Юноша), а сына сановника — Ёнеген (Лиса); Ерд.-чим. понимает слова Цалабу, Ёнеген в буквальном смысле, т. е. «молодая лиса», и, не приводя какого-либо иллюстрирующего рассказа, ограничивается одним примечением (Ерд.-чим., f. 26 v.). Известны среди монголов и народные пересказы; напр., на р. Кобдо, недалеко от города Кобдо, мне пришлось слышать одну довольно близкую версию. Вообще, надо заметить, рассказы Сиддхи-күр'a чрезвычайно популярны среди монголов, у которых они имеются в разных списках разных редакций и версий и, кроме того, известны во многих, иногда очень оригинальных, пересказах⁴.

XVII (последний) рассказ MS. Burd. очень близок к версии Schiefner-Ralston XXIV⁵, — только рассказ MS. Burd. распланирован несколько по другому, о чем уже упоминалось выше. Версия Tittira-jātaka (№ 37)⁶ несколько отлична, — тут действствующими лицами являются только трое: куропатка, обезьяна и слон, как и в китайской версии, которая является самой краткой⁷. «Толкование» на соч. «Букет белых лотосов»

¹ См. The writings of Chuang-tze. The Sacred Books of the East. XXXIX, p. 375, 388—389. Этим указанием я обязан В. М. Алексееву.

² Раї. В. II, p. 6. Раї. L., p. 10.

³ См. А. Д. Руднев. Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб. 1911, стр. 44—45 (монг. текст и русск. перевод).

⁴ Ср. О. Ковалевский. Монгольская хрестоматия. Т. I. Казань. 1836, стр. 376; см. ниже, стр. 439.

⁵ В монгольском Ганджурь рассказ, соответствующий Schiefner-Ralston XXIV, находится в том же отделе hДул-ба, f. 112r—f. 116v (по экземпляру печатного Ганджура Парижской Национальной Библиотеки — Fond Pelliot), причем монг. текст представляет некоторые отличия сравнительно с тибетской версией, которую пользовался А. Шифнер. Текст рассказа монг. Ганджура начинается так: ерте болуусан Касика улус-ун ниген цуцабан ои-дур дорбен амитан оросивчи итабу киред таулаи бечин цабан болаи (ср. Schiefner-Ralston, p. 302).

⁶ Jāt. I, p. 93—95.

⁷ Chavannes. № 481. t. III, p. 272—273. Рассказ этот очень популярен в буддийских кругах, чрезвычайно популярен в Китае, где служит

тоже содержитъ этотъ разсказъ въ редакціи, близкой Schiefner-Ralston (разсказъ № 83).

VI.

Какъ видно изъ выше приведенныхъ примѣровъ, разсказы сборника MS. Burd. или близкія къ нимъ книжныя версіи получили довольно большое распространеніе въ монгольской устной народной литературѣ. Еслибы наши познанія въ области монгольской народной словесности были обширнѣе и глубже, вѣроятно нашлись бы и другія параллели. Сказочная литература индійскаго происхожденія оказала огромное и, можетъ-быть, роковое вліяніе на монгольскую народную словесность, монгольскую живую старину вообще. Сказки и легенды индійскаго происхожденія, проникшія въ Монголію вмѣстѣ съ буддизмомъ, почти совсѣмъ уничтожили монгольскую національную сказку, смѣшались съ ней, отодвинули ее на задній планъ. Современный монголь, будь то халхасецъ изъ-подъ Улэсутая и Урги, калмыкъ съ береговъ Волги, торгуетъ съ Алтая, постоянно слышитъ и самъ разсказываетъ сказки далекой Индіи и только иногда возвращается въ кругъ родныхъ легендъ и сказаній. Такое распространеніе иноземныхъ сказокъ происходило, главнымъ образомъ, книжнымъ путемъ, путемъ заимствованія народомъ разныхъ повѣстей, сказокъ, легендъ и разсказовъ изъ буддійскихъ книгъ.

Сравненіе устныхъ народныхъ монгольскихъ сказокъ и легендъ съ соотвѣтствующими книжными версіями съ несомнѣнностью обнаруживаетъ источникъ народныхъ пересказовъ и объясняетъ, иногда очень подробно, какъ и какимъ образомъ зародилось то или другое народное устное сказаніе, народный пересказъ. Въ дѣлѣ распространенія буддійскихъ сказокъ индійскаго происхожденія среди монголовъ большую роль сыграли ламы и степные грамотеи. О слабомъ и незначительномъ распространеніи грамоты среди монголовъ часто говорили европейскіе путешественники и изслѣдователи. Конечно, точныхъ статистическихъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ, но, мнѣ кажется, мнѣніе это значительно преувеличено.

Буддизмъ всегда и всюду любилъ сказочные разсказы, любилъ, придавая имъ особое значеніе, пользоваться ими для своихъ цѣлей, для распространенія своего ученія¹. Монгольскіе ламы всегда слѣдовали и слѣдуютъ

темою для лубочныхъ картинъ; ср. тибетскую версію, записанную Г. Н. Потанинымъ (см. его «Тибетскія сказки и преданія». Живая Старина, 1912, стр. 408—409).

¹ Ср. E. Chavannes. Cinq cents contes et apologues extraits du Tripitaka chinois. Paris, 1911, t. I, p. VIII—XX. Сергѣй Ольденбургъ. Буддійскія легенды и буддизмъ. З. В. О. И. Р. А. О., т. IX, стр. 157—165. Félix Lacôte. Essai sur Guṇādhya et la Bṛhatkathā. Paris, 1908, p. VII—VIII, 231—236. Ср. свидѣтельство Даранаты о переходившихъ «изъ ушей въ уши» разсказахъ о былыхъ перерожденіяхъ Будды, — см. В. П. Васильевъ. Буддизмъ. ч. III, стр. 100.

этой старой традиціи. При посѣщеніи буддійскаго монастыря, при встрѣчѣ съ ламой въ степи, простой монголь постоянно слышитъ отъ монаха какое-нибудь сказаніе, какую-нибудь сказку. Ламы любятъ объяснять разныя явленія прошлой и настоящей жизни своими буддійскими сказаніями, приводить по разному поводу и по разнымъ житейскимъ обстоятельствамъ легенды, хорошо имъ знакомыя изъ буддійскихъ книгъ. Эти рассказы подхватываются мірянами и широко распространяются, иногда въ чистомъ, иногда въ искаженномъ видѣ. Такъ распространились среди монголовъ разныя сказанія изъ жизни Будды, о его прошлыхъ перерожденіяхъ, о жизни буддійскихъ святителей Индіи, Тибета и Монголіи, рассказы о славныхъ монастыряхъ, легенды о прошлыхъ перерожденіяхъ разныхъ героевъ.

Но, быть можетъ, степные грамотеи послужили еще болѣе дѣлу распространенія среди монголовъ сказокъ далекой Индіи. Степной грамотей — особый типъ. Путешественники до извѣстной степени правы, говоря о маломъ количествѣ грамотныхъ, а тѣмъ болѣе образованныхъ лицъ среди монголовъ. Такихъ лицъ, дѣйствительно, немного. Но зато сколько полуграмотныхъ, самоучекъ, читающихъ по складамъ! Такіе степные грамотеи не рискуютъ сами писать, переписывать, но они все-таки читаютъ и читаютъ, и особенно охотно и легко разбираютъ свои собственныя, хорошо имъ знакомыя книги, чаще всего рукописныя. У монгольскаго степного грамотея обычно бываетъ немного книгъ: нѣсколько сутръ, одно, два астрологическихъ сочиненія, да двѣ, три повѣсти, — вотъ и все, да и это встрѣчается далеко не у каждаго. Но зато книги, которыхъ на рукахъ такъ мало, а достать неоткуда, да и нѣтъ достаточной энергіи, читаются и перечитываются много разъ подъ рядъ, такъ что какой-нибудь грамотей, обычно едва разбирающій по складамъ, начинаетъ читать свою привычную книгу очень бѣгло. Часто онъ читаетъ какое-либо сказаніе вслухъ или, еще чаще, рассказываетъ его, припоминая почти дословно, своимъ пріятелямъ и случайнымъ посѣтителемъ своей юрты. Тѣ подхватываютъ слышанное и, при случаѣ, пересказываютъ, кто какъ умѣетъ, запомнившійся рассказъ, и онъ распространяется по всей округѣ. Если въ какой-либо мѣстности живетъ монголь-грамотей, имѣющій, напр., нѣсколько главъ сказанія о Гесеръ-ханѣ, можно быть увѣреннымъ, что большинство монголовъ во всей округѣ, даже женщины, хорошо знаютъ именно эти главы и часто совершенно точно могутъ указать на опредѣленное лицо, какъ на источникъ своего знанія. Монголы часто отличаются превосходной памятью и могутъ, прослушавъ 2 — 3 раза какое-нибудь понравившееся имъ и поразившее ихъ сказаніе, повторить его почти дословно. Мнѣ часто приходилось слышать и записывать отъ совершенно неграмотныхъ монголовъ сказки, которыя почти слово въ слово повторяли книжную версію. Большую роль при

распространеніи книжныхъ буддійскихъ сказаній среди монгольскихъ племенъ на большомъ пространствѣ играютъ также странствующие нищенствующие монахи, такъ называемые «бадарчи». Переходя отъ одного монастыря къ другому, обходя встрѣчныя княжества, забѣгая почти въ каждую попадающуюся на пути юрту, бадарчи всегда пользуются случаемъ вспомнить тотъ или другой рассказъ, то или другое сказаніе, потому что такое знаніе часто можетъ имъ пригодиться, оказать имъ услугу; бадарчи ищутъ, вѣдь, вниманія; ему надо расположить незнакомыхъ людей къ себѣ, выставить самого себя съ лучшей стороны. И бадарчи обыкновенно охотно, при посѣщеніяхъ и обходахъ встрѣченныхъ юртъ, пускаются рассказывать сказки и легенды о видѣнныхъ ими святыняхъ, о монастыряхъ, о чудесахъ перерожденцевъ; переходятъ они часто и къ болѣе «свѣтскимъ» темамъ и на забаву своихъ слушателей принимаются передавать, кто какъ умѣетъ, сказанія, слышанныя ими въ монастыряхъ отъ грамотныхъ ламъ или отъ образованныхъ чиновниковъ. И сказаніе, извѣстное, напр., среди чахаръ, — извѣстное какъ опредѣленное литературное произведеніе, — заносится вдругъ, такимъ образомъ, на Алтай, къ торгутамъ и прививается тамъ по той или другой случайной причинѣ, найдя себѣ благопріятную почву въ видѣ даровитыхъ и памятливыхъ слушателей. Подобнымъ-то путемъ распространились среди монголовъ любимые ими рассказы изъ *Damamūka* (монг. *Üliger-ün dalaï*), сказаніе о *Вігармецідѣ* — *Vikramāditya*, сказки *Vetāla*, китайско-тибетскій романъ о богинѣ *Тāgā*¹. Подобнымъ же образомъ распространились и рассказы *MS. Burd.* и сходныхъ версій. Этимъ я, конечно, не хочу отрицать значенія дѣйствительно образованныхъ, хорошо грамотныхъ, по крайней мѣрѣ, монголовъ для распространенія индійской и тибетской повѣствовательной литературы; наоборотъ, и ихъ значеніе велико и очевидно. Не надо забывать при этомъ, что ламы и даже очень ученые, часто отлично знаютъ не только одну тибетскую, но и монгольскую письменность, а, съ другой стороны, свѣтскія лица, имѣвшія возможность получить хорошее образованіе, — напр., князья, ихъ дѣти, чиновники, — часто владѣютъ и тибетскимъ языкомъ.

¹ Объ этомъ романѣ см. *Musei Asiatici Petropolitani notitia*. VII, стр. 057 (7). Азіат. Музей и бібліотека Петроград. Универс. располагаютъ нѣсколькими отличными рукописями, представляющими это въ высшей степени любопытное сказаніе въ двухъ версіяхъ; см. *MS. Азіат. М.: Юрганова-Вяткина* № 10, IX—1011, Жамцарано (1904 г.) 7; *MS. библиот. П. Универс.:* № 1259. Одна изъ главъ «Романа о Тāgā» на ойратскомъ языкѣ была приобрѣтена мною въ С.-З. Монголіи. Романъ этотъ не имѣетъ ничего общаго со сказаніемъ о Бабамаі (<санскр. *Maḥāmāyā*) катунъ ~ Дара еке (Тāgā), извѣстнымъ по пересказу Г. П. Потанина (см. его «Очерки С.-З. Монголіи». В. IV, стр. 310—320).

Иногда книжная повесть искажается в устной передаче: пересказчик забывает, путает, мѣшаетъ собственные имена, а иногда и цѣлые мотивы и сюжеты. Порой такая искаженная в устной передаче книжная повесть фиксируется какимъ-нибудь искуснымъ рассказчикомъ, который умѣетъ придать ей связный и законченный видъ, и тогда такое передѣланное сказаніе начинаетъ бродить иногда даже параллельно съ версіей, лучше переданной, восходящей непосредственно къ книжному оригиналу. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытна сказка «Бадърчѣцъ», помѣщенная въ «Образцахъ монгольской народной литературы» Ц. Ж. Жамцарано и А. Д. Руднева¹. Разборъ этой сказки ясно показываетъ намъ, какъ въ рамку своеобразнаго бытового рассказа о нищемъ монахѣ-паломникѣ была вставлена одна изъ сказокъ извѣстнаго Сиддхи-кūr'а (№ 11)², и въ то время какъ соотвѣтствующій рассказъ Сиддхи-кūr'а въ чистомъ видѣ очень хорошо извѣстенъ въ устной монгольской литературѣ, широкую извѣстность получила и новая устная обработка «Бадърчѣцъ» и именно въ опредѣленномъ, зафиксированномъ видѣ. Ц. Ж. Жамцарано записалъ эту сказку въ Халхѣ—въ Ургѣ³; мнѣ пришлось слышать ту же сказку почти безъ всякихъ варіацій въ Улясутаѣ и на р. Кобдо среди мингатовъ и элэтовъ⁴.

¹ Вып. I. Халхаское нарѣчіе (тексты въ транскрипціи). СПб. 1908, стр. XXXV—LX.

² См. Г. Гомбоевъ. Шидди-куръ. Этнографическій Сборникъ, изд. И. Р. Г. О., вып. VI, стр. 55—60. В. Jülg. Die Märchen des Siddhi-kūr. Kalmükischer Text mit deutscher Übersetzung und einem kalmükischen-deutschen Wörterbuch. Leipzig, 1866, p. 103—108. Sagas from the Far East. London, MDCCCLXXIII, p. 120—129.

³ Op. cit., стр. 8.

⁴ Извѣстна и другая монгольская народная обработка того же 11-го рассказа Сиддхи-кūr'а, см. А. Д. Рудневъ. Хори-бурятскій говоръ. Выпускъ 3. Переводъ и примѣчанія. СПб., 1913—1914, стр. 071—072 (XIX. Семья съ чудотворнымъ бурханомъ); см. также стр. 0114. Представляется чрезвычайно любопытнымъ, что соотвѣтствующій рассказъ встрѣчается въ народныхъ аннамитскихъ сказкахъ, причемъ онъ также вставленъ въ особый бытовой рассказъ, см. Abel des Michels. Contes plaisants Annamites. Paris, 1888, p. 1—5 (Traduction française. — La Fille qui veut épouser un roi). Очень интересно отмѣтить, что въ джайнскомъ сборникѣ Kathākoṣa находится рассказъ, чрезвычайно приближающійся къ рассматриваемой 11-ой сказкѣ Сиддхи-кūr'а; см. The Kathākoṣa; or, Treasury of Stories. Translated from Sanskr. Manuser. by C. H. Tawney. London, 1895, p. 130—135. (Story of the Hypocritical Ascetic and the Two Maidens). Тотъ же рассказъ встрѣчается въ Tantrākhyāna, Kathāsaritsāgara и другихъ индійскихъ произведеніяхъ (см. C. Bendall. Tantrākhyāna, p. 482).

Сравнивая сказаніе о происхожденіи дэрбэтскихъ князей, записанное А. В. Бурдуковымъ¹ отъ одного чиновника-грамотея, съ другими сказаніями дэрбэтовъ и ойратовъ объ ихъ князьяхъ², легко видѣть, какъ на старую, быть можетъ, національную, тотемистическую легенду напластовалось извѣстное сказаніе о devī Maṇoharā, очень распространенное среди монголовъ³.

Прошло уже нѣсколько столѣтій послѣ введенія буддизма въ Монголію, и за это время индійскія сказки, индійскія книжныя повѣсти, прийдя къ монголамъ разными путями, успѣли почти совершенно заполнить монгольскую народную литературу. И для правильнаго представленія о монгольской народной словесности, для правильнаго ея освѣщенія, для того, чтобы можно было съ увѣренностью отдѣлить національные мотивы и сюжеты отъ заимствованныхъ, необходимо основательное знакомство съ книжной повѣствовательной, сказочной литературой Монголіи и Тибета. Пока въ этомъ направленіи сдѣлано немного; европейскимъ изслѣдователямъ извѣстны только нѣсколько повѣстей изъ Ганджура, сборникъ *Damaṁka*⁴, да отрывки изъ *Siddhi-kūr'a* и изъ сказаній цикла царя *Vikramāditya*, и довольно богатые коллекціи Азіатскаго Музея и библіотеки Петроградскаго Университета ждутъ еще своихъ изслѣдователей.

¹ А. В. Бурдуковъ. Преданіе о происхожденіи дэрбэтскихъ князей. Труды Троицк.-Кяхт. отд. Приамур. отд. И. Р. Г. О., т. XIV, вып. 1—2 и послѣдній, стр. 54—59.

² См. *ibid.*, стр. 54, примѣчанія В. Л. Котвича.

³ См. С. Θ. Ольденбургъ. Буддійскія легенды. Ч. I. *Bhadrakalpāvadāna. Jātaka-mālā*. СПб. 1894, стр. 43—47, 80. Schiefner-Ralston. V. *Sudhana Avadana*; соотвѣтствующій монгольскій текстъ находится въ монг. Ганджурѣ, т. к'а, отдѣла *hДул-ба*, f. 291 v. — томъ га того же отдѣла, f. 14 (по печатному экземпляру Парижской Національной Библіотеки — *Fond Pelliot*). Библіотека Петрогр. Универс. располагаетъ нѣсколькими монгольскими и ойратскими рукописями, содержащими текстъ того же сказанія въ нѣсколько иной редакціи, см. Q. 408, Q. 569, Q. 530.

⁴ Новыя свѣдѣнія о *Damaṁka* сообщаютъ: J. Takakusu (*Tales of the Wise Man and the Fool*, in *Tibetan and Chinese*. J. R. A. S. 1901, p. 447 — 460) и проф. P. Pelliot (*Notes à propos d'un catalogue du Kanjur*. J. A. 11 s. t. VI, p. 139). Нѣкоторые списки монгольской версіи этой книги указываютъ имя монгольского переводчика Гуші цорциба, исполнившаго свою работу въ монастырѣ Ердени зү по порученію Амутаі (Абатаі)-хана. Колофоны пекинскихъ изданій монгольской версіи *Damaṁka*, какъ и монгольского Ганджура, не имѣютъ этого указанія.

Къ изданію текста.

(О трехъ періодахъ развитія монгольскаго письменнаго языка).

MS. Burd. — 14 × 26 сант., 36 + 3 ff., въ 9 lin.; 3 f. служатъ обложкой, на нихъ выдержки изъ дальнѣйшаго текста, не хватаетъ одного f. (f. 28). Бумага — тонкая китайская; MS. сброшюрованъ въ формѣ кит. бэнь-дзы. Почеркъ — современно-монгольскій, довольно четкій. Подзаголовки нѣкоторыхъ разсказовъ выставлены на поляхъ.

Текстъ настоящей рукописи писанъ не только со всѣми особенностями, которыя отличаютъ современную монгольскую свѣтскую письменность, допускающую извѣстное вторженіе живой рѣчи и пытающуюся примирить это съ правилами «классическаго» письменнаго языка, но и съ особенностями, привлекающими исключительный интересъ. Эти отличія заключаются въ еще болѣешемъ проникновеніи явленія живой рѣчи и оригинальномъ способѣ транскрибировать слова и формы народной рѣчи и примѣнять ихъ къ требованіямъ монгольской письменности. Явленій этихъ въ текстѣ такъ много, что можно, съ извѣстной оговоркой, признать его діалектическимъ. На текстѣ MS. Burd. отразились, главнымъ образомъ, особенности, свойственныя вообще всѣмъ современнымъ халхаскимъ говорамъ, но иногда можно отмѣтить характерныя отличія именно халх.-зап. говора, въ районѣ котораго и была пріобрѣтена настоящая рукопись.

Письменный монгольскій языкъ отнюдь не является чѣмъ-то разъ навсегда установившимся; онъ знаетъ нѣсколько ступеней развитія¹ и въ томъ

¹ Ср. Г. I. Рамстедтъ. Сравнительная фонетика монгольскаго письменнаго языка и халха'ско-ургинскаго говора. СПб. 1908, стр. I—II, 1—5. Ср. также А. Позднѣевъ. Новооткрытый памятникъ монгольской письменности. время династїи Минъ. Восточныя Замѣтки. СПб. 1895, стр. 368. Нѣкоторыя указанія на особенности языка древнѣйшей монгольской письменности можно найти въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: A. von Schiefner. Ein kleiner Beitrag zur mongolischen Palaeographie. Mélanges Asiatiques, t. II, p. 487 — 489; А. Бобровниковъ. Граммат. монг.-калмыцк. яз. Казань, 1849, стр. 147; В. Л. Котвичъ. Лекціи по граммат. монг. яз. СПб. 1902, стр. 129 — 130; P. Pelliot. Sur quelques mots d'Asie Centrale attestés dans les textes chinois. I. Mängü et Möngkä (*Mönka). Journ. As. XI s., t. I, p. 451 — 459. Нельзя не согласиться съ А. М. Позднѣевымъ, сказавшимъ, что

видѣ, въ какомъ его представляютъ намъ всѣ наши грамматики, установился сравнительно недавно.

О древнѣйшемъ періодѣ развитія монгольскаго письменнаго языка мы знаемъ очень мало; нѣсколько небольшихъ памятниковъ, сохранившихся отъ XIII и XIV вѣковъ, не даютъ намъ полной картины¹; но, тѣмъ не менѣе, мы не можемъ терять надежду на расширеніе и углубленіе нашихъ знаній въ этой области. Могутъ быть разысканы новые памятники той эпохи; затѣмъ, параллельное изученіе памятниковъ уйгурской буддійской письменности и детальное изученіе позднѣйшихъ монгольскихъ буддійскихъ сочиненій, которыя нерѣдко являются только переработанными болѣе древними произведеніями, навѣрное, дадутъ намъ цѣнный матеріалъ для сужденія о письменномъ монгольскомъ языкѣ древнѣйшей эпохи. Періодъ этотъ характеризуется, прежде всего, тѣмъ, что тогда монголами употреблялось безъ всякихъ измѣненій уйгурское письмо; затѣмъ тогдашній письменный языкъ монголовъ представляетъ нѣсколько особенностей съ точки зрѣнія орфографіи, морфологіи и лексики. Какъ показываютъ документы, разобранные G. J. Ramstedt'омъ², и памятникъ, разобранный В. Л. Котвичемъ³, эти особенности сохранялись по традиціи довольно долго, даже тогда, когда начали опредѣляться иныя черты, когда стали вырисовываться черты монгольскаго письменнаго языка второго періода.

Ко второму періоду развитія монгольскаго письменнаго языка относятся переводы и другія литературныя произведенія монголовъ отъ начала XIV вѣка до начала XVII в., т. е. за время пребыванія монголовъ, монгольской династіи въ Китаѣ, паденія этой династіи, за «темный» періодъ

I. J. Schmidt, собственно говоря, совершенно не изслѣдовалъ языка писемъ Гулагидскихъ султановъ (см. Позднѣвъ, *op. cit.*, стр. 368), оставшагося и до сихъ поръ неизученнымъ.

¹ Памятники такъ называемаго квадратнаго письма, какъ бы много они ни давали для исторіи монгольскаго языка вообще, въ данномъ случаѣ должны быть оставлены въ сторонѣ, потому что языкъ этихъ памятниковъ сильно отличался отъ языка старо-монгольской письменности (уйгурскаго письма); то же самое приходится сказать и о такомъ памятникѣ, какъ Юань-чао-ми-ши, который дошелъ до насъ въ транскрипціи китайскими іероглифами, представляющей намъ языкъ, совершенно отличный отъ языка «старо-монгольскаго письменнаго». Ср. противоположный взглядъ, высказанный А. М. Позднѣвымъ въ его «Лекціяхъ по исторіи монгольской литературы». СПб. 1896 (литографирован. изд. студента Х. П. Кристи), стр. 147—148.

² См. G. J. Ramstedt. *Mongolische Briefe aus Idikut-Schähri bei Turfan. Sitzungsber. d. P. Akad. d. Wissen.* 1909, XXXII, p. 838—848.

³ См. В. Л. Котвичъ. Монгольскія надписи въ Эрдэни-дзу. V т. «Сборника Музея А. и Э. Р. А. Н.», стр. 205—214.

монгольской исторіи вплоть до начала буддійскаго ренессанса въ Монголіи. Отъ этого періода развитія монгольской письменности до насъ почти не дошло подлинныхъ документовъ и мы принуждены обращаться къ произведеніямъ той эпохи, дошедшимъ до насъ въ рукописяхъ болѣе новыхъ. Къ особо интереснымъ памятникамъ монгольскаго письменнаго языка этого періода надо отнести произведенія Чой-чжи одзера (Чос-ску[кji]одзер)¹, дѣятельностью котораго, собственно говоря, и начинается для насъ этотъ второй періодъ исторіи монгольскаго письменнаго языка.

Отъ Чой-чжи одзера осталось нѣсколько переводовъ, дошедшихъ до насъ въ рукописяхъ разныхъ эпохъ². Несомнѣнно къ этому же періоду, по языку, даже, вѣроятно къ самому его началу, т. е. къ первой половинѣ

¹ О Чой-чжи одзерѣ см. Georg Huth. Geschichte des Buddhismus in der Mongolei. II Theil, Strassburg, 1896, p. 160—165; А. Позднѣевъ. Лекціи по исторіи монг. лит. I, стр. 192—194; Г. Ц. Цыбиковъ. Лам-рим чэн-по, т. I. Извѣст. Восточн. Инстит., т. XXX, Владивостокъ, 1910, стр. XIII (замѣчу при этомъ, что ни А. М. Позднѣевымъ, ни Г. Ц. Цыбиковымъ приводимыя ими слова колофона сочиненія Раисагакша вѣрно не переведены); энциклопедія мK'ас-наhi hōjuң-гнас—Мергед барку-jin орон указываетъ (отдѣлъ n'ар-hjin, f. 13), что Чос-ску од-зер'а называли и Чос-кji од-зер.

² Среди этихъ переводовъ особое вниманіе вызываетъ переводъ Чой-чжи одзера на монгольскій языкъ знаменитаго сочиненія Śāntideva: Bodhicaryāvatāra. До насъ этотъ трудъ дошелъ въ новой рукописи, приобретенной проф. О. Ковалевскимъ, содержащей переводъ Чой-чжи одзера, исправленный въ незначительной степени, какъ объ этомъ говорится въ заключительномъ колофонѣ, да-ламой монастыря Сунъ-чжу-сы, уратскимъ Гушi-bilig-ун далаi при содѣйствіи Чжан-чжа-хутухты въ началѣ XVIII в. (ср. О. Ковалевскій. Монгольская хрестоматія, т. II. Казань, 1837, стр. 459—460). Въ настоящее время эта цѣнная рукопись принадлежитъ Казанской Духовной Академіи, любезно предоставившей ее въ долгое временное пользованіе библіотекѣ Петроградскаго Университета. Bodhicaryāvatāra впоследствии была вторично переведена на монгольскій языкъ, въ XIX в., бурятами и издана ксилографическимъ способомъ; переводъ этотъ дословный, сервильный, не имѣетъ ничего общаго съ работой Чой-чжи одзера; 10 гл. Bodhicaryāvatāra вышла, кромѣ того, отдѣльнымъ ксилограф. изданіемъ въ переводѣ одного бурята, который, хотя и былъ знакомъ со старымъ переводомъ Чой-чжи одзера, тѣмъ не менѣе далъ свой совершенно самостоятельный переводъ. Имѣются извѣстія о томъ, что Зая-Пандита перевелъ Bodhicaryāvatāra на языкъ ойратскій, — такъ по крайней мѣрѣ говоритъ его біографія (см. К. Θ. Голстунскій. Монголо-Ойратскіе Законы. СПб. 1880, стр. 124; А. Позднѣевъ. Калмыцкая хрестоматія. СПб. 1907, стр. 171), — но до сихъ поръ этотъ переводъ не былъ нигдѣ обнаруженъ. Изъ другихъ старыхъ переводовъ временъ Юаньской династіи надо отмѣтить: Буркан бабши-jin арбан коjar цо кiјаңбуi, — второй томъ этого сочиненія, переведенный

XIV в., относится и переводъ *Subhāṣitaratnanidhi*, произведенія Сакья-Пандиты¹. Дошло до насъ еще нѣсколько сочиненій, сохранившихся въ

Шес-раб сең-ге, дошелъ до насъ въ старой рукописи, по всей вѣроятности XVII—XVIII в., принадлежащей библіотекѣ Петроград. Унив.: Q. 361; *Pañcarakṣa*,—дошла до насъ въ ксилографическомъ пекинскомъ изданіи, въ текетѣ, повидимому, переведенномъ Чой-чжи одзеромъ, просмотрѣнномъ и поправленномъ позднѣйшими переводчиками (Азіатскій Музей располагаетъ еще нѣсколькими переводами *Pañcarakṣa* временъ Юаньской династіи: переводъ съ тибетскаго и уйгурскаго Шес-раб сең-ге, — MS. — Жамцарано № 130; переводъ Есен темүр деб-ата при императорѣ Тобан темүр'ѣ, — хул. — VI, 48. О Шес-раб сең-ге см. G. Huth. *Geschichte des Buddhismus in der Mongolei*. II, p. 166; А. Позднѣевъ. Лекціи по исторіи монг. литерат. I, стр. 196).

¹ Произведеніе это дошло до насъ въ одной старинной рукописи, содержащей тибетскій текстъ *Subhāṣita* и подстрочный монгольскій переводъ неизвѣстнаго автора; MS. этотъ принадлежитъ библіотекѣ Петрогр. Унив. (подъ сигнатурой Q. 561. А. М. Позднѣевъ обращалъ уже вниманіе на эту рукопись, см. его «Новооткрытый памятникъ монгольской письменности временъ династіи Минъ». Восточныя Замѣтки. СПб. 1895, стр. 368; этою же рукописью пользовался и К. О. Голстунскій для своихъ «Критическихъ замѣчаній на изданіе проф. Юльга: „Die Märchen des Siddhi-Kûr“, приложение къ XI т. Запис. Акад. Наукъ, № 4. СПб. 1867, passim). По нѣкоторымъ особенностямъ письма тибетскаго текста и по случайнымъ калмыцкимъ глоссамъ можно думать, что рукопись эта ойратскаго происхожденія и была привезена калмыками на Волгу изъ Джунгаріи; она принадлежитъ къ тѣмъ книгамъ, которыя были распространены среди ойратовъ до изобрѣтенія письма Зая-Пандиты. Поэтому, можно сдѣлать предположеніе, что рукопись эта восходитъ къ самому началу XVII в., а, можетъ-быть, даже и къ XVI в. По языку же,—мы говоримъ, конечно, только о монгольскомъ переводѣ,—она гораздо старше; языкъ ея настолько архаиченъ, что его безъ колебаній можно поставить рядомъ съ произведеніями XIV в., напримѣръ, съ переводами Чой-чжи одзера. Именно черезъ сравненіе языка переводовъ Чой-чжи одзера съ языкомъ монгольскаго текста разсматриваемой рукописи передъ нами и встаетъ картина монгольскаго письменнаго языка второго періода, какъ со стороны морфологической, такъ и со стороны лексической; много цѣннаго матеріала дается и для фонетики. Замѣчу, кетати, что Азіатскій Музей Акад. Н. располагаетъ еще одной рукописью, уже новой, содержащей переводъ *Subhāṣita* совершенно той же редакціи, что и рассмотрѣнный выше (см. MS. подъ сигнатурой Tibet. № 33); отрывки монгольскаго перевода этого извѣстнаго произведенія Сакья-Пандита, — опять-таки той же редакціи, что и переводъ, заключающійся въ двухъ вышеуказанныхъ MS., — находятся въ одномъ рукописномъ сборникѣ гномическихъ сочиненій, прибрѣтенномъ А. Д. Рудневымъ у бурятъ (теперь находится въ Азіатскомъ Музее Акад. Н.: Рудневъ, № 60), и въ одномъ сборникѣ, тоже гномическихъ произведеній, прибрѣтенномъ J. Jaehrig'омъ въ 1782 г. (MS. Азіатскаго Музея, I, 39). — любопытное свидѣтель-

рукописяхъ болѣе или менѣе древнихъ¹, которыя мы можемъ тоже отнести къ этому второму періоду развитія монгольскаго письменнаго языка. До насъ дошелъ также громадный матеріалъ — монгольскій Ганджуръ въ рукописи XVII в., т. е. времени его редакціи на монгольскомъ языкѣ при Лекданъ-ханѣ чахарскомъ. Собственно говоря, монгольскій Ганджуръ только частями можетъ относиться ко второму періоду развитія монголь-

ство о распространеніи стариннаго перевода *Subhaṣitaratnanidhi* (новыхъ переводовъ этого произведенія у монголовъ имѣется нѣсколько; все они безусловно независимы отъ интересующаго насъ стариннаго перевода и не имѣютъ съ нимъ ничего общаго).

¹ Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ памятниковъ этого рода является старая рукопись, пріобрѣтенная А. Д. Рудневымъ въ цепенхановскомъ аймакѣ Халхи и пожертвованная имъ Азіатскому Музею Акад. Н. (Рудневъ, № 119). MS. этотъ содержитъ сказаніе о *Maudgalyāyana*, любопытное по своему содержанію, какъ новая версія этого распространеннаго буддійскаго разсказа (о другой монгольской версіи, болѣе обычной, см. А. Позднѣвъ. Монгольская лѣтопись «Эрденийнъ эрихъ». СПб. 1883, стр. 293—299); языкъ же этого текста является передъ нами въ необычайно архаической формѣ, какъ со стороны морфологій, такъ и со стороны лексики; удивительно архаичны и графика этого MS. и его орфографія. Рукопись эта даетъ прекрасно сохранившійся образецъ монгольской письменности второго періода, когда старое уйгурское письмо было только слегка видоизмѣнено монголами, — вѣрнѣе сказать, ими былъ установленъ нѣсколько особый почеркъ уйгурскаго письма, когда все еще послѣдовательно писали к (᠋ᠠ) передъ і въ словахъ «задняго ряда». Съ точки зрѣнія же морфологій и лексики текстъ этого MS. представляетъ много особенностей, характерныхъ именно для второго періода развитія монгольской письменности, такъ сближающихъ его съ произведеніями Чой-чжи одзера и переводомъ неизвѣстнаго автора *Ердени-јін саң*—*Subhaṣita*. Впослѣдствіи, при императорѣ Канъ-си, текстъ этого сказанія былъ изданъ ксилограф. способомъ, причемъ онъ былъ переработанъ въ духѣ монгольскаго «классическаго» языка; напр., вм. сѹ цалі MS. *Rudnevi* мы находимъ чоѹ цалі (см. хул. Азіат. М.—IX, 1030, f. 8 v.). Библіотека Петрогр. Унив. и Азіатскій Музей Акад. Н. располагаютъ еще нѣсколькими рукописями, болѣе или менѣе старыми, которыя могутъ дать намъ хорошій матеріалъ по языку монгольской литературы второго періода. Къ этому надо еще прибавить нѣсколько отрывковъ рукописей и ксилографовъ, найденныхъ полк. П. К. Козловымъ въ Хара-Хото, и MS., вывезенные Ц. Ж. Жамцарано изъ Ордоса (см. Ц. Жамцарано. Поѣздка въ Южную Монголію въ 1909—1910 гг. Извѣстія Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи. Серія II, № 2. СПб. 1913, стр. 48, 52). Очень можетъ быть, что придется отнести, по языку, къ этому періоду камнеписные памятники, открытые въ Западномъ Китаѣ проф. Р. Pelliot и въ Юнь-нани command. d'Ollone'омъ. То же самое придется сказать и о монгольскихъ фрагментахъ, найденныхъ въ Восточномъ Туркестанѣ (см. изложеніе реферата В. А. Котвича: О вновь открытыхъ памятникахъ монгольской письменности XIII и XIV вѣковъ. Запис. Восточн. Отд. Русск. Археолог. Общ., т. XIX, 1909, стр. XX—XXI).

скаго письменнаго языка, потому что его составители внесли въ него безъ большихъ передѣлокъ, а иногда и совсѣмъ интегрально, много переводовъ разныхъ частей буддійскаго Писанія, сдѣланныхъ въ болѣе раннюю эпоху¹; но, тѣмъ не менѣе, въ составъ монгольскаго Ганджура вошло много другихъ переводовъ, сдѣланныхъ въ XVII в., которые по языку будутъ уже относиться къ третьему, послѣднему періоду развитія монгольскаго письменнаго языка. Монгольскій Ганджуръ является, такимъ образомъ, памятникомъ двухъ эпохъ, памятникомъ двухъ ступеней развитія².

Конечно, трудно провести рѣзкую линію разграниченія между первымъ

¹ Напримѣръ Долубан ебѹген неретѹ одун-у судур (въ рукописномъ монгольскомъ Ганджурѣ, принадлежащемъ библіотекѣ Петроградскаго Унив., находится въ отдѣлѣ Е1деб, т. 31, f. 152—f. 162; въ печатномъ монг. Ганджурѣ — экземпляръ Парижской Національной Библіотеки, Fond Pelliot, въ отдѣлѣ Е1деб, т. 32, f. 378 v.—f. 382 r.). Колофонъ этой сутры (ср. В. Laufer. *T'oung Pao*, 1907, pp. 395, 397; P. Pelliot. *Notes à propos d'un catalogue du Kanjur*. J. A. 44 s., t. IV, 1914, p. 145—146) въ печатномъ изданіи Ганджура нѣсколько подновленъ. На монгольскомъ языкѣ существуетъ нѣсколько переводовъ этой сутры, причемъ нѣкоторые изъ нихъ сдѣланы съ китайскаго.

² Еще менѣе имѣетъ права быть отнесенной ко второму періоду развитія монгольскаго письменнаго языка «Исторія» Сананъ-Сецена, тѣмъ болѣе что дошла она до насъ въ новыхъ рукописяхъ (за послѣднее время, замѣчу кетати, въ Азіатскій Музей Акад. Н. поступило еще нѣсколько списковъ «Исторіи» Сананъ-Сецена, приобретенныхъ въ разныхъ частяхъ Монголіи, позволяющихъ критически пересмотрѣть изданіе I. J. Schmidt'a, но и эти всѣ рукописи — новыя), хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ она писана языкомъ, близкимъ къ литературному языку второго періода. Во всякомъ случаѣ, можно быть увѣреннымъ, что детальное изученіе монгольскаго Ганджура и многихъ другихъ произведеній монгольской литературы, въ томъ числѣ и «Исторіи» Сананъ-Сецена, въ особенности же, повторяю, анализъ старыхъ частей такой сокровищницы, какъ монгольскій Ганджуръ, дадутъ намъ богатый матеріалъ для представленія себѣ полной картины монгольскаго письменнаго языка второго періода, и тогда, въ значительной мѣрѣ, будетъ пролитъ свѣтъ на состояніе письменнаго языка и болѣе древняго, перваго періода; для установленія текста «Исторіи» Сананъ-Сецена, а, значить, и для выясненія ея языка, можетъ оказаться полезнымъ китайскій переводъ труда Сананъ-Сецена; см. Fr. Hirth. *Über eine chinesische Bearbeitung der Geschichte der Ost-Mongolen von Ssanang Ssetsen*. Sitzungsber. d. Bayer. Akad., München, 1900, Heft II, p. 195—198; E. Haenisch. *Die chinesische Redaktion des Sanang Setsen im Vergleiche mit dem mongolischen Urtexte*. Mitteilungen d. Seminars f. orient. Sprachen. B. VII, Abt. I, 1904, p. 173—199. Нѣкоторыя замѣчанія о языкѣ «Исторіи» Сананъ-Сецена разбросаны въ «Примѣчаніяхъ» «Монгольской хрестоматіи» проф. О. Ковалевскаго (см., напр., т. II, стр. 366, 434 etc.).

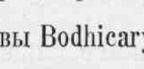
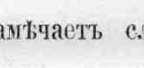
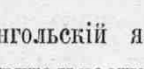
и вторымъ періодомъ, такъ какъ многое изъ стараго было передано новому, однако, литературный языкъ монголовъ за періодъ времени отъ XIV—XVII вв., ихъ письменность, представляетъ намъ достаточно много особенностей, чтобы выдѣлить періодъ этого развитія въ особую группу. Этотъ второй этапъ исторіи монгольскаго письменнаго языка характеризуется нѣкоторымъ приспособленіемъ стараго уйгурскаго письма, выработкой нѣсколько отличнаго «монгольскаго» почерка¹ и созданіемъ болѣе развитого литературнаго языка, причемъ, повидимому, языкъ старательно разрабатывалъ полученное отъ предшествующей эпохи наслѣдство и ревниво оберегалъ себя отъ всякихъ иноязычныхъ и, въ особенности, діалектическихъ вторженій, благодаря чему литературныя произведенія той эпохи сохранили въ лексическомъ отношеніи много древнихъ элементовъ, въ томъ числѣ и старыхъ турецкихъ заимствованій.

Третій періодъ развитія монгольскаго письменнаго языка начинается, *grosso modo*, съ буддійскимъ ренессансомъ въ Монголіи, съ XVII в. За время этого третьяго періода окончательно вырабатывается та форма литературнаго языка монголовъ, которая становится, признается «классической». Происходитъ окончательное приспособленіе стараго уйгурскаго письма, вырабатывается, наконецъ, окончательно настоящее «монгольское» письмо, опредѣляется нѣсколько видовъ почерковъ и одновременно съ этимъ обрабатывается и самый литературный языкъ, какъ со стороны морфологии, такъ и со стороны лексики и стиля. Этотъ новый періодъ характеризуется уже большими измѣненіями по сравненію со старымъ періодомъ, причемъ широко открываются двери разнымъ вліяніямъ, тибетскому и, особенно, діалектическому; очень замѣтно стремленіе очистить языкъ отъ формъ, словъ и выраженій старыхъ, ставшихъ непонятными, какъ бы

¹ Теперь, я думаю, можно утверждать съ большей долей вѣроятія, что всѣ сообщенія монгольскаго сочиненія Цирүкен-ү толта-јин тајилбурі и хор-чос-бјуцъ «изобрѣтеніи» и «усовершенствованіи» монгольскаго письма Сакья-Пандитой и Чой-чжи одзеромъ — не что иное, какъ легенда, возникшая въ позднее время (названные сочиненія были изданы въ XVIII и XIX вв.; Сананъ-Сеценъ, — и это важно отмѣтить, — подобныхъ свѣдѣній не сообщаетъ), возникшая, вѣроятно, благодаря памяти о дѣятельности среди монголовъ этихъ святителей и наличію разныхъ литературныхъ работъ Чой-чжи одзера, можетъ-быть, и грамматическаго сочиненія: Цирүкен-ү толта; ср. А. Позднѣвъ. Лекціи по исторіи монг. литерат. I, стр. 154—157, 193—197; Berthold Laufer. Skizze der mongolischen Literatur. Keleti-Szemle, 1907, VIII, p. 185—186. То же самое приходится сказать и о ལྷ་མཚན་འཕེལ་བའི་ཁྱེ་མེ་ལོང་།, составленномъ въ XVIII в., см. Sarat Chandra Dás. Contributions on the Religion, History &c, of Tibet. J. of th. A. S. of B.; v. L, p. 187; vol. LI, p. 67—68.

мертвымъ грузомъ традиціи передававшихся изъ поколѣнія въ поколѣніе отъ давнихъ временъ¹. Монголами даже дѣлаются попытки синтезировать, дать теорію этого новаго литературнаго языка; съ такой именно точки зрѣнія мы можемъ разсматривать сочиненія: Мергед барку-јін орон², Цірүкен-ў толта-јін тајилбурі³ и разные словари, изданные стараніями манджурскихъ императоровъ⁴. — Появляется «классическій» монгольскій письменный языкъ.

Всѣ европейскіе грамматики, занимавшіеся монгольскимъ письменнымъ языкомъ⁵, обозрѣвали и изучали почти исключительно этотъ новый

¹ Мы располагаемъ очень любопытнымъ свидѣтельствомъ одного литературнаго дѣателя о томъ, что письменный языкъ монголовъ второго періода кажется непонятнымъ литературно образованному монголу XIX вѣка. Барама Ратна, буряты, переводчикъ 10 главы Bodhicaryavatara (— || Чарј - а аватара - јін ірүгел) въ заключительномъ колофонѣ, говоря о старомъ переводѣ, сдѣланномъ Чой-чжи одзеромъ, замѣчаетъ слѣдующее: т. е. — «имѣется (въ этомъ старинномъ переводѣ) многое, несходное съ языкомъ народа этой стороны». На первый взглядъ можетъ показаться, что здѣсь имѣется въ виду бурятское нарѣчіе, родное автору перевода; но это не такъ; самъ авторъ далѣе указываетъ, что онъ перевелъ 10-ю гл. Caryavatara на баргу(- бурятско) - монгольскій языкъ (), тогда какъ, въ дѣйствительности, языкъ его перевода есть настоящій «классическій» письменный языкъ монголовъ новой формаціи. Поэтому, выраженія переводчика: «языкъ этой стороны», «баргу-монгольскій языкъ» надо понимать какъ «поэтическія» вольности, допущенныя авторомъ въ колофонѣ, написанномъ, кетати сказать, стихами (см. бурятскій хул. бібліотеки Петроград. Унив. sub: Q. 633, f. 11 v.—f. 12 r.).

² Объ этомъ произведеніи см.: О. Ковалевскій. Монг. хрестоматія. II, стр. 429—433; A. von Schiefner. Mélanges Asiatiques. Vol. I. St.-Petersburg, 1852, p. 411; А. Позднѣвъ. Лекціи по исторіи монг. литер. т. III, стр. 155—170; Г. Ц. Цыбиковъ. Лам-рим чэн-по. Извѣст. Восточн. Инстит. XXX. Владивостокъ, 1910, стр. XX—XXI.

³ См. B. Laufer. Skizze d. mong. Literat. Keleti-Szemle, 1907, VIII, p. 214; А. Позднѣвъ. Лекціи по исторіи монг. лит. I, стр. 150, 153, 155, 172, 192—193, 199; III, стр. 103.

⁴ См. B. Laufer. Op. cit., p. 175—180.

⁵ Перечень этихъ работъ данъ В. Laufer'омъ. Op. cit., p. 166—169. Къ этому списку надо прибавить; Г. Ц. Цыбиковъ. Пособіе къ практическому изученію монгольскаго языка. Владивостокъ, 1915; Г. I. Рамстедтъ. Сравнительная фонетика монгольскаго письменнаго языка и халха'ско-ургинскаго говора. Переводъ студентовъ Факультета Восточныхъ Языковъ СПб. Унив., съ перваго нѣмецкаго изданія; подъ редакціей прив.-доц. А. Д. Руднева, съ дополненіями автора. СПб. 1908.

литературный языкъ; къ тому же они, повидимому, были склонны считать этотъ письменный монгольскій языкъ новаго періода тождественнымъ съ литературнымъ языкомъ монголовъ болѣе древней эпохи, причемъ основывались, главнымъ образомъ, на текстахъ, изданныхъ ксилографическимъ способомъ въ Пекинѣ¹.

¹ Г. I. Рамстедтъ, устанавливая въ общемъ правильный взглядъ на монгольскій письменный языкъ (см. Фонетика, стр. I—II, 1—5), тѣмъ не менѣе не обращается къ изученію текстовъ, а считаетъ возможнымъ ограничиться однимъ «лингвистическимъ» анализомъ случайнаго матеріала; «я пока, — говоритъ онъ на стр. 3, — словами «письменный (литературный) языкъ» обозначаю то письменное изображеніе монгольскихъ словъ, которое, судя по аналогичнымъ явленіямъ, самое древнее». Благодаря этому въ его работѣ нерѣдко попадаются монгольскія слова въ формахъ, не только никогда не существовавшихъ въ древности, но и вообще неизвѣстныхъ монгольской письменности, напр. «jerün» (стр. 30), «čüjil» (стр. 44), «kögörken» (стр. 23). Очень много монгольскихъ словъ и формъ приведено Г. I. Рамстедтомъ въ томъ видѣ, въ какомъ они встрѣчаются только въ рукописяхъ, подвергшихся діалектическому вліянію, хотя имъ самимъ, впервые въ монголовѣдѣніи, было высказано совершенно правильное пожеланіе о томъ, «чтобы дѣйствительныя письменныя формы отличались какимъ-нибудь знакомъ (въ словаряхъ) отъ другихъ, которыя представляютъ лишь плодъ невѣжества или небрежности писца» (ор. cit., стр. 4).

А. Д. Рудневъ въ своей работѣ «Хори-бурятскій говоръ» (Петроградъ, 1913—1914) тоже приводитъ много формъ якобы монгольскаго письменнаго языка, въ дѣйствительности же никогда не встрѣчавшихся, не существовавшихъ въ монгольской письменности какого бы то ни было періода, а только теоретически созданныхъ на основаніи хори-бурятскаго говора или попадающихъ только въ малограмотныхъ и также подвергнувшихся діалектическому вліянію рукописяхъ; напр. «*-бараитуй» (Хори-бурятскій говоръ. Вып. 1. Опытъ изслѣдованія, стр. LXXIV), Genet. «-gii(n)», «-aji(n)» (стр. LV), Accusat. «-igi» (стр. LVII), Plusquamperf. «-ба абсан» (стр. LXXXI), «күмүн абшіб» (стр. XXXIX), etc.

Вообще монголисты, занимаясь монгольскимъ письменнымъ языкомъ, рѣдко обращали вниманіе на время и мѣсто появленія используемаго ими матеріала, а также и на правильность или неправильность, съ точки зрѣнія «классической» грамматики изслѣдуемыхъ текстовъ; казалось, монгольскій письменный языкъ не имѣлъ исторіи развитія. Въ этомъ отношеніи замѣчательна «Грамматика монгольско-калмыцкаго языка» Алексѣя Бобровникова (Казань, 1849), значительное большинство примѣровъ которой взято изъ монг. текста сказанія о Гесеръ-ханѣ (см. Подвиги исполненнаго заслугъ героя Богды Гесеръ-хана, геройское преданіе монголовъ....; съ напечатаннаго въ Пекинѣ экземпляра вновь изданное подъ наблюденіемъ Я. И. Шмидта. СПб. 1836), между тѣмъ какъ это сказаніе въ томъ видѣ, въ какомъ его представляютъ только-что названныя изданія, писано совершенно особымъ языкомъ, совершенно отличнымъ отъ языка другихъ монгольскихъ сочиненій, изданныхъ въ Пекинѣ ксилографическимъ

Третій періодъ развитія монгольскаго письменнаго языка совпавъ съ бѣльшимъ, чѣмъ это было прежде, распространеніемъ грамотности и на бѣлье широкомъ пространствѣ, среди всѣхъ монгольскихъ племенъ, а также съ развитіемъ книгопечатанія, какъ на югѣ, въ Пекинѣ и у чахаръ, такъ и, позднѣе, на сѣверѣ, у нашихъ бурятъ. Огромное большинство монголовъ объединяется подъ властью манджурской династіи, объединяется одинаковыми учрежденіями, объединяется, наконецъ, буддизмомъ, окончательно, въ формѣ секты желтошапочниковъ. Все это способствуетъ развитію письменности, распространенію книгъ на новомъ литературномъ языкѣ, тѣмъ бѣлье что манджурское правительство проявляетъ много энергіи въ этомъ дѣлѣ. Но тутъ же начинаютъ дѣйствовать и другіе соціальныя факторы, въ прямо противоположномъ направленіи. Буддизмъ въ Монголіи—вѣрнѣе, секта желтошапочниковъ—скоро, по разнымъ основаніямъ, оставляетъ монгольскій языкъ и совершенно переходитъ на тибетскій, который дѣлается языкомъ церкви, языкомъ богослуженія, языкомъ высшаго, доступнаго монголу образованія. Монгольскій языкъ, уступая мѣсто тибетскому, уходитъ въ канцелярію, въ

способомъ; произошло это, помимо обычнаго отношенія къ монгольскому письменному языку, еще и оттого, что сказаніе о Гесеръ-ханѣ считалось монгольскимъ, — «геройское преданіе монголовъ» называетъ его Я. И. Шмидтъ, — между тѣмъ какъ оно, несомнѣнно, тибетскаго происхожденія (см. B. Laufer. Skizze d. mong. Literat. Keleti-Szemle, 1907, VIII, p. 238—241, — указана литература Гесериады). Это положеніе нисколько не можетъ убавлять интереса къ языку монгольской редакціи сказанія о Гесеръ-ханѣ; подробное изслѣдованіе этого любопытнаго памятника должно выяснитъ вопросъ о перенесеніи его на монгольскую почву, выяснитъ вопросъ объ отношеніи его къ подлиннику и, что особенно интересно, опредѣлитъ, охарактеризовать, наконецъ, такой отличный отъ языка «классическаго» языкъ этого сказанія, поставить его на опредѣленное мѣсто въ исторіи развитія монгольской письменности; замѣтимъ по этому поводу, что бібліотеки Петрограда располагаютъ для подобной работы цѣннѣйшимъ матеріаломъ: въ Публичной бібліотекѣ хранится одинъ изъ большихъ тибетскихъ изводовъ сказанія о Гесерѣ, привезенный Г. Н. Потанинымъ; бібліотека же Петрогр. Университета и Азіатскій Музей располагаютъ некими изданиями монгольской версіи и, кромѣ того, многими рукописями, — причемъ нѣкоторыя изъ нихъ очень старыя, — содержащими отдѣльныя главы этого славнаго въ Центральной Азіи сказанія, неизвѣстныя изданію акад. Шмидта; тамъ же хранится нѣсколько ойратскихъ рукописей, дающихъ ойратскую версію всего «Гесеръ-хана» или отдѣльныхъ его главъ. Далѣе, въ Азіатскомъ Музее хранится рукопись Ц. Ж. Жамцарано — записанная имъ при помощи русской лингвистической азбуки огромная бурятская народная эпоса «Гэгер Богдѣ» (см. Образцы народной слов. монг. племенъ. Т. I. Произведенія народной словесности бурятъ. Собралъ Ц. Ж. Жамцарано. Петр. 1918, стр. XIX—XXVII).

ставки князей, въ юрты свѣтскихъ лицъ, но и тамъ встрѣчаетъ себѣ соперниковъ въ лицѣ опять же тибетскаго языка,—который во всеоружіи своей грсмадной литературы стремится завоевать новыя и новыя области монгольской духовной жизни,—и въ лицѣ языка манджурскаго, дѣлающагося или, вѣрнѣе, старающагося сдѣлаться официальнымъ языкомъ Монголіи, языкомъ свѣтски хорошо образованнаго класса. Борьбу съ манджурскимъ монгольскій литературный языкъ выдерживаетъ, не уступаетъ ему, но съ тибетскимъ бороться не въ состояніи, и тибетскій языкъ дѣлается какъ бы вторымъ литературнымъ языкомъ монголовъ XVIII и XIX вв., отводя монгольскому письменному языку второстепенное мѣсто. Въ Монголіи не только буддійское духовенство начинаетъ старательно изучать тибетскій языкъ, писать на немъ, вести богословскіе диспуты, но и свѣтское общество обращается къ этому языку, монгольскіе князья и чиновники,—вообще всѣ, кто только стремится стать образованными, начинаютъ изучать тибетскій языкъ. Монголія знаетъ нѣсколькихъ выдающихся писателей, монголовъ по происхожденію, но писавшихъ по-тибетски, сумѣвшихъ сдѣлаться извѣстными даже въ «Странѣ свѣговъ»¹, и почти не знаетъ писателей-творцовъ на родномъ языкѣ. Такое положеніе монгольскаго литературнаго языка не замедлило отразиться на немъ самомъ, на его развитіи, на его составѣ, морфологіи, лексикѣ, стилѣ. Языкъ монгольской чисто буддійской литературы какъ бы замираетъ, развитіе его прекращается, потому что, можно сказать, почти совсѣмъ прекращается и литературная дѣятельность этого рода. Не появляется больше новыхъ переводовъ буддійскаго Писанія, твореній буддійскихъ святителей; не появляется и оригинальныхъ сочиненій, посвященныхъ той или другой области буддійскаго ученія. То здѣсь, то тамъ, въ разныхъ частяхъ Монголіи, появляются, правда, новыя изданія буддійскихъ сочиненій на монгольскомъ языкѣ, или новые списки, появляются, изрѣдка, даже новые переводы², но все это не выходитъ за предѣлы уже сдѣланнаго раньше.

Судьба же новаго литературнаго языка въ современной свѣтской письменности совершенно другая. Хотя объемъ монгольской свѣтской лите-

¹ Вспомнимъ, хотя бы, Агванъ Дандаръ лхарамбу, съ которымъ насъ знакомитъ О. И. Щербатской въ предисловіи къ изданію тибетскихъ переводовъ *Samtanantarasiddhi* и *Samtanantarasiddhiṭika* и одного произведенія самого Агвана (*Bibliotheca Buddhica*. XIX. Петроградъ, 1916, стр. III—XII). Агванъ Дандаръ, впрочемъ, поработалъ и для монгольской литературы: имъ былъ составленъ тибетско-монгольскій словарь ལྷ་མཁའ་ལྷ་མཁའ་ལྷ་མཁའ་, ср. Г. Ц. Цыбиковъ. Лам-рим чэн-по. Владивостокъ, 1910, стр. XXI—XXII.

² Въ этомъ отношеніи замѣчательна дѣятельность бурятскихъ дацановъ.

ратуры мало чѣмъ обогатился за послѣднія два столѣтія, хотя попрежнему онъ заключается въ повѣстяхъ, лѣтописяхъ, исторіяхъ, китайскихъ романахъ, — это уже новинка по сравненію съ болѣе ранней эпохой, — гномическихъ произведеніяхъ, сборникахъ пѣсенъ, наконецъ, официальныхъ бумагахъ и частныхъ письмахъ, тѣмъ не менѣе, самъ языкъ, литературный языкъ этихъ произведеній терпитъ большія измѣненія.

Вновь выработавшійся монгольскій письменный языкъ дѣлается духовнымъ достояніемъ большинства монгольскихъ племенъ, распространяясь благодаря историческимъ условіямъ и среди ойратовъ¹, имѣвшихъ свою отличную письменность, и, даже, среди племенъ не-монгольскихъ, говорящихъ на другихъ языкахъ², но задѣтыхъ монгольской культурой. Но этотъ общій письменный языкъ монголовъ третьяго періода, такъ же какъ и его предшественникъ — литературный языкъ монголовъ болѣе ранней эпохи, или ойратскій письменный языкъ Зая-Пандиты, не создаетъ, по разнымъ условіямъ, живого, общаго «разговорнаго» литературнаго языка, не создаетъ того, что принято называть языкомъ «національнымъ». И письменный монгольскій языкъ продолжаетъ существовать на ряду съ разнообразными монгольскими говорами, не выработавъ даже единого, однообразнаго чтенія своихъ знаковъ. Теперь, попадая къ разнымъ монгольскимъ племенамъ, говорящимъ на разныхъ нарѣчіяхъ, новый литературный языкъ монголовъ начинаетъ подвергаться вліянію той среды, въ какой ему суждено было очутиться³; нерѣдко вліянія эти дѣлаются настолько велики и опредѣленны, что получаютъ силу традиціи, санкціонируются мѣстными грамотеями: появляются какъ бы новыя литературныя нарѣчія, представляющія собою пеструю, но въ то же время организованную смѣсь новаго монгольскаго письменнаго языка и діалектическихъ элементовъ. Благодаря различнымъ условіямъ, благодаря большому, все-таки, отличію «классическаго» письменнаго языка

¹ Такъ, монг. письменный языкъ въ XIX в. сталъ распространяться и постепенно вытѣснять Зая-Пандитовскій среди ойратовъ С.-З. Монголіи, подчинившихся манджурамъ въ половинѣ XVIII в.; то же происходитъ и у ойратскихъ племенъ, вернувшихся съ Волги на старую родину.

² Среди урянхайцевъ и, отчасти, среди чуйскихъ теленгитовъ, см. Н. О. Ктановъ. Опытъ изслѣдованія урянхайскаго языка. Казань, 1903, стр. 1; Б. Владиміровъ. Отчетъ о командировкѣ къ байтамъ Кобдоскаго округа. Извѣст. Русск. Комит. для изуч. Средин. и Вост. Азіи. Серія II, № 1, 1912, стр. 100.

³ Ср. Г. И. Рамstedтъ. Сравнит. фонетика монг. письмен. яз. и халх.-ург. говора, стр. 3—5; Г. И. Рамstedтъ, долженъ я оговориться, указывая на «смѣшанный» составъ теперешняго литературнаго языка монголовъ, не дѣлаетъ вывода, приводимаго мною ниже.

монголовъ отъ ихъ живыхъ говоровъ, а также особому положенію монгольской письменности, о которой говорилось выше, отсутствію школъ и общей малограмотности, въ настоящее время трудно встрѣтить въ Монголіи рукопись, если это только не будетъ старый списокъ, языкъ которой былъ бы чистымъ «классическимъ» письменнымъ языкомъ монголовъ. Языкъ каждой современной монгольской рукописи носить на себѣ слѣды, и подчасъ очень яркіе, своего происхожденія, т. е. слѣды того нарѣчія, того говора, тѣхъ традицій, среди носителей которыхъ она возникла. Повторяю: особенности эти бываютъ настолько послѣдовательны, что можно говорить объ отличныхъ другъ отъ друга монгольскихъ письменныхъ нарѣчіяхъ. Въ зависимости отъ разныхъ социальныхъ условій такіа діалектическія особенности проявляются въ томъ или другомъ сочиненіи, въ той или другой рукописи въ большей или меньшей степени, но, во всякомъ случаѣ, онѣ встрѣчаются всегда и всюду въ современной монгольской письменности.

MS. Burd. въ этомъ отношеніи является чрезвычайно характернымъ, яркимъ образцомъ; но, кромѣ того, MS. Burd. представляетъ еще большій интересъ, потому что является не только типичнымъ представителемъ халхаско-монгольского литературнаго языка, но носить на себѣ еще и другія діалектическія вліянія, обнаруживая черты западно-халхаскаго говора, говора халхасцевъ-эльджигеновъ.

Особенности современной халхаско-монгольской письменности и халхаско-монгольского литературнаго языка обнаруживаются какъ на самомъ письмѣ, на начертаніи буквъ, затѣмъ на правописаніи, такъ и на морфологии и на лексическомъ составѣ. Такъ какъ южно-монгольская письменность, въ частности чахарская, съ давнихъ поръ, съ XVI—XVII в., стала импортировать и вліять на халхаскую, то ничего удивительнаго нѣтъ въ томъ, что халхасцы восприняли многое, внесенное въ монгольскую письменность еще чахарами; иногда эти «новшества» соответствовали не только чахарскому, но и халхаскому нарѣчію, но иногда такого соответствія не было, и, тѣмъ не менѣе, эти «чахарскія» особенности, безъ которыхъ теперь, развѣ только случайно, обходится современная халхаская рукопись, были восприняты халхасцами и получили у нихъ силу традиціи. Напр., въ виду того, что въ говорахъ южныхъ монголовъ, въ томъ числѣ и въ говорѣ чахарѣ, сохранились африкаты ɕ и ɕ^1 , въ южно-монгольской письменности постоянно и регулярно встрѣчаются начертанія ɕ и ɕ^1 тамъ, гдѣ въ классическомъ письменномъ языкѣ стояли бы ɕ и ɕ^1 (е, о, ө, у, ү) и

¹ Ср. А. Д. Рудневъ. Матеріалы по говорамъ Восточной Монголіи. СПб. 1911, стр. 178.

ч — а (е, о, ё, у, ү), потому что мнемонически графемы ц и чи ассоциируются, по правилам монгольской письменности, съ воспроизведением звуковъ ц и ч . Подобныя же начертанія чрезвычайно часто встрѣчаются и въ халхаско-монгольской письменности, хотя въ ихъ нарѣчїи въ данномъ случаѣ $*\text{ц} > \text{з}$, а $*\text{ч} > \text{ц}'$. Другой примѣръ: — у чахаръ историческое н передъ д, ц и ч произносится, какъ ц^1 , что постоянно и отмѣчается ими на письмѣ, гдѣ вмѣсто «классическаго» н появляется ц . И опять это явленіе заимствуется халхасцами, хотя они въ данныхъ случаяхъ произносятъ н, и даже признается халхаскими грамотеями за обязательное правило; по этой манерѣ писать ц передъ д, ц и ч халхаскіе «ученые» судятъ о степени грамотности того или другого произведенія, того или другого лица.

Особенности, отличающія современную халхаско-монгольскую письменность и проявляющіяся въ графикѣ, орфографіи, морфологіи и лексикѣ, стали обнаруживаться рано, — повидимому, одновременно съ распространениемъ новаго письменнаго монгольскаго языка, — но особенно онѣ развились, нормировались и получили силу традиціи въ XIX вѣкѣ. Приблизительно въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка по Халхѣ распространяется новый почеркъ монгольскаго письма, новая манера писать монгольскимъ письмомъ; этотъ почеркъ и мапера, повидимому, не были выработаны самими халхасцами, а заимствованы ими съ юга, гдѣ возникли подъ вліяніемъ развившейся тогда манджурской скорописи². Съ той поры халхасцы и пишутъ этимъ разгонистымъ, рѣзкимъ почеркомъ, который можно назвать почеркомъ «современной скорописи». Можно отмѣтить слѣдующія характерныя особенности: діакритическія точки ставятся далеко не всегда, — очень часто ихъ ставятъ для обозначенія б на концѣ слоговъ (н); также ставятся точки при с передъ і для обозначенія произношенія ш (ш); перѣдко появляются діакритическія точки, поставленныя на манеръ манджурскаго письма, съ правой стороны для отличія д отъ т и б отъ к . Въ противоположность рукописямъ болѣе стараго періода, тщательно отличаютъ ц отъ ч , причемъ ц во вторыхъ слогахъ изображается особо, въ родѣ длинной черты съ крючкомъ. Тщательно выписываются б , к (б · к) въ началѣ словъ, иногда писавшіяся особымъ образомъ въ предыдущіе періоды монгольской письмен-

¹ Ср. Г. И. Рамstedt. Фонетика, стр. 34.

² Ср. Письмо профессора А. М. Позднѣева къ барону О. Р. Остенъ-Сакену съ замѣчаніями на «Дневникъ О. Палладія по Монголіи, веденный въ 1847 г.» Записки Русск. Геогр. Общ. по общей географіи, т. XXII. № 1, СПб. 1892, стр. 140.

ности¹. Можно отмѣтить и другія особенности, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ попадаются только спорадически.

Что же касается особенностей въ области орфографіи современной халхаско-монгольской письменности, то ихъ можно отмѣтить очень и очень много. Появляются онѣ въ зависимости отъ разныхъ условій, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ живой рѣчи, благодаря стремленію внести въ письменность и сочетать съ ея правилами данныя живыхъ говоровъ халхасцевъ. Главнѣйшія особенности въ области орфографіи, ставшія общепринятыми, какъ бы регламентированными, будутъ слѣдующія:

Окончанія Accusat. ᠰᠢ ji и Genetiv. ᠰᠢ у прибавляются безразлично по отношенію къ окончанію основы; эти аффиксы ji и у сдѣлались какъ бы идеограммами, сложными графемами, долженствующими вызывать у читателя представленія объ Accusat. и Genetiv.² По той же причинѣ и другія падежныя окончанія и окончанія «притяжаній» пишутся какъ бы не подвергаясь гармоніи гласныхъ того слова, къ которому онѣ относятся, безъ обращенія вниманія на окончанія основы; такъ, напр., пишутъ: ᠯᠢᠭᠡ послѣ слова ака, бен послѣ слова бацар, etc. Окончаніе Accusat. съ притяжаніемъ всегда пишется съ двумя у: ᠰᠢᠶᠢ ³. Очень часто Accusat. отмѣчается при помощи ᠰᠢ i въ тѣхъ случаяхъ, когда въ классическомъ языкѣ являлось бы ji, въ особенности если за окончаніемъ слѣдуютъ притяжательныя

¹ На что уже было обращено вниманіе К. О. Голстунскимъ, см. его «Критическія замѣчанія на изданіе проф. Юльга „Die Märchen des Siddhi-Kûr“, приложеніе къ XI т. Запис. Акад. Н. № 4. СПб. 1867, стр. 6.

² Подобныя начертанія, встрѣчающіяся теперь постоянно въ монгольскихъ рукописяхъ Халхи и другихъ частей Монголіи, вводятъ въ заблужденіе неопытныхъ монголистовъ, принимающихъ эти формы за классическія; ср. монгольско-японскій словарь 蒙和辭典 (1917 г.), предисловіе: $\text{ᠰᠢᠶᠢ ᠰᠢᠶᠢ ᠰᠢᠶᠢ ᠰᠢᠶᠢ ᠰᠢᠶᠢ}$ $\text{ᠰᠢᠶᠢ ᠰᠢᠶᠢ ᠰᠢᠶᠢ ᠰᠢᠶᠢ ᠰᠢᠶᠢ}$. Подобныя же явленія затрудняли проф. В. Jülg'a, который съ большою тщательностью отмѣтилъ ихъ, но не далъ имъ надлежащаго объясненія; см. Bernhard Jülg. Mongolische Märchen-Sammlung. Die neuen Märchen des Siddhi-Kûr und die Geschichte des Ardschi-Bordschi Chan. Innsbruck, 1868, p. 105, passim.

³ Въ ойратскихъ рукописяхъ постоянно встрѣчается подобное же начертаніе: ᠰᠢᠶᠢ jōбан, что и было отмѣчено проф. А. Поповымъ, см. Грамматика калмыческаго языка. Казань, 1847, стр. 55. Ср. также относящееся къ этому правописанію: А. Д. Рудневъ. Матеріалы по говорамъ Восточ. Монг., стр. 191; G. J. Ramstedt, Ueber mong. pronomina. Journ. d. l. Soc. Finno-Ougrienne. XXIII, 3, p. 6.

мѣстоименія міну, чіну, іну; напр.: ᠮᠢᠨᠤ ᠤ ᠤᠨᠤ · ᠤᠨᠤ ᠤ ᠤᠨᠤ . Очевидно, подобная орфографія появилась подъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ формъ живой рѣчи халхасцевъ, да и другихъ монголовъ: амі-мѣн, неріи, etc. На этомъ же основаніи появляются начертанія: ᠠᠷ ар для выраженія Instrument., ᠠᠰᠠ аса для Ablativ.; напр.: ᠠᠰᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ · ᠠᠰᠠᠨᠠᠨᠠ .

Далѣе, въ виду того, что долгое і современныхъ халхаскихъ говоровъ соотвѣтствуетъ еі (ei) «классическаго»¹ письменнаго языка, очень часто вмѣсто еі, еі теперь пишутъ і, въ особенности въ концѣ словъ; напр.: бітегі, мекекі, нерідбе², імү (іме). И наоборотъ, въ современной письменности можно отмѣтить появленіе начертанія еі тамъ, гдѣ классическій языкъ даетъ і, потому что въ данномъ случаѣ долгое і живого языка халхасцевъ хотѣли подвести подъ общее правило монгольскаго языка: монг.-письм. еі = халх. і; такимъ-то образомъ появились начертанія: ᠤᠰᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ · ᠤᠰᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ кежікү, кежігсен < халх. хіхѣ, хісѣ (хіҫсѣн)³. Или долгое і живого языка изображаютъ при помощи і, іі, напр.: ᠠᠨᠢᠭᠠᠨᠢ ᠠᠨᠢᠭᠠᠨᠢ < халх. т'аніҫ⁴ || монг.-письм. тан-і (Accusat. отъ та), ᠭᠡᠷᠡᠯᠡᠨᠢᠨᠢ · ᠭᠡᠷᠡᠯᠡᠨᠢᠨᠢ герел-іін, бацар-іін < халх. ҫерѣлің, ҫазарің || монг.-письм. герел-үн, бацар-ун. Очень часто также въ современной халхаско-монгольской письменности встрѣчаются начертанія ᠢᠢ или ᠢ || еі классическаго письменнаго языка, напр. ᠤᠰᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ кидесе < халх. хідѣс || монг.-письм. кејид-ече; ᠤᠨᠢᠭᠡᠨᠢᠨᠢ іңгѣці < халх. іңгѣці || монг.-письм. ејін геңү.

Изъ другихъ особенностей орфографіи современной халхаской письменности надо отмѣтить очень часто встрѣчающееся неправильное, съ точки зрѣнія классическаго языка, обозначеніе гласныхъ не перваго (неударнаго) слога; объясняется это явленіе очень легко тѣмъ, что гласные соотвѣтствующихъ словъ и выраженій живой рѣчи халхасцевъ подверглись разнымъ измѣненіямъ, редуцировались, исчезли, наконецъ, вовсе⁵. Въ этой области теперь въ халхаско-монгольской письменности царитъ полный произволъ; въ одной и той же рукописи, порой на одной и той же страницѣ, можно встрѣтить слова одни и тѣ же, но совершенно различно написанныя въ отно-

¹ См. Рамстедтъ. Фонетика, стр. 55—56.

² Подобное «неправильное» начертаніе попало въ изданіе текста «Исторіи» Саянъ-Сецена, см. I. J. Schmidt. Geschichte d. Ost-Mongolen, p. 60, l. 13: ᠨᠡᠷᠢᠳᠡᠪᠡ .

³ Ср. Рамстедтъ. Фонетика, стр. 4.

⁴ Ср. B. Jülg. Mong. Märchen-Sammlung... Siddhi-Kür... und... Ardschi-Bordschi-Chan. Innsbruck, 1868, p. 120.

⁵ См. Рамстедтъ. Фонетика, стр. 48—50.

шеніи гласныхъ не перваго слога; подобное же явленіе констатируется и для монгольской письменности второго періода; то же самое можно встрѣтить и въ произведеніяхъ, даже печатныхъ, писанныхъ «классическимъ» языкомъ¹.

Далѣе, въ современной халхаско-монгольской письменности постоянно попадаются слова, представляемые не въ формѣ письменнаго «классическаго» языка, а такъ, — приблизительно, конечно, поскольку вообще транскрипцію живой рѣчи допускаетъ монгольскій алфавитъ, — какъ онѣ являются въ живой рѣчи халхасцевъ; постоянно, поэтому, и послѣдовательно встрѣчаются такіа начертанія: ᠣᠳᠤ одо < халх. одо (теперь), ᠳᠣᠯᠤ < халх. доло (семь), ᠠᠷᠢᠬᠢ арікі < халх.-Ург. аріх², халх.-зап. арі^вхі (водка), ᠪᠢᠰᠦᠭᠦᠢ бісүгеі, ᠪᠦᠰᠦᠭᠦᠢ бусүгүі < халх. біс-гѳ³, бус-гѳ (женщина), ᠰᠦᠨᠢ шүні < халх. шүні (ночь), ᠰᠢᠷᠡᠢ шіреі < халх. шіре (сталь), ᠣᠷᠭᠡᠢ өргеі < халх. өргѳ⁴, ᠪᠣᠯᠪᠠᠯ болбал < халх. болвоᠯ, ᠵᠣᠷᠠᠯ · ᠵᠣᠷᠠᠪᠠᠯ јорал, јорабал < халх. јорᠪᠠᠯ⁵ (дно), ᠠᠭᠤᠰᠢ · ᠠᠭᠤᠰᠢ ууші,

¹ См. Б. Я. Владиміровъ. О частицахъ отрицанія при повелительномъ наклоненіи въ монгольскомъ языкѣ. Извѣстія Акад. Н. Петроградъ, 1916, № 5, стр. 351.

² Ср. Рамстедтъ. Фонетика, стр. 50.

³ Въ современныхъ халхаскихъ говорахъ и, въ особенности, въ халх.-зап. подъ влияніемъ губныхъ согласныхъ гласные е, у, ү «измѣняются» въ і, напр. бᠦр > || бір вѣтка, бᠦс > || біс поясъ, etc.; см. Владиміровъ, op. cit., стр. 350—351.

⁴ Вообще при написаніи словъ, звучащихъ въ живой рѣчи съ долгимъ гласнымъ, въ современной халхаско-монгольской письменности замѣчается опредѣленная тенденція отмѣчать, подчеркивать это отлічіе гласныхъ по количеству, почти неизвѣстная «классической» письменности; поэтому, постоянно и послѣдовательно встрѣчаются такіа начертанія: ᠬᠣᠰᠢᠭᠦᠢ · кошуучі, ᠬᠣᠰᠢᠭᠦᠢ кошіүчі < халх. хошүчᠢ || монг.-писм. косіүучі; ᠨᠣᠭᠦᠰᠤ ноусу < халх. нѳс, нѳсᠦ || монг. писм. нобусун шерсть; ᠨᠠᠵᠢᠯᠠᠭᠤᠷ најілцуур < халх. најэлзᠦр || монг.-писм. најілцабур; ᠬᠠᠷᠢᠪᠠᠭᠤᠰᠡᠨ · ᠬᠠᠷᠢᠪᠠᠭᠤᠰᠡᠨ карібуу, каріуу < халх. харᠢᠦ || монг.-писм. карібу; ᠡᠨᠳᠡᠭᠦᠷᠦᠭᠦᠰᠡᠨ || монг.-писм. ендегүрегсен; или, наоборотъ, долгіе гласные живой рѣчи отмѣчаются одной буквой, тогда какъ въ классической письменности стояли бы в. + в(г) + в.; напр.: ᠪᠠᠪᠠᠲᠤᠷ вм. бабатур, ᠳᠣᠯᠤᠯᠠᠨ долулан < халх. долᠤлаң || монг.-писм. долубула; ᠪᠠᠷᠲᠠᠨ бартан < халх. ɣартаң || монг.-писм. бар-табан; ᠤᠯᠠᠨ улан < халх. улᠠ || монг. писм. улабан; etc.

⁵ Ср. Рамстедтъ. Фонетика, стр. 51—52. Подобныхъ случаевъ обозначенія на письмѣ «переломовъ», обычныхъ въ живой рѣчи, современная халхаско-монголь-

убші < халх. о^шшї, у^шшї (urāsaka), ᠠᠷ kar < халх. хар (черный), etc.¹

Много отличій и особенностей представляет современная халхаско-монгольская письменность въ области морфологіи и лексики. Морфологическія особенности всѣ — одного порядка: онѣ всѣ, можно сказать, возникли подъ вліяніемъ живой рѣчи, живой рѣчи халхасцевъ, потому что, хотя бы онѣ возникли и въ другихъ частяхъ Монголіи, на почвѣ иныхъ нарѣчій и были просто заимствованы халхасцами письменнымъ путемъ, все-таки онѣ нашли себѣ поддержку въ соответствующихъ явленіяхъ живой халхаской рѣчи. Изъ главныхъ морфологическихъ отличій нынѣшней халхаско-монгольской письменности можно отмѣтить слѣдующія:

I. Глагольные формы.

Въ общемъ, можно сказать, почти всѣ формы халхаскаго глагола, которыми такъ богато это нарѣчіе, въ томъ или другомъ видѣ, поскольку это

ская письменность представляетъ очень много: напр.: ᠵᠡᠷᠦᠭᠡᠯ jerügel, jö-rügel в. монг.-письм. irügel, ᠵᠠᠮᠠ јама, јамаѣн в. монг.-письм. імаѣн, ᠮᠠᠬᠠ мака в. міка; ᠨᠢᠭᠡᠨ неге в. монг. письм. ниген, ᠴᠢᠷᠪᠤᠭᠠᠨ цурба в. монг.-письм. цірбуѣн; ᠶᠤᠯᠳᠦ jüldü в. монг.-письм. ілдү.

¹ Легко можно было бы привести еще много примѣровъ особенностей орфографіи современной халхаско-монгольской письменности и доказать зависимость ея отъ живой рѣчи. Въ виду того, что многія явленія фонетики и морфологіи общи почти всѣмъ монгольскимъ современнымъ нарѣчіямъ, подобныя особенности орфографіи могутъ встрѣтиться не только въ «халхаской» письменности, но и, напр., въ южно-монгольской; и подчасъ бываетъ трудно точно установить, является ли данная орфографическая особенность письменнымъ заимствованіемъ, или же она возникла непосредственно подъ вліяніемъ живой рѣчи, явилась результатомъ стремленія (хотя бы и безсознательнаго) сблизить письменный языкъ съ разговорнымъ.

Изъ другихъ особенностей орфографіи отмѣчу еще одно: въ теперешней халхаско-монгольской письменности заимствованныя тибетскія слова, обычно, пишутся согласно тому, какъ они произносятся въ живой рѣчи халхасцевъ, тогда какъ въ «классической» письменности они являются буквально транскрибированными съ тибетскаго, напр.: ᠵᠠᠮᠠ || монг.-письм. ᠵᠠᠮᠠ < тиб. ᠵᠠᠮᠠ ; ᠴᠢᠷᠪᠤᠭᠠᠨ || монг.-письм. ᠴᠢᠷᠪᠤᠭᠠᠨ < тиб. ᠴᠢᠷᠪᠤᠭᠠᠨ , etc.

Большинство вышеприведенныхъ примѣровъ орфографическихъ особенностей современной письменности взято мною изъ: ᠠᠳᠤᠨ ᠬᠡᠭᠢᠰᠠᠨ (переводный китайскій романъ, извѣстный болѣе подъ названіемъ Цідаң хушань), MS.,

позволяютъ вообще условія монгольскаго алфавита, проникаютъ въ современную халхаско-монгольскую письменность¹; встрѣчаются, напимѣрь, такіа формы, совершенно неизвѣстныя «классическому» письменному языку:

Повелительныя и желательныя формы²: 1. Concessiv.: бажиги, ирег; 2. Optativ.: болоса; 3. Potential.: сурам-ца, идемце. Изъявительное наклонение³: 1. Praesens: меден-е, укуне, бажина; 2. Praesens perfecti: соносла, иделе. Perfectum perfecti⁴: жабувсан асан; Perfectum usus⁵: идедег асан, кажиралдаб асан; Plusquamperfect. асанци, санци⁶.

Nomen perfecti и Nomen imperfecti употребляются какъ сказуемыя главнаго предложенія, какъ формы «окончательныя», напр.: шібабун шигүүрен абчу оддубсан кемекү-дүр⁷...; ем-е кеүкед мину күліеңү бажіба⁸.

II. Формы падежей.

Genetiv.: кад-іін || монг.-письм. када-јін, бацар-іін || монг.-письм. бацар-ун, мör-ні || монг.-письм. мör-үн; Accusat. съ притяж. чай-бан, цаман || монг.-письм. чай-бен, цам-ієн.

Pronomina: Accusat.: съ притяженіемъ: чімажіба⁹, Accusat.: намаі,

написанный въ Западной Монголіи (Азіатскій Музей Акад. Н. — Бурдуковъ № 24);

ᠲᠠᠭᠠ ᠨᠠᠭᠤᠨ ᠤᠨᠤᠨ ᠤᠨᠤᠨ ᠤᠨᠤᠨ ᠤᠨᠤᠨ ᠤᠨᠤᠨ ᠤᠨᠤᠨ ᠤᠨᠤᠨ ᠤᠨᠤᠨ ᠤᠨᠤᠨ (романъ о богинѣ Тага), MS., писанный въ центральной Халхѣ (Азіатскій Музей — Юганова-Вяткина № 10); Исторія Амурсаны, официальныя бумаги, частныя письма, — MS., написанныя въ С.-З. Монголіи (находятся у меня); MS. Burd.

¹ См. G. J. Ramstedt. Über die Konjugation des Khalkha-mongolischen. Mémoires d. l. Société Finno-Ougrienne. XIX. Helsingfors, 1903, p. VI.

² См. Ramstedt Op. cit., p. 8—11, 12, 75.

³ См. Ramstedt. Op. cit., p. 15—18.

⁴ См. Ramstedt. Op. cit., p. 34.

⁵ См. Ramstedt. Op. cit., p. 35—36.

⁶ || монг.-письм. абсан аңибу; форма санци встрѣчается въ рукописяхъ изъ Западной Монголіи, гдѣ въ живомъ говорѣ (напр. халхасцевъ-эльджигеновъ, сартуловъ) употребляется форма санци, ср. ойрат.-письм. санци, дэрб.-Кобд. баит. санци, элэт.-Кобд. захач. торг.-Алт. санци, ср. Ramstedt. Op. cit., p. 93.

⁷ XII рассказъ MS. Burd.

⁸ X рассказъ MS. Burd.

⁹ См. напр.: чімажіба ірене геңи кен санала (MS. Наран-герел, — упомянутый выше, f. 26 v.) || монг.-письм. чімаји іренем геңү кен саналуца — «кто думалъ, что ты придешь».

čimai¹, čimajigi, tan-i-igi²; Genetiv.: činei, Genetiv.: -i || монг.-письм. ину, ану³; міні, чіні⁴ || монг.-письм. міну, чіну.

¹ Формы Accusat. отъ бі и чі — намаі, чімаі || <халх. чахар. нама, čама очень часто встрѣчаются въ монгольскихъ сочиненіяхъ, писанныхъ даже, въ общемъ, на классическомъ языкѣ; встрѣчаются онѣ и въ пекинскихъ ксилографическихъ изданіяхъ; въ изданіи I. J. Schmidt'a «Исторіи» Сананъ-Сецена обѣ эти формы попадаютъ почти на каждой страницѣ; ср. Г. Ц. Цыбиковъ. Пособіе къ практическому изученію монгольскаго языка. Владивостокъ, 1915, стр. 38. Изъ другихъ формъ надежей, выдвинувшихся въ монгольскую письменность подъ вліяніемъ живой рѣчи, надо отмѣтить форму Locativ. отъ бі, встрѣчающуюся довольно часто: нада || классич. надур (см. Цыбиковъ. Op. cit. стр. 38; на это явленіе обратилъ вниманіе еще проф. О. Ковалевскій, см. его Монгольскую хрестоматію. Казань, 1836, т. I, стр. 391; ср. также G. J. Ramstedt. Ueber mongolische pronomina. Journ. de la Société Finno-Ougrienne. XXIII, 3, p. 6 — 8. G. J. Ramstedt указываетъ для Accusat. только болѣе новыя формы намаі, чімаі и не упоминаетъ вовсе формъ «классическаго» письменнаго языка: намајі, чімајі, что было исправлено въ его «Фонетикѣ» — стр. 36.).

² Представляется нѣсколько затруднительнымъ вопросъ, надо ли относить формы въ родѣ чімајігі, тан-і-ігі, бацарігі etc. къ особенностямъ морфологіи, или же къ особенностямъ орфографіи? Дѣло въ томъ, что какъ новый, «классическій» письменный монгольскій языкъ, такъ и письменный языкъ монголовъ предыдущихъ двухъ періодовъ знали, какъ окончанія Accusativ., жі послѣ основъ на гласную и і послѣ основъ на согласную; въ современныхъ же живыхъ говорахъ, напримѣръ, халхасцевъ имъ соответствуютъ окончанія і, іг (ігү). Въ виду этого, а также и того, что и въ южныхъ монгольскихъ говорахъ установились подобныя же морфемы (ср. Рудневъ. Матеріалы по говорамъ Восточной Монголіи, стр. 212), монголы стали «читать» окончанія Accusat. і и, въ особенности, жі, какъ ігү, ігү; благодаря этому-то и въ письменности появились формы въ родѣ чімајігі, тан-і-ігі. Сами монголисты настолько привыкли читать жі какъ ігү, что указываютъ для «письменнаго монгольскаго» форму «-ігі», совершенно неизвѣстную «классическому» языку (ср.: Рамстедтъ. Фонетика, стр. 42; Рудневъ. Матеріалы по говор. Вост. Монг., стр. 212).

³ Эту «особенность» можно отмѣтить только въ отношеніи «классическаго» письменнаго языка монголовъ третьяго періода, потому что въ сочиненіяхъ первыхъ двухъ періодовъ развитія монгольскаго письменнаго языка форма -і встрѣчается постоянно; напр.: намдуні (письмо Аргуна къ Филиппу Красивому, 5 строка); беје олубсан-дур-і (вышеупомянутый переводъ Bodhicaryavatara, MS. Kowalewsk. f. 1 v.), курічакуі кігед олца терігүтен-дүр-і тачіјабасу жіртінчү-жі тебчин жадају (ibid., f. 30 v — f. 31 r, 8 гл., 3.), көбегүкед-ече кеңіј-е туса алдакун-і (ibid., f. 31 v, 8 гл., 12.); кромѣ -і Genetiv. отъ *і въ современной монгольской письменности часто является въ формѣ -ні (послѣ словъ, оканчивающихся на гласную); въ общемъ, можно сказать, -і и -ні употребляются безразлично; ср. Ramstedt. Ueber mongolische pronomina, p. 4—6.

Манджурскія, тибетскія и вообще иноязычныя и діалектическія вліянія особенно сильно отражаются на лексическомъ составѣ современной халхаско-монгольской письменности. На долю китайскихъ и русскихъ словъ падаетъ небольшой процентъ; гораздо болѣе заимствуется словъ съ тибетскаго и манджурскаго, но еще болѣе монгольскихъ діалектизмовъ, діалектическихъ неологизмовъ.

Вотъ всё эти отличія и особенности, постоянно и регулярно встрѣчающіяся въ современной халхаско-монгольской письменности, опредѣленно выдѣляютъ ее изъ круга чисто классическихъ произведеній монгольской письменности, произведеній старой литературы, писанныхъ на языкѣ особомъ, а также изъ круга другихъ діалектическихъ монгольскихъ письменностей. Конечно, было бы неправильно всё эти особенности объяснять только халхаскимъ нарѣчіемъ, вліяніемъ живого языка халхасцевъ; нѣтъ, многія изъ этихъ особенностей возникли подъ вліяніемъ и другихъ монгольскихъ говоровъ, другихъ, но все же близкихъ, и, попавъ съ силой традиціи къ халхасцамъ, совсѣмъ тамъ привились, найдя себѣ опору въ говорѣ принявшей ихъ среды. Иногда такія особенности, какъ это было показано выше, прививались, не имѣя даже подобной поддержки. Какъ бы то ни было, главная масса особенностей, характеризующихъ современную халхаскую письменность, обязана вліянію на письмо живой рѣчи халхасцевъ и поддержкѣ тѣхъ элементовъ письма, которые находили себѣ отзвукъ въ народныхъ говорахъ Халхи.

MS. Burd. является очень характерным образчиком такого халхаско-монгольского письменного языка, настоящим представителем современной халхаско-монгольской письменности. Действительно, все особенности, о которых пришлось говорить выше, и многие другие более или менее характерные, встречаются постоянно в тексте MS. Burd., и нет, можно

D-r Palmyr Cordier указывает на удивительное сходство тиб. частицы འི ni и монг. ану, ину > ni (см. его Cours de tibétain classique. 1-er semestre 1907. Nanoi, MDCCCVII, p. 34), причем онъ напрасно отмѣчает болѣе ограниченное употребленіе монг. частицы. Во всякомъ случаѣ вопросъ, поднятый D-r P. Cordier, чрезвычайно интересенъ и требуетъ спеціальнаго изслѣдованія; обратимъ вниманіе, напр., на такую фразу перевода Чой-чжи одзера Bodhicaryavatara: ཤེར་བསྐྱེད་པར་འི་མི་བྱ་སྟེ། k'üčün-i-inu ūlū erŭскегдекүі (VIII, 166, MS. Kowalewsk. f. 39). Тиб.-монг. чужеземные словари, замѣчу кстати, постоянно переводятъ тиб. འི черезъ монг.

• תזר • תזר •

⁴ Ср. Ramstedt. *Op. cit.*, p. 5—6; Цыбиковъ. *Пособіе*, стр. 38.

сказать, не только ни одной страницы, но даже почти ни одной строки, которая бы была написана на «классическомъ» письменномъ монгольскомъ языкѣ. А между тѣмъ совершенно невозможно отнести эту рукопись къ числу писанныхъ безграмотно; нѣтъ, это — другое: это — послѣдовательное, регламентированное проявленіе халхаско-монгольского письменнаго языка. И въ этомъ заключается интересъ, вызываемый этой рукописью и требующій ея изданія.

Но, кромѣ особенностей, характерныхъ для теперешней халхаско-монгольской письменности вообще, въ MS. Burd. мы постоянно наталкиваемся еще на нѣсколько особенностей, совершенно отличныхъ. Особенности эти — діалектическія халхаскія; на текстъ рукописи Бурдукова отразилось вліяніе того говора Халхи, среди носителей котораго она была написана. Говоръ этотъ — говоръ халхасцевъ-эльджигеновъ — принадлежитъ къ группѣ западно-халхаскихъ говоровъ¹, очень близокъ къ говору халхасцевъ-сартуловъ и вообще къ другимъ сосѣднимъ халхаскимъ говорамъ; но, кромѣ того, нѣкоторыми особенностями, какъ своей фонетикой, такъ и морфологіей, онъ связывается съ болѣе уже далекими лингвистически, но сосѣдними географически, говорами хотогойтовъ, байтовъ и кобдоскихъ дэрбэтовъ².

Изъ этихъ «діалектическихъ» особенностей западно-халхаскаго происхожденія изслѣдуемаго текста MS. Burd. можно отмѣтить слѣдующія:

1. *gi-yi*³ || класс. монг.-письм. *ge-yu*; въ говорѣ халх.-эльджиг., такъ же какъ и въ говорахъ байт. и дэрб.-Коб., наблюдается чередованіе *e* и *i*, въ особенности послѣ заднеязычныхъ (родъ взаимной ассимиляціи); напр.:

v. gi- || *ge* говорить, чаще слышится въ первой формѣ; то же самое надо сказать и о формѣ *ᠭᠢᠨᠢᠨ* *kičinen* < халх.-зап. **xičinen* || болѣе рѣдкому **xečinen* || < монг.-письм. *kedü-činegen*⁴; байт. дэрб.-Кобд. *kewíc* || *kiwíc* коверъ; халх.-зап. *gerel* || *girél* лучъ.

2. *ᠣᠬᠡᠨ* *okin* (IV, VIII раз. MS. Burd.) < халх.-зап. *o^hxön*, *o^hxin* дѣвушка, дѣвица, самка, молодая самка, ср. ойр.-письм. *оѣон*, байт. дэрб.-Коб. *okᠡ id.* || монг.-письм. *ᠣᠬᠡᠨ*.

¹ Ср. Рамстедтъ. Фонетика, стр. 5; на стр. IV—VI данъ «Опытъ классификаціи монголовъ по нарѣчіямъ», въ которомъ лингвистическій принципъ спутанъ съ этническимъ.

² См. Б. Владиміровъ. Отчетъ о командировкѣ къ дэрбэтамъ Кобдинскаго округа. Извѣст. Р. К. д. изуч. С. и В. Азіи. № 9. СПб. 1909, стр. 54—58.

³ MS. Burd. V, *passim*; въ современныхъ монг. рукописяхъ изъ Западной Монголіи постоянно встрѣчаются подобныя формы: *gin-e*, *girsen*, *giri*, etc.

⁴ MS. Burd. XV, *passim*; въ современной халх.-монг. письменности слово это часто является въ формѣ *kečinen*.

3. ᠴᠢᠴᠠᠪᠠᠭᠤ чічабуу (X MS. Burd.); такъ какъ халхасцы-эльджигены произносятъ это слово ᠴᠠᠴᠠᠭᠤ , такъ же какъ и халх.-сартул., то въ виду того, что графемы ᠴ чі асоціируются, по общимъ правиламъ чтенія монгольской письменности, съ произношеніемъ $\text{ᠴ} \rightarrow \text{v}$, въ текстѣ MS. Burd. и появилось такое начертаніе ᠴᠢᠴᠠᠪᠠᠭᠤ || монг.-письм. ᠴᠢᠴᠠᠪᠠᠭᠤ .

4. Говоръ халх.-эльджиг. характеризуется довольно сильной палатализацией историческихъ л и р MS. Burd., какъ и вообще монгольскія рукописи послѣдней половины XIX в., писанныя въ Западной Монголіи, какъ среди халхасцевъ, такъ и среди ойратовъ, совершенно послѣдовательно обозначаетъ это «смягченіе» черезъ і, т. е. графемы і должны, если онѣ стоятъ послѣ л и р, по этой системѣ, вызывать у читателя представленія о палатализованныхъ л (l) и р (r) ¹; такимъ образомъ и появились начертанія, находимыя въ MS. Burd.: ᠬᠠᠵᠢᠷᠠᠯᠠᠳᠠᠭ (IX. MS. Burd.) kajirıldaḡ < халх.-зап. xäṛlḡdäḡ || монг.-письм. ᠬᠠᠵᠢᠷᠠᠯᠠᠳᠠᠭ kajiralaḡ; ᠬᠠᠵᠢᠷᠠᠯᠠᠳᠠᠭ (XVII. MS. Burd.) najirıldaḡ < халх.-зап. näṛlḡdäḡ || монг.-письм. ᠬᠠᠵᠢᠷᠠᠯᠠᠳᠠᠭ najiralḡ; ᠠᠷᠢᠪᠢᠳᠤᠬᠠᠢ (IV. MS. Burd.) arıbidḡḡai < халх.-зап. ärwıdḡḡai || монг.-письм. ᠠᠷᠢᠪᠢᠳᠤᠬᠠᠢ arıbidḡḡai, etc.

5. Особенности изъ области морфологіи: ᠪᠣᠯᠠᠭᠤᠴᠠᠢ (IX. MS. Burd.) болууцаі; конечно, можно разсматривать эту форму, какъ Dubitat., изображенный съ ореографической особенностью, о которой говорилось выше, вм. классич. монг.-письм. ᠪᠣᠯᠠᠭᠤᠴᠠᠢ болубуцаі. Но, въ виду того, что форма Dubitat. на $-\bar{y}z\bar{a}$, $-\bar{w}z\bar{a}$ очень распространена въ западно-халхаскихъ говорахъ ², и въ виду того, что эта форма постоянно и послѣдовательно изображается въ современной халхаской письменности Западной Монголіи черезъ — ᠭᠤᠴᠠᠢ -ууцаі, можно разсматривать форму болууцаі MS. Burd., принимая ее не за ореографическую, а за морфологическую особенность.

Въ IX рассказѣ MS. Burd. встрѣчается фраза: алабсан-іјер чі меден-е буііца < халх.-зап. алсәр чі меднā бi-з^a || монг.-письм.

¹ Надо отмѣтить, что въ современной монгольской письменности, какъ халхаской, такъ и южно-монгольской, очень часто вмѣсто е не перваго слога классическихъ формъ пишутъ і; такъ, въ теперешнихъ монгольскихъ рукописяхъ постоянно можно встрѣтить начертанія: керіг вм. керег, тергін вм. терген, etc.

² Dubitativ. на $-\bar{y}z\bar{a}$, $-\bar{w}z\bar{a}$, $-\bar{y}z\bar{a}$, $-\bar{w}z\bar{a}$ очень часто употребляется и въ ойратскихъ говорахъ С.-З. Монголіи, а также и у астраханскихъ калмыковъ, ср. В. Л. Котвичъ. Опытъ грамматики калмыцкаго разговорнаго языка. Петроградъ, 1915, стр. 114.

алабсан-ієр чі медекү буі-ца; то же самое въ VIII рассказѣ: нөгчимүй бі-ца < халх.-зап. нөгчійнә бі-з^а || монг.-письм. нөгчикү буі-ца. Дѣйствительно, всѣ западно-халхаскіе говоры очень любятъ такіа сочетанія, напр.: халх.-зап. одо јавннә *херѣгтѣ теперь надо ѣхать, убәннә тус-уга мыть бесполезно.

6. Особенности лексическія: — текстъ MS. Burd. заключаетъ въ себѣ довольно много словъ, представленныхъ въ чисто разговорной формѣ, въ какой они слышатся въ рѣчи современныхъ халхасцевъ, напр.: одо < халх. одо || монг.-письм. одо-а; ініјед < халх.-зап. інѣд || монг.-письм. ініједүн; өндүг < халх.-зап. ондүг || монг.-письм. ондүген; мүнөкі < халх.-зап. мүнө^ххі, өнөге едүр < халх.-зап. онөдүр (сегодня) || монг.-письм. ене едүр, etc.; но, кромѣ того, въ текстѣ MS. Burd. встрѣчается одно слово, принадлежащее исключительно халх.-зап.: бобојібчі (VIII рассказъ MS. Burd.) < халх.-зап. бобөбөчі¹ браслетъ².

¹ См. ниже, Списокъ монгольск. словъ MS. Burd.

² О легкости и простотѣ языка текста MS. Burd. говорилось уже выше; теперь позволю себѣ обратить вниманіе читателя на слѣдующія фразы, которыя въ морфологическомъ отношеніи особенно приближаются къ живой рѣчи халхасцевъ:

тер дотур-а -ече біде којар даңчі ілегүү амураб, кемелчен ем-е менекі өгүлерүн (IX).

сармабчин, гер-чині камиба буі біле, кемеи асазубасу, міну гер барабун јеке далаі-јін дотура, кемебе (IX).

царім менекеі ану, алабсан-ієр чі меден-е буііца (IX).

менекеі өгүлерүн: нөкүр-аа..... ем-е кеүкед міну күліјеңү бајіба; кербе есе одбасу... кудагчі болку тула... цорчин сојурка; чіну ачі-і марташі-үгеі-бі (IX).

чі көдүге гер-тү јавун-ду есе келебе? бі цірүкен-ієн абчу ірікү керег асан; едүге јабакикү біле, кемекүй-дүр, менекеі асабурун: цірүке чіну јабакибсан, кемекүй-дүр, сармабчин өгүлерүн (IX).

аі лама міну, саңвар-ту-чині гем болууцаі (VIII).

катун үнеңкү үге-бен огүлүрүн: міну чіміг-і күмүн абубадуі; едүр караңу бајітала, карчабаі шібабун шігүүрен абчу оддубсан, кемекүй-дүр, бугүдегер-ієн јікеде ајулчабаі (XII).

Еще одинъ, интересный съ точки зрѣнія исторіи монгольскаго языка, вопросъ возбуждаетъ текстъ рассказовъ MS. Burd., именно вопросъ о личныхъ окончаніяхъ глаголовъ. Изслѣдуемый текстъ даетъ много примѣровъ употребленія мѣстоименій въ качествѣ такихъ личныхъ окончаній, напр.:

ем-е чімајі карамуй-бі (I).

намајі-і сајікан-ієр мафтабаіічі (II).

Текст MS. Burd. издается безъ всякихъ измѣненій, совершенно въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ представляется въ рукописи, въ

чам-деген гемшімүй-бі (IX).

егүн-ече којіші үлү учірамуі-бі (IX).

кабуран абчу ірелүге-бі (IX).

алтан амин-ече-бен кабачан алдабаі-бі (IX).

ініјелгеңі јадала кемең сонуслуга-бі (VIII) .

Вопросъ о личныхъ окончаніяхъ, о спряженіи, у монголистовъ поднимался только при изслѣдованіяхъ бурятскаго и калмыцкаго глагола (см. А. Д. Рудневъ. Хори-бурят. говоръ. I, стр. XXXVIII—XL; В. Л. Котвичъ. Опытъ граммат. калмыцк. разговорн. яз., стр. 104—105, 112—113). Относительно же письменнаго монгольскаго языка отмѣчалось прежними грамматиками, вскользь, о томъ, что личныя мѣстоименія въ извѣстныхъ случаяхъ «полагаются послѣ глагола» (А. Бобровниковъ. Граммат. монг.-калмыцк. яз. Казань, 1849, стр. 234; ср. В. Л. Котвичъ. Лекціи по граммат. монг. яз., стр. 150—151), но и это положеніе отрицалось (см. А. Д. Рудневъ. Ор. сіт., стр. XL). А между тѣмъ не только новый монгольскій письменный языкъ, но и письменный языкъ монголовъ перваго и втораго періода даетъ много примѣровъ очень частаго употребленія личныхъ мѣстоименій въ качествѣ личныхъ окончаній глаголовъ. Одинъ образчикъ такой конструкціи находится въ письмѣ Ыйеитү къ Филиппу Красивому: јабу ендекүн-та (11 строка). Гораздо больше примѣровъ личныхъ окончаній даетъ намъ текстъ перевода Bodhicaryavatara Чой-чжи одзера, причемъ нѣтъ никакихъ основаній видѣть въ этомъ вліяніе тибетскаго оригинала; примѣры:

|རང་གི་ཡིད་ལ་བསྐྱོམ་བྱིར་ངས་འདི་བཙོམས།

öber-ün sedkil-деген бісілбакуј-а цокіјаму-бі егүні (I, 2; MS. Kowalewsk. f. 1 v.).

|ཞི་བྱེད་བར་བདག་ནམ་ཞིག་འགྱུར།

кеңіј-е амурлібулүбчі болку-бі (IX, 166; MS. Kowalewsk. f. 48 v. || новый бурятскій переводъ: амурлібулун үіледүгчі-дүр бі кеңіј-е ниген-е болумүй.

|སེར་སྣ་ཅན་ཁྱོད་ཅིས་མེ་བསྐྱུར།

јакін үлү корімуі карасувчі-чі (VIII, 45; MS. Kowalewsk. f. 33). || бурятскій переводъ: кедүйі карамту чі бер керкіцү үлү сакімуі.

|དེ་ལྟར་ཅི་བྱིར་འབྱེར་བར་བྱེད།

едүге јакін баса бурубудумүй-чі (VIII, 44; MS. Kowalewsk. f. 33). || бурятскій переводъ: едүге јабун-у тула цігсігүрен дутабамүй.

Сборникъ Музея Антроп. и Этногр., т. V.

80

примѣчаніяхъ же указываются соотвѣтствующія формы «классическаго» письменнаго монгольскаго языка и даются, если это представляется возможнымъ, объясненія той или иной формы, того или другого начертанія. Я позволилъ себѣ только болѣе послѣдовательно разставить діакритическіе знаки, которые въ самой рукописи довольно часто опускаются вовсе, причемъ слѣдовалъ за тенденціей MS. Burd., какъ и вообще современной монгольской письменности, ставить точки при с передъ і (ᠰᠢ) и при ʒ на концѣ слоговъ (ᠨ).

Въ примѣчаніяхъ я не отмѣчалъ такихъ формъ, какъ ᠠᠭᠤᠨ , ᠠᠭᠤᠨ etc. вм. ᠠᠭᠤᠨ , ᠠᠭᠤᠨ etc. «классическаго» языка, ᠠᠭᠤᠨ вм. ᠠᠭᠤᠨ , ᠠᠭᠤᠨ , потому что подобныя явленія вообще нерѣдки въ монгольской письменности и были уже отмѣчены нашими грамматиками. Не отмѣчалъ я также формы Genet. на ᠠᠭᠤᠨ послѣ основъ на согласные и формы Genet. и Accusat. на ᠠᠭᠤᠨ послѣ основъ на ᠠᠭᠤᠨ ; ᠠᠭᠤᠨ вм. ᠠᠭᠤᠨ , ᠠᠭᠤᠨ вм. ᠠᠭᠤᠨ ; формы на -ᠠᠭᠤᠨ , -ᠠᠭᠤᠨ вм. -ᠠᠭᠤᠨ , -ᠠᠭᠤᠨ ; а также ᠠᠭᠤᠨ = классич. н передъ д, т, ц, ч.

| བྲེན་པ་ཅ་རྒྱན་གྱིས་ཀྱིས་མཆོད།

|| бурятській переводъ: еріке чандан-у чімег-іјер такібаі.

|གང་ལ་གཤིག་ས་ཀྱང་འདི་ཆགས་པ།

། དེ་མ་གཡོགས་ན་ཅིས་མི་འདོད།

алін-і бӯрібесӯ бер курічакуї бөгесӯ-чі,
мөн-кӯ есе бӯрісен - дӯр јакін ӯлӯ курічамӯї (VIII, 48;
MS. Kowalewsk. f. 33).

|| бурятский переводъ: тер метү алин-дур бүүркүбечү егүн-е тачијабчи,
тегүн-и есе бүүркүбесү керкiнiйү үлү дурламү.

Достаточно примѣровъ подобной же конструкции находимъ мы и въ старомъ переводѣ Subhasitaratnanidhi, напр.:

| རྩོག་ས་རྣམས་གསལ་བར་བྱ་བྱིང་འདི་ཕྱོད།

б'уґуде ц'уґ-і геґіґу́лк'у́јін тулада еґу́ні неґебе-бі (вышеупомянутый MS. библиотеки Петроград. Ун. f. 84 v.).

¹ См. А. М. Позднеев. Транскрипция палеографического текста «Юань-чао-ми-ши» (неоконченное литогр. издание), стр. 98—100.

Монгольскій текстъ MS. Burd.

© МАЭ РАН

[illegible]

[illegible][illegible]

[illegible]

475 476 477 478 479 480 481 482 483 484 485 486 487 488 489 490 491 492 493 494 495 496 497 498 499 500 501 502 503 504 505 506 507 508 509 510 511 512 513 514 515 516 517 518 519 520 521 522 523 524 525 526 527 528 529 530 531 532 533 534 535 536 537 538 539 540 541 542 543 544 545 546 547 548 549 550 551 552 553 554 555 556 557 558 559 560 561 562 563 564 565 566 567 568 569 570 571 572 573 574 575 576 577 578 579 580 581 582 583 584 585 586 587 588 589 590 591 592 593 594 595 596 597 598 599 600 601 602 603 604 605 606 607 608 609 610 611 612 613 614 615 616 617 618 619 620 621 622 623 624 625 626 627 628 629 630 631 632 633 634 635 636 637 638 639 640 641 642 643 644 645 646 647 648 649 650 651 652 653 654 655 656 657 658 659 660 661 662 663 664 665 666 667 668 669 670 671 672 673 674 675 676 677 678 679 680 681 682 683 684 685 686 687 688 689 690 691 692 693 694 695 696 697 698 699 700 701 702 703 704 705 706 707 708 709 710 711 712 713 714 715 716 717 718 719 720 721 722 723 724 725 726 727 728 729 730 731 732 733 734 735 736 737 738 739 740 741 742 743 744 745 746 747 748 749 750 751 752 753 754 755 756 757 758 759 760 761 762 763 764 765 766 767 768 769 770 771 772 773 774 775 776 777 778 779 780 781 782 783 784 785 786 787 788 789 790 791 792 793 794 795 796 797 798 799 800 801 802 803 804 805 806 807 808 809 810 811 812 813 814 815 816 817 818 819 820 821 822 823 824 825 826 827 828 829 830 831 832 833 834 835 836 837 838 839 840 841 842 843 844 845 846 847 848 849 850 851 852 853 854 855 856 857 858 859 860 861 862 863 864 865 866 867 868 869 870 871 872 873 874 875 876 877 878 879 880 881 882 883 884 885 886 887 888 889 890 891 892 893 894 895 896 897 898 899 900 901 902 903 904 905 906 907 908 909 910 911 912 913 914 915 916 917 918 919 920 921 922 923 924 925 926 927 928 929 930 931 932 933 934 935 936 937 938 939 940 941 942 943 944 945 946 947 948 949 950 951 952 953 954 955 956 957 958 959 960 961 962 963 964 965 966 967 968 969 970 971 972 973 974 975 976 977 978 979 980 981 982 983 984 985 986 987 988 989 990 991 992 993 994 995 996 997 998 999 1000

22

6 499 501 502 503 504 505 506 507 508 509 510 511 512 513 514 515 516 517 518 519 520 521 522 523 524 525 526 527 528 529 530 531 532 533 534 535 536 537 538 539 540 541 542 543 544 545 546 547 548 549 550 551 552 553 554 555 556 557 558 559 560 561 562 563 564 565 566 567 568 569 570 571 572 573 574 575 576 577 578 579 580 581 582 583 584 585 586 587 588 589 590 591 592 593 594 595 596 597 598 599 600 601 602 603 604 605 606 607 608 609 610 611 612 613 614 615 616 617 618 619 620 621 622 623 624 625 626 627 628 629 630 631 632 633 634 635 636 637 638 639 640 641 642 643 644 645 646 647 648 649 650 651 652 653 654 655 656 657 658 659 660 661 662 663 664 665 666 667 668 669 670 671 672 673 674 675 676 677 678 679 680 681 682 683 684 685 686 687 688 689 690 691 692 693 694 695 696 697 698 699 700 701 702 703 704 705 706 707 708 709 710 711 712 713 714 715 716 717 718 719 720 721 722 723 724 725 726 727 728 729 730 731 732 733 734 735 736 737 738 739 740 741 742 743 744 745 746 747 748 749 750 751 752 753 754 755 756 757 758 759 760 761 762 763 764 765 766 767 768 769 770 771 772 773 774 775 776 777 778 779 780 781 782 783 784 785 786 787 788 789 790 791 792 793 794 795 796 797 798 799 800 801 802 803 804 805 806 807 808 809 810 811 812 813 814 815 816 817 818 819 820 821 822 823 824 825 826 827 828 829 830 831 832 833 834 835 836 837 838 839 840 841 842 843 844 845 846 847 848 849 850 851 852 853 854 855 856 857 858 859 860 861 862 863 864 865 866 867 868 869 870 871 872 873 874 875 876 877 878 879 880 881 882 883 884 885 886 887 888 889 890 891 892 893 894 895 896 897 898 899 900 901 902 903 904 905 906 907 908 909 910 911 912 913 914 915 916 917 918 919 920 921 922 923 924 925 926 927 928 929 930 931 932 933 934 935 936 937 938 939 940 941 942 943 944 945 946 947 948 949 950 951 952 953 954 955 956 957 958 959 960 961 962 963 964 965 966 967 968 969 970 971 972 973 974 975 976 977 978 979 980 981 982 983 984 985 986 987 988 989 990 991 992 993 994 995 996 997 998 999 1000

551
 561
 562
 563
 564
 565
 566
 567
 568
 569
 570
 571
 572
 573
 574
 575
 576
 577
 578
 579
 580
 581
 582
 583
 584
 585
 586
 587
 588
 589
 590
 591
 592
 593
 594
 595
 596
 597
 598
 599
 600
 601
 602
 603
 604
 605
 606
 607
 608
 609
 610
 611
 612
 613
 614
 615
 616
 617
 618
 619
 620
 621
 622
 623
 624
 625
 626
 627
 628
 629
 630
 631
 632
 633
 634
 635
 636
 637
 638
 639
 640
 641
 642
 643
 644
 645
 646
 647
 648
 649
 650
 651
 652
 653
 654
 655
 656
 657
 658
 659
 660
 661
 662
 663
 664
 665
 666
 667
 668
 669
 670
 671
 672
 673
 674
 675
 676
 677
 678
 679
 680
 681
 682
 683
 684
 685
 686
 687
 688
 689
 690
 691
 692
 693
 694
 695
 696
 697
 698
 699
 700
 701
 702
 703
 704
 705
 706
 707
 708
 709
 710
 711
 712
 713
 714
 715
 716
 717
 718
 719
 720
 721
 722
 723
 724
 725
 726
 727
 728
 729
 730
 731
 732
 733
 734
 735
 736
 737
 738
 739
 740
 741
 742
 743
 744
 745
 746
 747
 748
 749
 750
 751
 752
 753
 754
 755
 756
 757
 758
 759
 760
 761
 762
 763
 764
 765
 766
 767
 768
 769
 770
 771
 772
 773
 774
 775
 776
 777
 778
 779
 780
 781
 782
 783
 784
 785
 786
 787
 788
 789
 790
 791
 792
 793
 794
 795
 796
 797
 798
 799
 800
 801
 802
 803
 804
 805
 806
 807
 808
 809
 810
 811
 812
 813
 814
 815
 816
 817
 818
 819
 820
 821
 822
 823
 824
 825
 826
 827
 828
 829
 830
 831
 832
 833
 834
 835
 836
 837
 838
 839
 840
 841
 842
 843
 844
 845
 846
 847
 848
 849
 850
 851
 852
 853
 854
 855
 856
 857
 858
 859
 860
 861
 862
 863
 864
 865
 866
 867
 868
 869
 870
 871
 872
 873
 874
 875
 876
 877
 878
 879
 880
 881
 882
 883
 884
 885
 886
 887
 888
 889
 890
 891
 892
 893
 894
 895
 896
 897
 898
 899
 900
 901
 902
 903
 904
 905
 906
 907
 908
 909
 910
 911
 912
 913
 914
 915
 916
 917
 918
 919
 920
 921
 922
 923
 924
 925
 926
 927
 928
 929
 930
 931
 932
 933
 934
 935
 936
 937
 938
 939
 940
 941
 942
 943
 944
 945
 946
 947
 948
 949
 950
 951
 952
 953
 954
 955
 956
 957
 958
 959
 960
 961
 962
 963
 964
 965
 966
 967
 968
 969
 970
 971
 972
 973
 974
 975
 976
 977
 978
 979
 980
 981
 982
 983
 984
 985
 986
 987
 988
 989
 990
 991
 992
 993
 994
 995
 996
 997
 998
 999
 1000

[illegible]

ישיב נאמר ו יסבתי 14 אבותי בן עשרה ו ישיב נא

15 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 16 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 17 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 18 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 19 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 20 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 21 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 22 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 23 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 24 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 25 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 26 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 27 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 28 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 29 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 30 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 31 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 32 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 33 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 34 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 35 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 36 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 37 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 38 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 39 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 40 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 41 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 42 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 43 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 44 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 45 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 46 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 47 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 48 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 49 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 50 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 51 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 52 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 53 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 54 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 55 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 56 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 57 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 58 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 59 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 60 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 61 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 62 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 63 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 64 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 65 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 66 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 67 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 68 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 69 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 70 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 71 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 72 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 73 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 74 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 75 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 76 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 77 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 78 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 79 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 80 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 81 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 82 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 83 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 84 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 85 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 86 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 87 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 88 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 89 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 90 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 91 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 92 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 93 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 94 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 95 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 96 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 97 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 98 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 99 אבותי בן עשרה ו ישיב נא 100 אבותי בן עשרה ו ישיב נא

658 "
 659 "
 660 "
 661 "
 662 "
 663 "
 664 "
 665 "
 666 "
 667 "
 668 "
 669 "
 670 "
 671 "
 672 "
 673 "
 674 "
 675 "
 676 "
 677 "
 678 "
 679 "
 680 "
 681 "
 682 "
 683 "
 684 "
 685 "
 686 "
 687 "
 688 "
 689 "
 690 "
 691 "
 692 "
 693 "
 694 "
 695 "
 696 "
 697 "
 698 "
 699 "
 700 "
 701 "
 702 "
 703 "
 704 "
 705 "
 706 "
 707 "
 708 "
 709 "
 710 "
 711 "
 712 "
 713 "
 714 "
 715 "
 716 "
 717 "
 718 "
 719 "
 720 "
 721 "
 722 "
 723 "
 724 "
 725 "
 726 "
 727 "
 728 "
 729 "
 730 "
 731 "
 732 "
 733 "
 734 "
 735 "
 736 "
 737 "
 738 "
 739 "
 740 "
 741 "
 742 "
 743 "
 744 "
 745 "
 746 "
 747 "
 748 "
 749 "
 750 "
 751 "
 752 "
 753 "
 754 "
 755 "
 756 "
 757 "
 758 "
 759 "
 760 "
 761 "
 762 "
 763 "
 764 "
 765 "
 766 "
 767 "
 768 "
 769 "
 770 "
 771 "
 772 "
 773 "
 774 "
 775 "
 776 "
 777 "
 778 "
 779 "
 780 "
 781 "
 782 "
 783 "
 784 "
 785 "
 786 "
 787 "
 788 "
 789 "
 790 "
 791 "
 792 "
 793 "
 794 "
 795 "
 796 "
 797 "
 798 "
 799 "
 800 "
 801 "
 802 "
 803 "
 804 "
 805 "
 806 "
 807 "
 808 "
 809 "
 810 "
 811 "
 812 "
 813 "
 814 "
 815 "
 816 "
 817 "
 818 "
 819 "
 820 "
 821 "
 822 "
 823 "
 824 "
 825 "
 826 "
 827 "
 828 "
 829 "
 830 "
 831 "
 832 "
 833 "
 834 "
 835 "
 836 "
 837 "
 838 "
 839 "
 840 "
 841 "
 842 "
 843 "
 844 "
 845 "
 846 "
 847 "
 848 "
 849 "
 850 "
 851 "
 852 "
 853 "
 854 "
 855 "
 856 "
 857 "
 858 "
 859 "
 860 "
 861 "
 862 "
 863 "
 864 "
 865 "
 866 "
 867 "
 868 "
 869 "
 870 "
 871 "
 872 "
 873 "
 874 "
 875 "
 876 "
 877 "
 878 "
 879 "
 880 "
 881 "
 882 "
 883 "
 884 "
 885 "
 886 "
 887 "
 888 "
 889 "
 890 "
 891 "
 892 "
 893 "
 894 "
 895 "
 896 "
 897 "
 898 "
 899 "
 900 "
 901 "
 902 "
 903 "
 904 "
 905 "
 906 "
 907 "
 908 "
 909 "
 910 "
 911 "
 912 "
 913 "
 914 "
 915 "
 916 "
 917 "
 918 "
 919 "
 920 "
 921 "
 922 "
 923 "
 924 "
 925 "
 926 "
 927 "
 928 "
 929 "
 930 "
 931 "
 932 "
 933 "
 934 "
 935 "
 936 "
 937 "
 938 "
 939 "
 940 "
 941 "
 942 "
 943 "
 944 "
 945 "
 946 "
 947 "
 948 "
 949 "
 950 "
 951 "
 952 "
 953 "
 954 "
 955 "
 956 "
 957 "
 958 "
 959 "
 960 "
 961 "
 962 "
 963 "
 964 "
 965 "
 966 "
 967 "
 968 "
 969 "
 970 "
 971 "
 972 "
 973 "
 974 "
 975 "
 976 "
 977 "
 978 "
 979 "
 980 "
 981 "
 982 "
 983 "
 984 "
 985 "
 986 "
 987 "
 988 "
 989 "
 990 "
 991 "
 992 "
 993 "
 994 "
 995 "
 996 "
 997 "
 998 "
 999 "
 1000 "

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТЕКСТУ.

¹ Классич.: ᠠᠳᠢᠪᠦ Монголы при чтеніи, обычно, произносятъ это слово, протягивая послѣдній слогъ: адѣв̄у, что и отразилось на начертаніи; впрочемъ въ монгольскомъ языкѣ довольно много словъ на $\bar{u}$, такъ что въ данномъ случаѣ долгота могла явиться по аналогіи. ² < халх.-зап. дѣрѣмчѣи, гдѣ р произносится почти какъ $\bar{r}$. Въ современной монгольской письменности очень часто вмѣсто е въ непервыхъ слогахъ пишутъ і.

³ Классич.: ᠠᠳᠢᠪᠦ Въ виду ослабленія гласныхъ, неударныхъ и не долгихъ, въ языкѣ современныхъ монголовъ вообще и въ халх.-зап. въ частности, въ современной монгольской письменности постоянно встрѣчаются подобныя ошибки, т. е. неправильное съ исторической точки зрѣнія, съ точки зрѣнія «классическаго» языка обозначеніе гласныхъ второго и слѣдующихъ слоговъ. Ср. Б. Владиміровъ, О частицахъ отрицанія при повелительномъ наклоненіи въ монг. языкѣ. Извѣстія Академіи Наукъ. Петроградъ, 1916, стр. 351. ⁴ Классич.: ᠠᠳᠢᠪᠦ Обозначеніе при помощи двухъ буквъ гласнаго, соответствующаго долготу гласному въ живой рѣчи — явленіе общераспространенное въ монгольской письменности.

⁵ Классич.: ᠠᠳᠢᠪᠦ ⁶ ᠠᠳᠢᠪᠦ «классическаго» языка. Въ новой монгольской письменности ᠠᠳᠢᠪᠦ и ᠠᠳᠢᠪᠦ употребляются часто безъ различія по отношенію къ окончанію слова, послѣ котораго онѣ стоятъ и къ которому онѣ относятся. Но возможно разсматривать это окончаніе, принимая его за Accusat., ср. прим. 10. ⁷ Классич.: ᠠᠳᠢᠪᠦ ср. прим. 2.

⁸ Классич.: ᠠᠳᠢᠪᠦ ср. прим. 3. Въ данномъ случаѣ отразился на начертаніи и законъ лабиализаціи, наблюдаемой въ халх.-зап.

⁹ Классич.: ᠠᠳᠢᠪᠦ ; два у на концѣ пишутъ, очевидно, по аналогіи съ ᠠᠳᠢᠪᠦ etc.

¹⁰ Классич.: ᠠᠳᠢᠪᠦ Въ современной монгольской письменности очень часто встрѣчается такое неправильное употребленіе суффикса Accusat. ᠠᠳᠢᠪᠦ вм. ᠠᠳᠢᠪᠦ , потому что монголы, повидимому съ давнихъ поръ, принимаютъ эти окончанія какъ бы за идеограммы и читаютъ, примѣняясь къ живому произношенію, т. е. читаютъ не то, что написано, литтерально, а то, что соответствуетъ въ устной, современной рѣчи. ¹¹ Слово это очень часто изображается подобнымъ образомъ въ современной монг. письменности и особенно въ С.-З. Монголіи, гдѣ и по-ойратски пишутъ ᠠᠳᠢᠪᠦ , вм. классич. ᠠᠳᠢᠪᠦ . Ср. выше, «Къ изданію текста».

¹² Классич.: ᠠᠳᠢᠪᠦ Подобныя смѣшенія тоже часто встрѣчаются въ современной монг. письменности. ¹³ Классич.: ᠠᠳᠢᠪᠦ .

¹⁴ Классич.: ᠠᠳᠢᠪᠦ , разъ предшествующее слово оканчивается на гласный. Въ современной монг. письменности постоянно наблюдается неправильное, смѣшанное употребленіе суффиксовъ притяжанія ᠠᠳᠢᠪᠦ , ᠠᠳᠢᠪᠦ и Inst. ᠠᠳᠢᠪᠦ , ᠠᠳᠢᠪᠦ . ¹⁵ Классич.: ᠠᠳᠢᠪᠦ .

ᠭᠡᠨᠡᠳᠡ ᠭᠡᠨᠡᠳᠡ. Окончание Genet. ᠭᠡ, так же как и окончание Accus. ᠭᠡᠨᠡᠳᠡ являются для монголов, в их современной письменности, как бы идеограммами и употребляются безразлично послѣ всякой послѣдней буквы основы. См. выше, «Къ изданію текста».

¹⁶ См. прим. 14. ¹⁷ < халх.-зап. хошүү, классич.: *ᠬᠣᠰᠢᠭᠦᠨ* ¹⁸ < халх.-зап.

бї, бїј; да и вообще въ современной монгольской письменности это слово чрезвычайно часто изображается подобнымъ образомъ вм. классич. ᠪᠢᠶ . ¹⁹ < халх.-зап.

ерѣ-мерѣ, классич.: ²⁰ < халх.-зап. *režəŋ, režəŋə*, классич.:

²¹ Классич.: , халх.-зап. намаёг, ср. прим. 10. Формы намаі-і, такъ же какъ и чімаі-і, часто встрѣчаются въ Ms. Burd. ²²   ²³ Классич.:

24 Классич.: Ср. прим. 3. 25 Классич.:

ⲙⲉⲛⲏⲁⲛⲓ. По всей вѣроятности, черезъ і въ этомъ словѣ пытались, хотя бы и безо-

значительно, отмѣтить нѣкоторую палатализацию *p*, наблюдаемую въ современномъ халх.-зап. при сочетаніи его съ передними гласными: халх.-зап. произносятъ *ᠬᠠᠯᠠᠭᠦᠷᠲᠦᠨ* почти какъ *ᠬᠠᠯᠠᠭᠦᠷᠲᠦᠨ*, ср. прим. 2; отмѣчать при помощи *i*, лишняго съ точки зрѣнія классическаго языка, *p* и *l* тамъ, гдѣ въ живой рѣчи соотвѣтствуютъ палатальные или палатализованные *p* и *l* (*p̄*, *l̄*, *l̄*)—явленіе очень распространенное въ современной монг. письменности въ С.-З. Монголіи; можно даже признать, что это явленіе постепенно дѣлается традиціоннымъ. ²⁶ См. прим. 21. ²⁷ См. прим. 8.

²⁸ < халх.-зап. нарін (емфат.), классич.: форма , ²⁹ Классич.: .

³⁰ См. прим. 18. ³¹ См. прим. 8. ³² См. прим. 14. ³³ ~~См. прим. 14.~~

³⁴ ³⁵ Классич.: Ср. прим. 4. ³⁶ См. прим. 23. ³⁷ Классич.:

4. ³⁸ Ср. прим. 4. ³⁹ См. прим. 10. ⁴⁰ Халх.-зап.

бадърчй, форма классич.: ⁴¹ См. прим. 7. ⁴² См. прим. 10.

⁴³ ㅁㅅㅅㅅ. Ср. прим. 21. Ср. А. М. Позднѣевъ. Каменныи памятникъ под-
чищенія Маньчжурами Кореи. ЗВОИРАО., т. V, стр. 46, стр. 17; стр. 54.

⁴⁴ Ср. прим. 43. ⁴⁵ $\pi\pi\pi\pi\pi$. Ср. прим. 21, 43. ⁴⁶ Классич.: $\pi\pi$ ($\pi\pi\pi$),

ср. прим. 10. ⁴⁷ Классич.: , Ср. прим. 4. ⁴⁸ < халх.-зап. гадā,

классич. форма: ἡνῶρ, ἡ⁴⁰ < халх.-зап. мөрнѐ, мөрні́, форма классиче-

ского языка: . ⁵⁰ Ср. прим. 7. ⁵¹ См. прим. 46. ⁵² См.

прим. 7. ⁵³ См. прим. 40. ⁵⁴ Классич.: $\frac{1}{2} \frac{1}{2}$, Употребление $\frac{1}{2}$ в. $\frac{1}{2}$

встрѣчается довольно часто въ монг. письменности, какъ старой, такъ и новой, что и отмѣчалось нашими грамматиками: см. А. Бобровниковъ. Грамматика монгольско-калмыцкаго языка. Казань 1849, стр. 180—182; В. Л. Котвичъ. Лекціи по грамматикѣ монгольскаго языка. Изданіе (литограф.) студентовъ Э. Маурина и Э. Беренса, СПБ. 1902, стр. 132; А. Д. Рудневъ. Лекціи по грамматикѣ монгольскаго языка. Выпускъ I. (Литограф.) СПБ. 1905, стр. 87. ⁵⁵ См. прим. 40.

⁵⁶ См. прим. 46. ⁵⁷ < халх.-зап. абҷір- < абҷй-ірё-; в. абҷір- теперь чувствуется уже какъ одно слово, одинъ глаголь; классич. форма: . ⁵⁸ См. прим. 40, 10.

⁵⁹ См. прим. 40. ⁶⁰ Форма классич. языка: 𐎧𐎡𐎴𐎧𐎢𐎠, 𐎧𐎡𐎴𐎧𐎢𐎠. ⁶¹ 𐎧𐎡𐎴𐎧𐎢𐎠

תַּחֲתֵיכֶם, Ср. прим. 57. ⁶² Классич.: תַּחֲתֵיכֶם, См. прим. 3. ⁶³ См. прим. 10.

⁶⁴ См. прим. 40. ⁶⁵ См. прим. 54. ⁶⁶ См. прим. 15. ⁶⁷ *ἡμεῖς καὶ οἱ ἄλλοι*

См. прим. 34. ⁶⁸ См. прим. 10. ⁶⁹ < халх.-зап. *jir*, форма классического

языка: ⁷⁰ См. прим. 10. ⁷¹ < халх.-зап. сү, молоко; классическія

формы ~~тсцц~~ / ~~тсц~~. Обь изображеніи конечно ў односложныхъ словъ черезъ ~~тс~~

см. Б. Владимірцовъ. О частицахъ отрицанія при повелительномъ наклоненіи въ

монгольскомъ языкѣ. Извѣстія Акад. Наукъ. Петроградъ. 1916, стр. 356—357.

⁷² См. прим. 10. ⁷³ См. прим. 8. ⁷⁴ См. прим. 34. ⁷⁵ < халх.-зап.

арх, ар'х (ср. Рамстедтъ. Сравнительная фонетика монгольского письменного

языка и халха ево-уринского говора. СПб. 1908, стр. 50); классич. форма.

78. С. 79. В. У. У. У.

См. прим. 10. < хатх.-зап. о хон, о хін, ер. бират.-письм. оуон,

См. прим. 76.

прим. 73. 86 См. прим. 79. 87 α -амино-этил-этил-формил-малонического

88 СМ. ПРИБ. 70

91 Сч. прим. 50

претерпевает соответствующую форму: $\frac{1}{2} \frac{1}{\sqrt{1-\beta^2}}$ или $\frac{1}{2} \frac{1}{\sqrt{1-\beta^2}}$. См. Е. А. Гол.

студенций Монголо-русский словарь. Т. 1. СПб. 1895. стр. 48. Наивно подвиг-

мийся монголо-японській старовині 蒙鈔和典 ТОЖО УНЗУНЗУТЛ ФОРМУ — 2-50

03 12 04

(61): 1).

См. прим. 52. См. прим. 76. См. прим. 10. Классич.:

²⁰ < халх.-зап. хортон, классич. , Ср. прим. 34. ²¹ , Ср.

прим. 7, 38. ¹⁰⁰ См. прим. 10. ¹⁰¹ См. прим. 98. ¹⁰² См. прим. 92.

...] вь этомъ словѣ появилось,

очевидно, подъ влияшемъ халх.-зап. јорѳі, классическія формы: 𐤅𐤓𐤕𐤕 , 𐤅𐤓𐤕𐤕 , 𐤅𐤓𐤕𐤕 .

Ср. Г. Г. Гамзетедь. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и
халхского хуринского говора. СПб. 1908, стр. 52. 106 См. прим. 42. 107 См.

[illegible]

110 См. прим. 105. 111 См. прим. 31. 112 Взято из: _____

119

114. *C. ...*

См. прим. 109.

обычная форма классического языка: ᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠ , ¹¹⁶ Въ монг. письменности обычно встречается такое начертание этого слова: ᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠ , точно транскрибирующее его тибетский прототип: ᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠ . ¹¹⁷ Классич.: ᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠ . ¹¹⁸ См. прим. 18. ¹¹⁹ См. прим. 1.

¹²⁰ Классич.: ᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠ , или Accusat. ¹²¹ См. прим. 18. ¹²² Классич.: ᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠ .

¹²³ См. прим. 43, 45. ¹²⁴ Обычное начертание: ᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠ . ¹²⁵ См. прим. 115.

¹²⁶ Появление такого начертания надо объяснять влиянием формы халх.-зап. намā (Accusat. отъ ḡi), Ср. прим. 21. См. выше, «Къ изданію текста». ¹²⁷ См. прим. 121.

¹²⁸ Въ монг. рукописяхъ и хул. обычно встречается такое начертание этого слова: ᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠ , что и отмѣчается нашими словарями Ковалевскаго и Голстунскаго и грамматикой А. Бобровникова (Граммат. монг.-калмыцк. яз. Казань, 1894, стр. 124), хотя правильнѣе было бы писать такъ, какъ указываетъ настоящий текстъ: ᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠ < v. барі- + суффиксъ взаимн. лда; нашъ текстъ даетъ далѣе уже форму ᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠ . ¹²⁹ См. прим. 1. ¹³⁰ < халх.-зап. ḡi^hxě; форма классического языка: ᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠ , формы: ḡi- (халх.-зап.), ḡi- (хотогойт., баит., дэрб.-коб.) || монг. письм. ге- употребляются очень часто въ живой современной рѣчи. См. выше, «Къ изданію текста». ¹³¹ См. прим. 115. ¹³² < халх.-зап. танжарай, классическая форма ᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠ , ср. также прим. 3. ¹³³ См. прим. 12. ¹³⁴ См. прим. 131.

¹³⁵ < халх.-зап. ^hxigēdū; форма классического языка: ᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠ . ¹³⁶ < халх.-зап. иднā, идёнā, классич. ᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠ , ᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠ . Вообще форма ᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠ (-на) || халх. -нā, -нā, ∞-нā, ∞-н, баит. дэрб.-кобд. -нā, -нā, -н, вост.-монг. -на, -нā, -нā, -н, -но и пр., || монг.-письм. -нам, -муі встречается очень часто въ современной монг. письменности и возникла, несомнѣнно, подъ влияниемъ живой рѣчи (ср. О. Ковалевскій. Краткая граммат. монг. книжнаго яз. Казань, 1835, стр. 96). ¹³⁷ Классич.: ᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠ . ¹³⁸ См. прим. 109. ¹³⁹ См. прим. 115. ¹⁴⁰ См. прим. 131.

¹⁴¹ < халх.-зап. олдōwā, ср. прим. 8, классич. форма: ᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠ . ¹⁴² Классич.: ᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠ . ¹⁴³ См. прим. 115. ¹⁴⁴ См. прим. 12. ¹⁴⁵ См. прим. 35. ¹⁴⁶ См. прим. 35. ¹⁴⁷ ᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠ . Ср. прим. 3, 4. ¹⁴⁸ См. прим. 35. ¹⁴⁹ См. прим. 14.

¹⁵⁰ ᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠ , ср. прим. 15. ¹⁵¹ < халх.-зап. ḡiшū, ḡiшū, форма классич.: ᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠ . ¹⁵² См. прим. 45. ¹⁵³ < халх.-зап. т'анā, классическая форма ᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠ . ¹⁵⁴ См. прим. 45. ¹⁵⁵ См. прим. 126. ¹⁵⁶ ᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠ . См. прим. 7. ¹⁵⁷ Классич.: ᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠ .

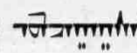
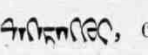
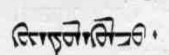
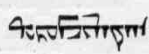
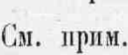
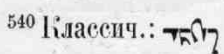
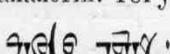
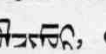
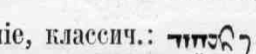
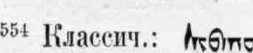
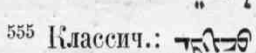
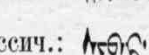
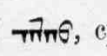
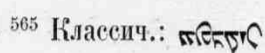
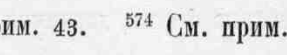
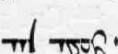
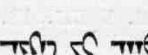
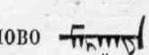
¹⁵⁸ См. прим. 12. ¹⁵⁹ < халх.-зап. v. ḡi^hxilě-, классич. ᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠ . ¹⁶⁰ Классич.: ᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠ . Наши грамматики упоминаютъ формы того же дѣепричастія на -мачі, -мча, -маса, -мса, указывая, что онѣ встрѣчаются въ разговорномъ языкѣ, форма же на -маб-чін до сихъ поръ еще не была зарегистрирована; см. О. Ковалевскій. Краткая граммат.

монг. книжного яз. Казань, 1895, стр. 120—121; А. Бобровниковъ. Граммат. монг.-калмыц. яз. Казань, 1849, стр. 141; В. Л. Котвичъ. Лекціи по граммат. монг. яз. СПб., 1902, стр. 113; А. Д. Рудневъ. Лекціи по граммат. монг. письмен. яз. СПб., 1905, стр. 51; G. I. Ramstedt. Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. XIX. Helsingfors, 1903, p. 53, 115—116; А. Д. Рудневъ. Хори-бурятскій говоръ. Выпускъ I. Петроградъ, 1913—1914, стр. XC—XCI. ¹⁶¹ Гм. прим. 10. ¹⁶² Классич.: ᠲᠠᠭᠠᠨ , ¹⁶³ Классич.: ᠲᠠᠭᠠᠨ , Въ современной монг. письменности перѣдки ороографическія ошибки такого рода, ср. прим. 12. ¹⁶⁴ См. прим. 14. ¹⁶⁵ См. прим. 10. ¹⁶⁶ См. прим. 10. ¹⁶⁷ См. прим. 126. ¹⁶⁸ Классич.: ᠲᠠᠭᠠᠨ , ¹⁶⁹ См. прим. 10. ¹⁷⁰ ᠲᠠᠭᠠᠨ , См. прим. 7. ¹⁷¹ См. прим. 161. ¹⁷² <халх.-зап. ᠠᠭᠢᠷᠢ , классическая форма: ᠲᠠᠭᠠᠨ , Ср. прим. 113, ср. выше, прим. 113. ¹⁷³ См. прим. 98. ¹⁷⁴ Классич.: ᠠᠭᠤᠰᠤᠨ ᠬᠠᠭᠠᠨ , ¹⁷⁵ См. прим. 1. ¹⁷⁶ ᠲᠠᠭᠠᠨ , См. прим. 7. ¹⁷⁷ См. прим. 162, 10. ¹⁷⁸ Классич.: ᠲᠠᠭᠠᠨ , См. прим. 4. ¹⁷⁹ ᠲᠠᠭᠠᠨ , См. прим. 7. ¹⁸⁰ Классич.: ᠠᠭᠤᠰᠤᠨ , ¹⁸¹ См. прим. 10. ¹⁸² Классич.: ᠠᠭᠤᠰᠤᠨ , См. прим. 112. ¹⁸³ Классич.: ᠠᠭᠤᠰᠤᠨ или ᠠᠭᠤᠰᠤᠨ , См. прим. 135. ¹⁸⁴ ᠠᠭᠤᠰᠤᠨ , Ср. прим. 3, 128. ¹⁸⁵ См. прим. 10. ¹⁸⁶ ᠠᠭᠤᠰᠤᠨ , ¹⁸⁷ См. прим. 1. ¹⁸⁸ ᠠᠭᠤᠰᠤᠨ , ¹⁸⁹ См. прим. 183. ¹⁹⁰ < халх.-зап. хоңх, форма классического языка: ᠠᠭᠤᠰᠤᠨ , ¹⁹¹ См. прим. 130. ¹⁹² Классич.: ᠠᠭᠤᠰᠤᠨ , ᠠᠭᠤᠰᠤᠨ , См. прим. 57. ¹⁹³ См. прим. 10. ¹⁹⁴ См. прим. 15. ¹⁹⁵ См. прим. 10. ¹⁹⁶ См. прим. 10. ¹⁹⁷ Классич.: ᠠᠭᠤᠰᠤᠨ , ¹⁹⁸ См. прим. 15. ¹⁹⁹ < халх.-зап. ц'о'хоң, классич. формы: ᠠᠭᠤᠰᠤᠨ , ᠠᠭᠤᠰᠤᠨ , Впрочемъ форма ᠠᠭᠤᠰᠤᠨ встрѣчается иногда въ монг. письменности, что и было отмѣчено К. О. Голстунскимъ (см. его Монг.-русскій словарь, т. 3, стр. 306; эту же форму даетъ и монгольско-японскій словарь 蒙和辭典, стр. 409. ²⁰⁰ См. прим. 10. ²⁰¹ < халх.-зап. одо, классич. форма: ᠠᠭᠤᠰᠤᠨ , ²⁰² Обычно ᠠᠭᠤᠰᠤᠨ , ²⁰³ См. прим. 14. ²⁰⁴ См. прим. 79. ²⁰⁵ См. прим. 79. ²⁰⁶ См. прим. 10. ²⁰⁷ < халх.-зап. нерѣдвѣ, классическ. ᠠᠭᠤᠰᠤᠨ , См. выше, «Къ изд. текста». ²⁰⁸ См. прим. 79. ²⁰⁹ Въ монг. письменномъ языкѣ частица ᠠᠭᠤᠰᠤᠨ , не встрѣчающаяся ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ живыхъ монг. говоровъ, можетъ стоять только передъ и въ сочетаніи съ глаголами; поэтому слѣдовало бы: ᠠᠭᠤᠰᠤᠨ ᠠᠭᠤᠰᠤᠨ , ²¹⁰ См. прим. 10. ²¹¹ Классич.: ᠠᠭᠤᠰᠤᠨ , См. прим. 7. ²¹² < халх.-зап. ец'егё, ец'гё, классическая форма: ᠠᠭᠤᠰᠤᠨ , ²¹³ Классич.: ᠠᠭᠤᠰᠤᠨ , См. прим. 7. ²¹⁴ См. прим. 10. ²¹⁵ Классич.: ᠠᠭᠤᠰᠤᠨ , Ср. прим. 2. ²¹⁶ Классич.: ᠠᠭᠤᠰᠤᠨ

Ср. прим. 12, 163. ²⁵⁸ Выше на предыдущей стр. это слово являлось въ
формѣ ᠶ᠋ᠢᠨᠠ . ²⁵⁹ Классич.: ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ . Ср. прим. 128. ²⁶⁰ См.
прим. 1. ²⁶¹ Классич.: ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ . См. прим. 132. ²⁶² См. прим. 1.
²⁶³ Ср. прим. 3. ²⁶⁴ См. выше, «Къ изд. текста». ²⁶⁵ Классич.:
 ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ . ²⁶⁶ См. прим. 117. ²⁶⁷ < халх.-зап. менё^ххī, форма классич.:
 ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ , Ср. Рамстедтъ. Фонетика, стр. 55. ²⁶⁸ Въ Ms. Burd. при д
стоитъ точка, какъ въ манджур. письмен. ²⁶⁹ См. прим. 11, 21. ²⁷⁰ См.
прим. 126. ²⁷¹ См. прим. 69. ²⁷² ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ . ²⁷³ См. прим. 128. ²⁷⁴ См.
прим. 7. ²⁷⁵ См. прим. 10. ²⁷⁶ См. прим. 4. ²⁷⁷ Классич.: ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ .
²⁷⁸ См. прим. 10. ²⁷⁹ См. прим. 10. ²⁸⁰ Форма классич. яз.: ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ , см.
прим. 3. ²⁸¹ См. прим. 7. ²⁸² См. прим. 4, форма классич.: ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ . ²⁸³ См.
прим. 21. ²⁸⁴ См. прим. 7. ²⁸⁵ Подобное начертаніе, очевидно, появилось по
аналогіи съ формами ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ , ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ , etc.; классич.: ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ . ²⁸⁶ См.
прим. 18. ²⁸⁷ См. прим. 267, ср. прим. 7. ²⁸⁸ Ср. прим. 222, форма
классич.: ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ . ²⁸⁹ См. прим. 7. ²⁹⁰ См. прим. 7. ²⁹¹ См. прим. 7.
²⁹² См. прим. 21. ²⁹³ См. прим. 7. ²⁹⁴ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ . ²⁹⁵ См. прим. 229.
²⁹⁶ Ср. прим. 232, форма классич.: ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ . ²⁹⁷ Классич.: ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ . ²⁹⁸ См.
прим. 43. ²⁹⁹ См. прим. 12. ³⁰⁰ См. прим. 7. ³⁰¹ Можно думать, на-
чертаніе келиңлекүй появилось подъ вліяніемъ халх.-зап., въ которомъ, какъ это
уже было отмѣчено выше, историческое е послѣ заднеязычныхъ произносится какъ
ё (почти какъ і) и даже чередуется съ і; съ другой стороны историческое і пер-
ваго ударнаго слога, послѣ заднеязычныхъ, произносится какъ ё; благодаря этому на
письмѣ и происходитъ смѣшеніе е и і; форма классич. яз.: kiliңleküi. ³⁰² См.
прим. 14. ³⁰³ Ср. прим. 3, классич. форма: ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ . ³⁰⁴ Форма классич. яз.:
 ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ , ср. прим. 2, 25. ³⁰⁵ Классич. форма: ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ , ср. прим. 79.
³⁰⁶ Классич.: ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ . Начертаніе, подобное этому, съ лишнимъ знакомъ ᠨ часто встрѣ-
чается въ современной монгольской письменности. ³⁰⁷ < халх.-зап. меднā-ḡi-ḡ^а,
ср. прим. 264. ³⁰⁸ Обычно: ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ , ср. прим. 124. ³⁰⁹ Форма классич. яз.:
 ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ , ср. прим. 13, 306. ³¹⁰ См. прим. 18. ³¹¹ См. прим. 10.
³¹² ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ . ³¹³ < халх.-зап. мᠣᠷᠦᠨ, мᠣᠷᠦᠨ, классич.: ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ , ср. прим. 296.
³¹⁴ См. прим. 10. ³¹⁵ См. прим. 303. ³¹⁶ См. прим. 150. ³¹⁷ См.
прим. 10. ³¹⁸ См. прим. 57. ³¹⁹ < халх.-зап. аwᠦᠷwā, аwᠦᠷwā, классич.
форма: ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ , ср. прим. 3, 296. ³²⁰ Выше нѣсколько разъ встрѣчалось начер-
таніе ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ , обѣ эти формы равноправны. ³²¹ См. прим. 10. ³²² Классич.:
 ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ , начертаніе текста, — навѣрное, орфографическая ошибка; впрочемъ ср.

прим. 3. ³²³ См. прим. 306. ³²⁴ См. прим. 10. ³²⁵ См. прим. 7. ³²⁶ < халх.-
зап. ир^ххё "херёу-сёң; классич.: форма: ᠶᠢᠷᠬᠡ (ᠶᠢᠷᠬᠡᠭᠡ). ³²⁷ См. прим. 18.
³²⁸ См. прим. 147. ³²⁹ См. прим. 14. ³³⁰ См. прим. 7. ³³¹ См. прим. 21.
³³² См. прим. 10. ³³³ См. прим. 147. ³³⁴ См. прим. 37, ср. прим. 3. ³³⁵ См.
прим. 14. ³³⁶ См. прим. 21. ³³⁷ Ср. прим. 296. ³³⁸ См. прим. 224.
³³⁹ Классич. форма: ᠶᠢᠷᠬᠡᠭᠡ , ср. прим. 3. ³⁴⁰ См. прим. 37. ³⁴¹ Ошибочное
начертание, очень распространенное в современной монгольской письменности, по-
явившееся, очевидно, по аналогии с ᠶᠢᠷᠬᠡᠭᠡ , ᠶᠢᠷᠬᠡᠭᠡᠭᠡ etc., классич.: ᠶᠢᠷᠬᠡᠭᠡᠭᠡ .
³⁴² См. прим. 2. ³⁴³ См. прим. 10. ³⁴⁴ См. прим. 11. ³⁴⁵ Халх.-зап.
хүндү, классич.: ᠬᠦᠨᠳᠦ . ³⁴⁶ Классич.: ᠶᠢᠷᠬᠡ ср. прим. 3. ³⁴⁷ См. прим. 7.
³⁴⁸ См. прим. 224. ³⁴⁹ < халх.-зап. мүн^охй, ср. Рудневъ, Говоры Вост.
Монг., стр. 189. ³⁵⁰ < халх.-зап. чамā; конечно, трудно решить, имеем ли
мы в данном случае старинную форму или проявление влияния живой рѣчи; ср.
прим. 21, 43. ³⁵¹ См. прим. 10. ³⁵² Ср. прим. 320. ³⁵³ См. Б. Влади-
мирцовъ, О частицах отрицания при повелительн. наклонении в монг. яз. Изв.
А. Н. 1916 г., стр. 356. ³⁵⁴ См. прим. 7. ³⁵⁵ < халх.-зап. урд^о; начер-
тания ᠶᠢᠷᠬᠡ , ᠶᠢᠷᠬᠡᠭᠡ в м. классич. ᠶᠢᠷᠬᠡᠭᠡ часто встречается в монгольской письмен-
ности, какъ старой, такъ и новой, современной. ³⁵⁶ < халх.-зап. чачу, см.
выше, «Къ изд. текста»; ср. прим. 1. ³⁵⁷ < халх.-зап. чамдāң, классич. форма:
 ᠶᠢᠷᠬᠡᠭᠡᠭᠡ , ср. прим. 12. ³⁵⁸ < халх.-зап. м^о, ср. Рамстедтъ, Фонетика,
стр. 4. ³⁵⁹ Классич. форма: ᠶᠢᠷᠬᠡᠭᠡᠭᠡ , ср. прим. 3. ³⁶⁰ Очевидная описка,
д. б. ᠶᠢᠷᠬᠡᠭᠡᠭᠡ . ³⁶¹ Классич.: ᠶᠢᠷᠬᠡᠭᠡᠭᠡᠭᠡ , ср. прим. 3. ³⁶² См. прим. 11.
³⁶³ См. прим. 10. ³⁶⁴ < халх.-зап. үлг^өр, үлг^үр; классич.: ᠶᠢᠷᠬᠡᠭᠡᠭᠡᠭᠡ , ср.
прим. 3. ³⁶⁵ Выше в подобныхъ фразахъ стоит ᠶᠢᠷᠬᠡᠭᠡᠭᠡᠭᠡ (ᠶᠢᠷᠬᠡᠭᠡᠭᠡᠭᠡ). ³⁶⁶ < халх.-зап.
арайаң, арайа, см. выше, «Къ изд. текста». ³⁶⁷ См. прим. 14, ³⁶⁸ См.
прим. 224. ³⁶⁹ См. прим. 224. ³⁷⁰ См. прим. 10. ³⁷¹ См. прим. 18.
³⁷² См. прим. 1. ³⁷³ См. прим. 54. ³⁷⁴ См. прим. 18. ³⁷⁵ См. прим. 224.
³⁷⁶ См. прим. 18. ³⁷⁷ Ср. прим. 360. ³⁷⁸ Классич.: ᠶᠢᠷᠬᠡᠭᠡᠭᠡᠭᠡ . ³⁷⁹ Обычно:
 ᠶᠢᠷᠬᠡᠭᠡᠭᠡᠭᠡ . ³⁸⁰ См. прим. 14. ³⁸¹ См. прим. 301. ³⁸² См. прим. 224.
³⁸³ Классич. форма: ᠶᠢᠷᠬᠡᠭᠡᠭᠡᠭᠡ . ³⁸⁴ См. прим. 18. ³⁸⁵ См. прим. 301. ³⁸⁶ Классич.:
 ᠶᠢᠷᠬᠡᠭᠡᠭᠡᠭᠡᠭᠡ . Ср. Б. Владиміровъ, Турецкіе элементы в монг. яз. ЗВОИРАО.
XX, 164. ³⁸⁷ Ср. прим. 202. ³⁸⁸ См. прим. 364. ³⁸⁹ Классич. форма:
 ᠶᠢᠷᠬᠡᠭᠡᠭᠡᠭᠡᠭᠡᠭᠡ , ср. прим. 3. ³⁹⁰ См. прим. 10. ³⁹¹ Ср. прим. 1. ³⁹² Классич.
форма: ᠶᠢᠷᠬᠡᠭᠡᠭᠡᠭᠡᠭᠡᠭᠡᠭᠡ , ср. прим. 3. ³⁹³ См. прим. 10. ³⁹⁴ См. прим. 224. ³⁹⁵ См.
прим. 21. ³⁹⁶ См. прим. 319. ³⁹⁷ Ср. прим. 15. ³⁹⁸ См. прим. 5. ³⁹⁹ См.
прим. 3. ⁴⁰⁰ См. прим. 224. ⁴⁰¹ См. прим. 21. ⁴⁰² См. прим. 7. ⁴⁰³ См.

- прим. 10. ⁴⁰⁴ См. прим. 360. ⁴⁰⁵ См. прим. 21. ⁴⁰⁶ См. прим. 10.
⁴⁰⁷ См. прим. 360. ⁴⁰⁸ См. прим. 130. ⁴⁰⁹ См. прим. 43. ⁴¹⁰ Классич.
форма: ᠲᠡᠭᠦᠨᠢᠨᠠᠨ , ср. прим. 3, 8. ⁴¹¹ Классич. форма: ᠲᠡᠭᠦᠨᠢᠨᠠᠨ , ср. прим. 3.
⁴¹² Классич.: ᠲᠡᠭᠦᠨᠢᠨᠠᠨ , ср. прим. 2, 3. ⁴¹³ Ср. прим. 1. ⁴¹⁴ См. прим. 399.
⁴¹⁵ Классич.: ᠲᠡᠭᠦᠨᠢᠨᠠᠨ . ⁴¹⁶ См. прим. 7. ⁴¹⁷ См. прим. 10. ⁴¹⁸ См. прим. 14.
⁴¹⁹ Очевидная описка, д. б. ᠲᠡᠭᠦᠨᠢᠨᠠᠨ . ⁴²⁰ См. прим. 399. ⁴²¹ См. прим. 69.
⁴²² Ср. прим. 10. ⁴²³ См. прим. 1. ⁴²⁴ Классич.: ᠲᠡᠭᠦᠨᠢᠨᠠᠨ ; ср. Рамстедтъ,
Фонетика, стр. 29. ⁴²⁵ Классич.: ᠲᠡᠭᠦᠨᠢᠨᠠᠨ , ср. прим. 3. ⁴²⁶ См. прим. 7.
⁴²⁷ См. прим. 224. ⁴²⁸ См. прим. 7. ⁴²⁹ См. прим. 319. ⁴³⁰ См. прим. 14.
⁴³¹ См. прим. 10. ⁴³² См. прим. 105. ⁴³³ См. прим. 10. ⁴³⁴ Ср. прим. 4.
⁴³⁵ См. прим. 360. ⁴³⁶ См. прим. 4. ⁴³⁷ См. прим. 7. ⁴³⁸ См. прим. 341.
⁴³⁹ См. прим. 10. ⁴⁴⁰ Классич.: ᠲᠡᠭᠦᠨᠢᠨᠠᠨ , ср. прим. 3. ⁴⁴¹ Классич.:
 ᠲᠡᠭᠦᠨᠢᠨᠠᠨ , ср. прим. 3, 7. ⁴⁴² Ср. прим. 4. ⁴⁴³ <халх.-зап. абчирцй, ср. прим. 57.
⁴⁴⁴ См. прим. 341. ⁴⁴⁵ См. прим. 296. ⁴⁴⁶ См. прим. 7. ⁴⁴⁷ См. прим. 10.
⁴⁴⁸ См. прим. 439. ⁴⁴⁹ Ср. прим. 3; классич.: ᠲᠡᠭᠦᠨᠢᠨᠠᠨ . ⁴⁵⁰ См. прим. 18.
⁴⁵¹ См. прим. 439. ⁴⁵² См. прим. 43. ⁴⁵³ Классич.: ᠲᠡᠭᠦᠨᠢᠨᠠᠨ . ⁴⁵⁴ См.
прим. 10. ⁴⁵⁵ Ср. прим. 4. ⁴⁵⁶ См. прим. 232. ⁴⁵⁷ См. прим. 469.
⁴⁵⁸ См. прим. 18. ⁴⁵⁹ См. прим. 10. ⁴⁶⁰ См. прим. 10. ⁴⁶¹ См. прим. 469.
⁴⁶² <халх.-зап. лосцн хад (Sing!). ⁴⁶³ См. прим. 454. ⁴⁶⁴ Классич. форма:
 ᠲᠡᠭᠦᠨᠢᠨᠠᠨ , ср. прим. 3. ⁴⁶⁵ <халх.-зап. jṽndṽ, гдѣ ѣ, быть можетъ, является по ана-
логии съ jṽndṽ. ⁴⁶⁶ См. прим. 469. ⁴⁶⁷ См. прим. 452. ⁴⁶⁸ Классич.
форма: ᠲᠡᠭᠦᠨᠢᠨᠠᠨ , ср. прим. 3. ⁴⁶⁹ <халх.-зап. jṽ'xṽdṽ. ⁴⁷⁰ Классич. форма:
 ᠲᠡᠭᠦᠨᠢᠨᠠᠨ , ср. халх.-зап. гарлвѣ, ср. прим. 3. ⁴⁷¹ См. прим. 5. ⁴⁷² См.
прим. 469. ⁴⁷³ <халх.-зап. орō-, форма классич. яз.: ᠲᠡᠭᠦᠨᠢᠨᠠᠨ . ⁴⁷⁴ См.
прим. 18. ⁴⁷⁵ См. прим. 10. ⁴⁷⁶ См. прим. 360. ⁴⁷⁷ См. прим. 454.
⁴⁷⁸ Классич. форма: ᠲᠡᠭᠦᠨᠢᠨᠠᠨ , ᠲᠡᠭᠦᠨᠢᠨᠠᠨ , подобныя явленія довольно часто встрѣчаются въ
современной монгольской письменности. ⁴⁷⁹ Ср. прим. 4. ⁴⁸⁰ См. прим. 481.
⁴⁸¹ Очевидная описка, д. б.: ᠲᠡᠭᠦᠨᠢᠨᠠᠨ . ⁴⁸² Форма классич.: ᠲᠡᠭᠦᠨᠢᠨᠠᠨ , хотя, даже
въ ксилограф. пекинскихъ изданіяхъ нерѣдка форма, даваемая нашимъ текстомъ, воз-
никшая, очевидно, подъ вліяніемъ южно-монгольскаго произношенія; см. выше, «Къ
изд. текста». ⁴⁸³ См. прим. 453. ⁴⁸⁴ См. прим. 469. ⁴⁸⁵ Ср. прим. 469.
⁴⁸⁶ <халх.-зап. хар-ерѣц, класс.: ᠲᠡᠭᠦᠨᠢᠨᠠᠨ , ср. прим. 19. ⁴⁸⁷ См. прим. 18.
⁴⁸⁸ См. прим. 10. ⁴⁸⁹ См. прим. 473. ⁴⁹⁰ См. прим. 10. ⁴⁹¹ См. прим. 1.
⁴⁹² См. прим. 469. ⁴⁹³ <халх.-зап. xṽndṽdṽ; классич.: ᠲᠡᠭᠦᠨᠢᠨᠠᠨ . ⁴⁹⁴ См.
прим. 69. ⁴⁹⁵ См. прим. 10. ⁴⁹⁶ См. прим. 3. ⁴⁹⁷ См. прим. 10.

- 498 См. прим. 4. 499 См. прим. 15. 500 См. прим. 10. 501 См. прим. 18.
502 Ср. прим. 411. 503 См. прим. 18. 504 См. прим. 370. 505 См. прим. 21.
506 См. прим. 366. 507 См. прим. 14. 508 См. прим. 353. 509 См.
прим. 366. 510 См. прим. 366. 511 Описка, д. 6.: , 512 Классич.:
, ср. прим. 3, 7. 513 См. прим. 366. 514 См. прим. 10. 515 См.
прим. 7. 516 Ср. прим. 370, 517 См. прим. 18. 518 < халх.-зап. *xelēṛā,
въ письменности обычно ; въ классич. письменномъ монг. яз. форма эта
почти не встрѣчается; см. выше, «Къ изд. текста». 519 См. прим. 201.
520 , 521 См. прим. 14. 522 < халх.-зап. bīšū. 523 См.
прим. 7. 524 Ср. прим. 360. 525 См. прим. 1. 526 См. прим. 366.
527 См. прим. 42. 528 См. прим. 12. 529 Классич. форма: ,
ср. прим. 3. 530 См. прим. 366. 531 См. прим. 370. 532 См.
прим. 201. 533 См. прим. 10. 534 Классич.: , ср. прим. 7, 3.
535 См. прим. 366. 536 Ср. прим. 360. 537 См. прим. 360. 538 См. прим. 360.
539 См. прим. 469. 540 Классич.: , ср. халх.-зап. ēṛ*xī-wīšī, ср. прим. 2, 7.
541 См. прим. 201. 542 См. прим. 3. 543 См. прим. 366. 544 См. прим. 10. 545 < халх.-
зап. маніḡ, манäḡ, классич. форма: , 546 Родъ «грамматикализациі», встрѣ-
чающейся, спорадически, и въ классическомъ письменномъ языкѣ; подобныя явленія
возникли, очевидно, по аналогіи: тегүн-ү || тегүн-ече || тегүн-чилен || тегүн дегере ||
тегүн улам; классич. , 547 См. прим. 10. 548 См. прим. 79.
549 См. прим. 15. 550 См. прим. 10. 551 См. прим. 267. 552 Въ классич.
чаще , ср. прим. 3. 553 Явно безграмотное начертаніе, классич.: ,
554 Классич.: , ср. халх.-зап. шууṽ, шууṽң. 555 Классич.: ,
ср. прим. 3. 556 См. прим. 18. 557 < халх.-зап. шауṽṛ, классич.: ,
558 См. прим. 10. 559 Ср. прим. 7. 560 Классич.: , 561 См. прим. 360.
562 См. прим. 21. 563 Классич.: , ср. прим. 3, ср. халх.-зап. алхā. 564 См.
прим. 10. 565 Классич.: , 566 См. прим. 43. 567 См. прим. 10. 568 См.
прим. 360. 569 См. прим. 360. 570 См. прим. 552. 571 См. прим. 43. 572 См.
прим. 383. 573 См. прим. 43. 574 См. прим. 7. 575 Классич.: ,
ср. прим. 306. 576 См. прим. 360. 577 < халх.-зап. онѣдүр; ср. Рудневъ, Говоры
Вост. Монг. стр. 189; классич.: , 578 < халх.-зап. неḡīn, неḡīnī; классич.:
, см. прим. 10. 579 См. прим. 360. 580 См. прим. 577. 581 < халх. мар-
бāш; слово это очень часто употребляемое въ живой рѣчи и обще-распространенное,
оно заимствовано отъ халхасцевъ и ихъ сосѣдями, напр. баит., дэрб.-Кобд., захач.
etc, въ классич. письм. языкѣ чаще всего эквивалентомъ служить слово

- ⁵⁸² Классич. ᠬᠤᠷᠠᠭᠠᠨ ⁵⁸³ < халх.-зап. $e^x h\ddot{e}l\ddot{e}$, ср. прим. 3; классич. ᠬᠤᠷᠠᠭᠠᠨ ⁵⁸⁴ См. прим. 267. ⁵⁸⁵ См. прим. 360. ⁵⁸⁶ < халх. зарвā, ср. прим. 3; классич. форма: ᠵᠠᠷᠪᠠ ⁵⁸⁷ См. прим. 10. ⁵⁸⁸ < халх.-зап. $no\ddot{g}\ddot{o}d\ddot{u}r$, ср. Рудневъ, Говоры Вост. Монг. стр. 189; классич.: ᠲᠠᠭᠠᠨ ᠲᠦ᠋ᠷ ⁵⁸⁹ Ср. прим. 2; классич.: ᠬᠤᠷᠠᠭᠠᠨ ⁵⁹⁰ < халх. забдā, классич.: ᠵᠠᠪᠳᠠ ⁵⁹¹ Классич.: ᠲᠠᠭᠠᠨ , ср. прим. 3, 360. ⁵⁹² Классич.: ᠲᠠᠭᠠᠨ , ср. халх.-зап. $\dot{c}\ddot{o}^x\ddot{o}$, ср. прим. 199. ⁵⁹³ Классич.: ᠲᠠᠭᠠᠨ , ᠲᠠᠭᠠᠨ , ср. прим. 3. ⁵⁹⁴ См. прим. 267. ⁵⁹⁵ См. прим. 1. ⁵⁹⁶ См. прим. 7. ⁵⁹⁷ См. прим. 3. ⁵⁹⁸ < халх.-зап. намаёг, намаёгү, ср. прим. 250. ⁵⁹⁹ < халх.-зап. $x\ddot{i}$, классич.: ᠬᠤ , см. выше, «Къ изд. текста». ⁶⁰⁰ См. прим. 7. ⁶⁰¹ См. прим. 7. ⁶⁰² См. прим. 7. ⁶⁰³ См. прим. 201. ⁶⁰⁴ См. прим. 10. ⁶⁰⁵ См. прим. 10. ⁶⁰⁶ См. прим. 10. ⁶⁰⁷ См. прим. 4. ⁶⁰⁸ < халх.-зап. $x\ddot{i}c\ddot{i}n\ddot{e}$, ср. выше, «Къ изд. текста»; классич.: ᠬᠤᠴᠢᠨᠡ ⁶⁰⁹ См. прим. 383. ⁶¹⁰ См. прим. 10. ⁶¹¹ См. прим. 43. ⁶¹² См. прим. 512. ⁶¹³ См. прим. 10. ⁶¹⁴ См. прим. 1. ⁶¹⁵ См. прим. 7. ⁶¹⁶ См. прим. 3. ⁶¹⁷ Классич.: ᠲᠠᠭᠠᠨ ⁶¹⁸ Классич.: ᠲᠠᠭᠠᠨ , ср. прим. 3, 4, 9. ⁶¹⁹ См. прим. 560. ⁶²⁰ См. прим. 598. ⁶²¹ См. прим. 341. ⁶²² < халх.-зап. $\ddot{o}r\ddot{c}\ddot{i}-il\ddot{g}\ddot{e}w\ddot{a}$; классич.: ᠣᠷᠴᠢᠢᠯᠭᠡᠬᠡ ⁶²³ См. прим. 10. ⁶²⁴ Классич.: ᠬᠤᠷᠠᠭᠠᠨ ; ср. халх. хурā-, см. Рамстедтъ, Фонетика, стр. 30. Я думаю, что объяснение этого слова, даваемое I. Г. Рамстедтомъ, не совсемъ вѣрно. Дѣйствительно, нѣтъ особыхъ оснований предполагать форму курубаку > халх.-Ург., халх.-зап. хурāхā, разъ извѣстны формы монг.-писм.: кура- собираться, курал собраніе; на основаніи всѣхъ этихъ формъ можно притти къ заключенію, что форма побудительнаго глагола отъ кура- будетъ не куруба-, какъ думаетъ I. Г. Рамстедтъ, а кураба-, отъ котораго и развилась, слѣдуя общему правилу, халх. форма хурā-. Но, въ монг.-писм., обычно, встрѣчается форма курија-; трудно предположить, чтобы это была форма искусственно и неправильно образованная, путемъ «архаизаціи» халх. хурā-. Извѣстное въ старину у монголовъ слово курілтай заставляетъ признать «настоящей» и форму монг.-писм. курија-; очевидно монг. яз. знаетъ двѣ основы: кура- и кури- (Ср. Дорджи Банзаровъ. «Объясненіе монг. надписи на памятникѣ Исункэ, племянника Чингисъ-хана». Черная вѣра... и другія статьи Дорджи Банзарова. Подъ редакціей Г. Н. Потанина. СПб. 1894, стр. 92). Памятникъ XIV в., разобранный В. Л. Котвичемъ, даетъ форму кураба- (|| курија-), подтверждая вышесказанное предположеніе (см. статью В. Л. Котвича въ V т. «Сборника М. А. и Э. при Р. А. Н.» — «Монгольскія надписи въ Эрдэни-дзу», стр. 209—210). ⁶²⁵ См. прим. 301. ⁶²⁶ См. прим. 10. ⁶²⁷ См. прим. 3. ⁶²⁸ Классич.: ᠬᠤᠷᠠᠭᠠᠨ , ср. прим. 3. ⁶²⁹ Классич.: ᠲᠠᠭᠠᠨ , ср. прим. 3. ⁶³⁰ Классич.: ᠲᠠᠭᠠᠨ ,

- ер. прим. 105. ⁶³¹ Классич. формы: $\Theta\kappa\tau\tau\gamma$, $\Theta\kappa\tau\tau\zeta$, ер. халх.-зап. баёна.
- ⁶³² См. прим. 360. ⁶³³ <идём-зё, ер. выше, «Къ изд. текета», || классич. $\tau\kappa\tau\tau\zeta$ $\zeta\gamma$.
- ⁶³⁴ < халх.-зап. $\beta\iota\tau\epsilon\gamma\iota$, классич. форма: $\Theta\kappa\tau\tau\zeta$. ⁶³⁵ См. прим. 15. ⁶³⁶ См. прим. 360. ⁶³⁷ См. прим. 617. ⁶³⁸ См. прим. 14. ⁶³⁹ Слово это не отмечено нашими словарями; очевидно д. б.: $\Theta\kappa\tau\tau\tau\tau\tau$, ер. ойрат.-писм. mojimi петля, накидываемая на шею лошади; монг.-писм. bobumi ; см. ниже, «Списокъ словъ».
- ⁶⁴⁰ См. прим. 10. ⁶⁴¹ См. прим. 7. ⁶⁴² См. прим. 10. ⁶⁴³ См. прим. 10. ⁶⁴⁴ Классич.: $\tau\kappa\tau\tau\tau\tau$, ер. прим. 2. ⁶⁴⁵ Д. б.: $\Theta\kappa\tau\tau$, см. ниже, «Списокъ словъ»; слово это въ начертаніи, даваемомъ MS. Burd., т. е. съ лишнимъ γ на концѣ, часто встрѣчается въ современной монгольской письменности.
- ⁶⁴⁶ См. прим. 69. ⁶⁴⁷ Классич.: $\tau\kappa\tau\tau\tau\tau$, халх.-Ург. $\text{ylz}\ddot{\text{y}}\text{I}$, халх.-зап. $\text{olz}\ddot{\text{y}}\text{I}$, $\text{olz}\ddot{\text{a}}$.
- ⁶⁴⁸ Классич.: $\Theta\kappa\tau\tau$. ⁶⁴⁹ < халх.-зап. im , $\text{im}\ddot{\text{e}}$; классич. форма: $\tau\kappa\tau\tau$.
- ⁶⁵⁰ Ср. прим. 297. ⁶⁵¹ См. прим. 253. ⁶⁵² Классич.: $\tau\kappa\tau\tau\tau$. ⁶⁵³ < халх.-зап. $\text{dörw}\ddot{\text{y}}\text{I}\ddot{\text{y}}\text{ñ}$, классич.: $\tau\kappa\tau\tau\tau\tau$.
- ⁶⁵⁴ См. прим. 14. ⁶⁵⁵ См. прим. 10. ⁶⁵⁶ < халх.-зап. $\text{šür}\ddot{\text{g}}\ddot{\text{y}}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{e}}\text{g}$, классич.: $\tau\kappa\tau\tau\tau\tau$.
- ⁶⁵⁷ < халх.-зап. $\text{šür}\ddot{\text{g}}\ddot{\text{y}}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{e}}\text{g}$ -сёң; асан || классич. асан. ⁶⁵⁸ < халх.-зап. $\text{id}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{e}}\text{g}$ -сёң. ⁶⁵⁹ См. прим. 652.
- ⁶⁶⁰ Классич. форма. $\tau\kappa\tau\tau\tau$. ⁶⁶¹ См. прим. 652. ⁶⁶² Классич.: $\tau\kappa\tau\tau\tau\tau$, ер. халх.-зап. gutbar . ⁶⁶³ См. прим. 14. ⁶⁶⁴ См. прим. 652. ⁶⁶⁵ См. прим. 652. ⁶⁶⁶ Ср. прим. 583. ⁶⁶⁷ Классич.: $\tau\kappa\tau\tau\tau$, начертаніе $\tau\kappa\tau\tau\tau$ очень часто встрѣчается въ пекинскихъ хул.
- ⁶⁶⁸ См. прим. 253, классич.: $\tau\kappa\tau\tau\tau\tau\tau$. ⁶⁶⁹ Ср. прим. 254, классич.: $\tau\kappa\tau\tau\tau\tau\tau\tau$.
- ⁶⁷⁰ Классич.: $\Theta\kappa\tau\tau$ $\tau\tau$ $\tau\tau\tau$, ер. прим. 578. ⁶⁷¹ Ср. прим. 224. ⁶⁷² Классич.: $\tau\kappa\tau\tau\tau\tau$, ер. прим. 254.
- ⁶⁷³ Ср. прим. 3, классич. $\tau\kappa\tau\tau\tau$. ⁶⁷⁴ Ср. прим. 3. ⁶⁷⁵ См. прим. 672. ⁶⁷⁶ См. прим. 132.

ПЕРЕВОДЪ.

Для удобства всѣ рассказы MS. Burd. снабжены мною обычными для рассказовъ Rajcatantra заглавіями, которыя набраны крупнымъ шрифтомъ; переводы же подлинныхъ заглавій, встрѣчающихся иногда въ текстѣ, напечатаны мелкимъ шрифтомъ.

I. Женщина и лиса (шакаль)¹.

Давно тому назадъ въ одной странѣ на югѣ Индіи жили мужъ съ женой. Жена влюбилась въ совсѣмъ посторонняго чело-

¹ Въ разныхъ тибетскихъ и монгольскихъ сказаніяхъ лиса (ཁྲ་, үнеген) соответствуетъ шакалу параллельныхъ индійскихъ сказаній. Напр., въ известномъ разсказѣ о «Синемъ шакалѣ», находящемся въ тибетскомъ Ганджурѣ (по Нартанскому изданію — отдѣлъ ҺДул-ба, т. IV, f. 255v) и въ монгольскомъ Ганджурѣ (по печатному изданію, экземпляръ котораго принадлежитъ Парижской Національной Библиот. — Fond Pelliot, отд. ҺДул-ба, т. 77, f. 266—f. 267; начальные слова разсказа: урїда болубсан нїген етегед-декї амїтан-дур нїген үнеген арубу [sic]), вмѣсто шакала является лиса. F. Anton von Schiefner переводилъ слово ཁྲ་ черезъ «шакаль» въ этомъ и въ другихъ разсказахъ (см. Schiefner-Ralston, 336); надо замѣтить, что, очевидно, Schiefner для своихъ переводовъ сказаній изъ тибетскаго Ганджура пользовался вышеупомянутымъ Нартанскимъ изданіемъ, а не Пекинскимъ, какъ думалъ В. П. Васильевъ (ср. Schiefner-Ralston, р. XXXIV), по крайней мѣрѣ №№ ff. и тома, указываемые въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ Schiefner'омъ, соответствуютъ именно Нартанскому изданію Ганджура, находящемуся въ Азіатскомъ Музеѣ Р. А. Н. Очень можетъ быть, смѣшеніе шакала съ лисой произошло на тибетской почвѣ (ср. ཁྲ་ лиса и ཁྲ་ཁྲ་ཁྲ་ шакаль; возможно что ཁྲ་ есть только сокращеніе ཁྲ་ཁྲ་ཁྲ་, обычное въ тибетскомъ языкѣ; въ такомъ случаѣ ཁྲ་ должно значить не «лиса», а «шакаль»; ср. тибетскій переводъ Bodhisattvavātara, VIII, 30). Волжскіе калмыки позабыли слово үнеген и лису называютъ теперь арѣтѣ < арїа-ту (форма арїа-ту дикій звѣрь, неизвѣстная нашимъ словарямъ, знающимъ только соответствующую форму plural. арїјатан, встрѣчается иногда въ монгольской письменности, въ особенности старой; напр., эта форма встрѣчается на f. 19 v. стариннаго ксилографа, заключающаго сочиненіе: кутуб-ту Манцүшїрі-їін нере-їі үнен-їер ögülekyi — Агуа Маңжуcгї nāma sangiti, хул. Азіатскаго Музея А. Н. подъ сигнатурой: Рудневъ, № 104, содержащее любопытный матеріалъ по языку; эта же форма встрѣчается иногда и въ ойратскихъ сочиненіяхъ, см. напр. К. О. Голстунскій. Монголо-ойратскіе законы 1640 г. СПб. 1880, стр. 15, 51: — арѣту; наши словари указываютъ, правда, форму арїа-ту, но только въ значеніи «самецъ сайги»), и только въ старой ойратской письменности встрѣчается иногда и слово үнеген. Въ соответствующемъ разсказѣ Ерл.-чїм. калмыцкой версіи стоитъ — явно безграмотное начертаніе (см. MS.— Q. 542 библиотеки Петр. Унив. f. 6).

Сборникъ Музея Антроп. и Этногр., т. V.

33

вѣка¹ и назначила ему свиданіе въ одномъ мѣстѣ внѣ дома. Въ то время, какъ она приближалась къ условленному мѣсту, подошелъ воръ и отобралъ у нея разныя украшенія, одежду, все. Тогда та женщина, очутившись совершенно безъ ничего, голой, застыдилась и не могла никуда пойти; она присѣла подъ деревомъ на берегу моря и прикрыла сухими листьями свои тайныя части тѣла. Когда она такъ сидѣла, шла туда лиса, слѣдуя вдоль берега, съ кускомъ мяса въ зубахъ. Лиса, увидѣвъ, что изъ моря высунулась рыба, бросила на землю мясо, бывшее у нея во рту, и кинулась схватить рыбу, но та въ тотъ же мигъ, нырнувъ, ушла на дно моря. А, въ то время какъ лиса возвращалась назадъ, воронъ схватилъ мясо и улетѣлъ къ небу. Лиса, вернувшись назадъ, стала смотрѣть туда и сюда, выпучивъ глаза, и, устыдившись, остановилась въ изумленіи. Тогда та женщина засмѣялась и сказала: — «Ай, лиса, ты бросила на землю мясо, что было у тебя во рту, а, въ то время какъ ты позарилась на рыбу, мясо твое, которое ты уже держала въ зубахъ, схватилъ воронъ и улетѣлъ къ небу, рыба же ушла на дно моря. Что смотришь, неловкая лисишка?» Лиса ей тогда отвѣтила такъ: — «Женщина, ты пошла шлѣться зря ради другого мужчины, тогда какъ у тебя есть свой прекрасный, законный мужъ, была ограблена воровъ и лежишь, не зная что дѣлать, закрывъ свои лядвія древесными листьями; на тебя, разгульная, скверная женщина, смотрю!» Женщина тогда была страшно пристыжена.

Не надо говорить о порокахъ другихъ, согласно съ пословицей, гласящей: когда обнаруживаютъ пороки другихъ, обнаруживается собственный

¹ Въ текстѣ стоитъ: бусуд, plur. отъ бусу; употребленіе единственного числа вм. множественнаго въ извѣстныхъ случаяхъ свойственно многимъ монгольскимъ нарѣчіямъ, въ томъ числѣ и халх.-зап., въ районѣ котораго былъ написанъ MS. Burd., а также и письменному монгольскому языку, еще древняго періода; ср.: урідус сајід ебүген сајін ечіге письма гулагидскаго султана Ölceitü къ Филиппу II-му Красивому (13—14 строка); «семилѣтній мальчикъ», обращаясь къ Убаши-хунтайджи, говоритъ ему: нојод (pl. отъ нојон), см. Лама Галсанъ Гомбоевъ. Исторія Убаши-хунтайджія и его войны съ ойратами. Труды Вост. Отд. А. О. ч. VI, Приложение, стр. 202—203. То же самое встрѣчается и у Сананъ-Сецена, см. I. J. Schmidt. Geschichte der Ost-Mongolen. St.-Petersburg, 1829, p. 64. Ср. аналогичныя явленія въ тибетскомъ языкѣ, см. D-r Palmyr Cordier. Cours de tibétain classique, 1-er semestre 1907. Hanoi, MDCCCVII, p. 30 (Suffixes emphatiques).

порокъ; съ пословицей, съ которой сходенъ этотъ разсказъ (о женщинѣ и лисѣ)¹.

II. Kalandaka и ястребъ.

Въ прежнее давнее время жилъ старикъ, ловецъ птицъ. Однажды, когда тотъ старикъ поставилъ свои сѣти, попался птенецъ птицы kalandaka². Старикъ и старуха ударили его нѣсколько разъ палкой и, посадивъ въ земляную печь съ пепломъ, прикрыли сверху камлотомъ. Черезъ нѣсколько сутокъ подошелъ пѣтухъ, котораго то семейство держало, и ударилъ клювомъ по камлоту. Тогда птенецъ kalandaka сказалъ: — «О, святая милость, какъ посмотришь, видишь, что ноги твои похожи на тонкія вѣтви ивы, самъ ты весь похожъ на птицу гагца, пестринки на твоёмъ тѣлѣ — съ узорами, гребешокъ, какъ привѣшенный на темени красный цвѣтокъ, обладаетъ красою пера павлина. Если бы ты, достигшій высшаго пути, ты, высокорожденный, снялъ этотъ камлотъ, то былъ бы великимъ благодѣтелемъ!» Когда онъ такъ превознесъ пѣтуха, тотъ сказалъ: — «Ты меня хорошо восхвалилъ» и съ этими словами сгрѣбъ камлотъ. Тогда птенецъ kalandaka поднялся едва живой, отдохнуль немного и перелетѣлъ на дерево. Поворачиваясь тамъ во всѣ стороны, kalandaka сказалъ: — «Хотя меня и побили раза два и бросили подъ камлотъ въ пепелъ голоднымъ на трое сутокъ, и все-таки меня, царя пернатыхъ, не могли убить! Я теперь лечу къ синему небу! Въ то время, какъ я буду жить сотни тысячъ лѣтъ³, ты, старикъ, сложишь свои кости въ этомъ домѣ». Сказавши это, онъ пересѣлъ на тонкую вѣтвь и встряхнулся; маленькое деревцо тогда пошелохнулось. — «Я сильнѣе вѣтра, — сказалъ kalandaka, — когда я, поправивъ свои перья, вылечу къ синему небу, буду похожъ на парящаго орла. Хотя ты и поколотилъ меня 4 — 5 разъ палкой, мнѣ ни на ноготокъ не было больно; хотя на трое сутокъ бросилъ меня въ пепелъ, даже маленькаго вреда мнѣ не сдѣлалось. Скверный старикашка, когда-нибудь твой домъ сдѣлается, вѣдь, гнѣздомъ для моихъ дѣте-

¹ Соответствующіе стихи Лугс-кji. т.-ч.:

།གནན་གྱི་སྒྲིན་ན་མཁ་བརྗེད་མི་བྱ།	Не надо говорить о порокахъ другихъ;
།གནན་གྱི་སྒྲིན་ན་མཁ་ཅེ་བརྗེད་པ།	говорящій что-либо о порокахъ другихъ,
།དེ་བཞིན་བདག་ལ་འདྲ་ཡོད་པ་སྟེ།	обнаруживаетъ тѣ же у самого себя,
།དཔེར་ན་ལྷ་དང་བྱ་ལྟར་མེད་པ་ཞིན།	примѣръ: лиса (шакаль) и женщина.

² Монг. текстъ называетъ птенца то kalandaka, то kandara (к'андарі).

³ Въ текстѣ мицбан тўмен.

нышей». Когда kalandaka, такъ говоря, произносилъ горделивыя слова и вертѣлся во всѣ стороны, вдругъ на него набросился ястребъ и, зажавъ въ когтяхъ, улетѣлъ.

Сказано: такимъ образомъ пусть оставятъ говорить гордыя слова, не вѣдая о томъ, что сами малы и ничтожны¹.

III. Мать врача и нищій монахъ.

Въ одно прошлое давнее время заболѣла мать Оточі-jin геген'а². Послѣдній не былъ въ состояніи лѣчить и не могъ опредѣлить (понять) болѣзни. Въ то время пришелъ разъ къ его матери одинъ бадарчі лама³,

¹ Соответствующіе стихи Лугс-кji. т.-ч.:

|བདག་ཉིད་ལ་ནི་བསྟོན་མི་བྱ།

Не надо восхвалять самого себя;

|བདག་ཉིད་ལ་ནི་སྟུག་བསྟོན་པ།

тотъ, кто восхваляетъ самого себя,

|དེ་ནི་སྟོ་རྩུང་གིས་རབ་ཞན།

малъ умомъ и ничтоженъ познаниемъ,

|དབང་ན་ཀ་ལ་ན་ཏ་ཀ་ལ།

примѣръ — kalandaka.

² Т. е. святого перерожденца Bhaiṣajyaguru, см. A. Grünwedel. *Mythologie des Buddhismus*. Leipzig; 1900, p. 118; Paul Pelliot. *Le Bhaiṣajyaguru*. *Bullet. d. l'École Fr. d. E. O. t. III*, p. 33—37. Въ настоящее время у монголовъ слово оточі обозначаетъ только «костоправа», но въ литературѣ оно является эквивалентомъ тиб. слова སྟུག་པོ་ и обозначаетъ вообще «врача», «лѣкаря». Слово это, повидимому, заимствовано монголами отъ турковъ, ср. уйг. отачі, ком. отацы — лѣкарь < от — лѣкарственное растеніе, причемъ въ монгольскую письменность оно попало при посредствѣ устной рѣчи, гдѣ появилась «лабиализованная» форма оточі < *отачі, но въ старой монг. письменности извѣстна и форма отачі, буквально воспроизводящая уйгурскую. Слово отачі(н) (ᠣᠲᠠᠴᠢᠨ ᠠᠨ) встрѣчается часто въ монг. Ганджурѣ, см., напр., экземпляръ библиот. П. Университ., отд. hДул-ба, т. 10, f. 94. Форма отачі встрѣчается иногда и въ болѣе новыхъ монгольскихъ рукописяхъ и ксилографахъ, напр. въ кутубту обтарбуи Наіман гегеген неретү судур (пекинскій хул.).

³ Т. е. нищенствующій монахъ; такъ въ Монголіи называютъ разнаго рода монаховъ, отправившихся за сборомъ милостыни. Этимъ общимъ именемъ бадірчі ~ бадарчі лама, бадарчі (< бадар < бадір — чаша < санскр. pātra, черезъ уйгурское или тибетское посредство) монголы называютъ какъ бѣдняковъ, собирающихъ милостыню въ свою пользу, такъ и гораздо болѣе состоятельныхъ, иногда даже очень богатыхъ монаховъ, отправляющихся со своей свитой за сборомъ подацій или въ пользу какого-либо монастыря или монастырскаго учрежденія, или на

котораго звали Терге-табубчі (Гонящій телѣгу). Мать врача предложила тому ламѣ въ изобиліи кушанья и напитки, постаралась развеселить его и сказала: «Лама мой, если вы занимаетесь врачеваніемъ, то соблаговолите вылѣчить меня отъ этой болѣзни. Я мать — Оточі-јін геген'а. Сынъ мой, врачъ, не былъ въ состояніи лѣчить меня, теперь же онъ, врачъ, изволилъ уйти къ сосѣдямъ». Тотъ же лама ничего-то не зналъ. Не найдя никакого средства, онъ подумалъ: — «Какъ я обезкуражу эту старицу?» и сказалъ: — «Тебя легко вылѣчить, двумя дозами лѣкарства вылѣчу. Если ты примешь его съ настоящимъ благоговѣніемъ, то быстро вылѣчишься. Одну дозу прими сегодня, другую же прими въ концѣ третьихъ сутокъ. Мое лѣкарство снаружи, въ телѣгѣ». Сказавши это, онъ вышелъ, взявъ земли съ телѣжнаго пути, завернулъ такъ, что вышло двѣ дозы лѣкарства, отдалъ и поспѣшно ушелъ, съ тѣмъ чтобы удалиться до возвращенія Оточі-јін геген'а.

Старуха же съ великимъ благоговѣніемъ приняла одну дозу, и въ ту же ночь ея болѣзнь сдѣлалась гораздо легче. Послѣ того вернулся Оточі-јін геген и обрадовался тому, что его мать почувствовала себя лучше. Когда же мать его, въ отвѣтъ на его вопросъ, рассказала ему, какъ получила лѣкарство отъ бадарчі Терге-табубчі, онъ чрезвычайно подивился и подумалъ: «Какъ могъ справиться ничего-то незнающій бадарчі съ этой болѣзью, съ которой я ничего не могъ подѣлать?» Между тѣмъ какъ онъ продолжалъ такъ дивиться, мать его приняла послѣднюю дозу лѣкарства и выздоровѣла совершенно. Тотчасъ же Оточі-јін геген отправилъ нѣсколько человѣкъ и приказалъ найти и привести къ нему того бадарчі съ телѣгой. Когда посланные люди нашли того бадарчі и рассказали ему о томъ, что случилось, бадарчі подумалъ: «Эти люди говорятъ неправду, старуха та навѣрное

построеніе храма, ступы; именемъ бадарчі монголы называютъ также ламъ высшихъ степеней и гегеновъ, — по большей части тибетцевъ, отправляющихся совершать особія богослуженія, ставить мистическіе танцы — цам'ы, преподавать какое-либо сочиненіе, а также хушайцовъ, т. е. буддійскихъ монаховъ изъ китайскихъ монастырей (будь то китайцы, южные монголы, тангуты), нерѣдко посѣщающихъ Монголію для сбора подаянія, совершенія нѣкоторыхъ богослуженій и, главнымъ образомъ, врачеванія. Бадарчі иногда занимаются и торговлей. Монголы, въ общемъ, очень хорошо относятся ко всѣмъ бадарчі, нѣкоторымъ же выказываютъ и большое почтеніе. Тѣмъ не менѣе, среди монголовъ можно замѣтить и нѣсколько проницательное, отрицательное отношеніе къ нищимъ монахамъ, какъ къ дармоѣдамъ, лѣнтяямъ, обманщикамъ. Напр., рассказываютъ такой анекдотъ. — Залаяла около одной юрты собака; мальчикъ, находившійся внутри, кричитъ своей матери: «Человѣкъ какой-то пришелъ»; тогда мать ему отвѣчаетъ: «Это не человѣкъ, — бадарчі».

умираетъ» и сказалъ: — «Я не пойду». Когда же онъ сталъ хорохориться, посланцы улучили моментъ, чтобы его связать, схватили и привели къ врачу. Оточі-јін геген тогда очень обрадовался, оказалъ почтеніе и поднесъ ему за излѣченіе матери 500 цѣльныхъ кусковъ сукна и шерстяной матеріи. — «Ну,—сказалъ онъ,—какъ могъ ты справиться съ болѣзнью, которую я не могъ вылѣчить? Это какая болѣзнь? Какое вы¹ дали лѣкарство?» Такъ какъ тотъ бадарчі совершенно ничего не зналъ, то рассказалъ по правдѣ, какъ онъ завернулъ и далъ, какъ лѣкарство, землю изъ-подъ телѣги. Оточі-јін геген тогда удивился, посмотрѣлъ на гаданья и узналъ, что во врачебныхъ, знахарскихъ книгахъ сказано, что прахъ съ 70 переваловъ и съ 70 степей очищаетъ грифовый ядъ. Та же старуха вообще не пила почвенной воды, а все пила воду со скалы или дождевую воду, и онъ узналъ, что она мало-по-малу заболѣла оттого, что пила воду, въ которую помочился грифъ.

Это вотъ и есть, почему говорятъ: не только врачъ, но и знахаръ полезенъ при напасти².

Послѣ этого, мало-по-малу, Оточі-јін геген сталъ тосковать и, переставъ возрождаться здѣсь, отошелъ на небо Обмін³ (Akaniṣṭha).

¹ Въ монг. текстѣ въ рѣчи врача стоитъ вначалѣ мѣстоименіе чі — ты, затѣмъ та — вы, хотя онъ говоритъ съ однимъ и тѣмъ же лицомъ. Въ живой рѣчи монголовъ можно наблюдать часто, какъ они путаютъ «ты» и «вы», употребляя то одно, то другое мѣстоименіе при обращеніи къ одному и тому же лицу, въ особенности если лицо это имъ хорошо знакомо или ниже по соціальному положенію.

² Очень похожая поговорка оказалась въ небольшомъ сборникѣ пословицъ и загадокъ, вывезенныхъ Ц. Ж. Жамцарано отъ монголовъ Абаба (въ южной Монголіи): རྒྱུ་མཆོད་པའི་ལྷན་པོ་ལྟ་བུ་ལྟོས་པ་ — «Не только врачъ, но и знахаръ полезенъ» (см. MS. Азіатскаго Музея Россійск. Акад. Н. подъ сигнатурой Ж. № 64, инв. 1914 г. № 888).

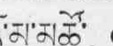
³ Обмін — транскрипція тиб. слова འཁ་འཇིག་, см. Sarat Chandra Das. Tib.-Eng. diction., p. 1118; см. также О. Ковалевскій. Буддійская космологія. Учен. Зап. И. Казанск. Универс. 1837 г. кн. I, стр. 419—421; тибетско-монгольская буддійская энциклопедія — «K'ac-naḥi bjuṅ-gnas» — «Мергед барку-јін оронъ» указываетъ слово འཁ་འཇིག་ аканішта, какъ эквивалентъ тиб. འཁ་འཇིག་ (f. 37 экземпляра библиот. Петрог. Унив. — Xyl. Q. 16) < санскр. akaniṣṭha, — такъ называется буддистами область западнаго неба, гдѣ находится Dhyāni Buddha Akṣobhya; см. также G. Huth. Geschichte des Buddhism. in der Mongolei. Strassburg. 1896, p. 84, прим. 4.

IV. Богъ луны (Candradeva), богъ солнца (Sūryadeva) и Rāhu¹.

Въ давнее прошлое время, когда deva и asura² во взаимномъ согласіи помѣшали и взболтали великое Молочное море³, тогда впервые появились и взошли на небо солнце и луна. Когда они еще помѣшали, появилась кружка крѣпкаго вина⁴; Хормуста⁵ соизволилъ его вкусить. Появив-

¹ См. Berthold Laufer. Die Bru-ža Sprache und die historische Stellung des Padmasambhava. T'oung Pao. Série II, vol. IX, p. 30, прим. ⁴

² О словѣ asura см. K. R. V. Raja. Asura Maya. F. W. T. Note on the above. Journ. of the R. Asiatic. Soc. of G. B. a J. 1917, part 1, p. 131—132.

³ Въ монг. текстѣ стоитъ сү (при помощи монголы обозначаютъ недолгое ү на концѣ односложныхъ словъ; см. мою статью «О частицахъ отрицанія при повелительн. наклон. въ монг. яз.» Изв. Акад. Н. 1916, стр. 356—358). Сү или Сүн далай=тиб. , санскр. Kṣīroda — сказочное море, вода котораго похожа на молоко; это «Молочное море» часто упоминается въ разныхъ монгольскихъ сказаніяхъ, встрѣчается даже въ національных монгольскихъ былинахъ, см., напр., халх. былинку Богдō појоң Цаңраї хāң (Ц. Ж. Жамцарано и А. Д. Рудневъ. Образцы монг. народной лит. СПб. 1898, стр. СХХIII) — Сум далай. Упоминается это море и въ ойратскихъ былинахъ. Такъ какъ у современныхъ халхасцевъ и ойратовъ молоко обозначается нѣсколькими отличающимися фонетически словами сү (халх.) и үсүн (ойр.) < үсүн, то названіе этого сказочнаго моря перестало у нихъ ассоціироваться съ молокомъ и явилось въ формахъ Сум дал^ае, Сун дал^ай — море Сумъ, море Сунъ.

⁴ Въ монг. текстѣ слово это означаетъ ядъ и очень крѣпкое вино, крѣпкую водку. Монголы такъ называютъ нѣсколько разъ перегнанную кумысную водку, то же самое, что у астраханскихъ калмыковъ хорзай; см. Ир. А. Житѣцкій. Очерки быта астраханскихъ калмыковъ. Изв. И. Общ. Люб. Естеств. Антроп. и Этног., т. LXXVII, вып. I, стр. 16. Москва. 1893.

⁵ <уйг. в свою очередь заимствованное изъ Ирана; F. W. K. Müller читаетъ xirmuzta (см. Uigurica. II, p. 106. Abhand. d. k. p. A. d. W. 1910. p.-h. C.); я думаю, что вокализация Müller'a не совсѣмъ правильна и правъ В. В. Радловъ, транскрибировавшій это слово, какъ кормуста (см. Kuan-ši-im Pusar. Biblioth. Bud. XIV, p. 46), что подтверждается данными другихъ языковъ: ср. монг.-пис. кормуста, ойрат.-пис. хормуста, халх. ойрат.-Зап.-Монг. хормуст^а, манджур. хормусда, наконецъ, турецкое — алт. тел. көрмөс злой духъ. Кормуста тирі, повелитель 33 deva, соответствующій инд. Indra Catakratu, Cakra, герой многочисленныхъ буддійскихъ сказаній, превратился въ монгольскомъ народномъ представленіи во многихъ небожителей, въ одного изъ многочисленныхъ Хормуст^а теңг^р или

шуюся же еще одну кружку вина взяли asura. При дальнѣйшемъ помѣшаніи появилась кружка gasāyana, и тогда asura ее забрали.

Послѣ этого царь Хормуста собралъ deva и соизволилъ сказать слѣдующее: «Gasāyana досталась asura. Если asura выпьютъ эту gasāyana, то станутъ настолько сильны, что съ ними будетъ не легко! Хорошо бы было намъ украсть у нихъ!» Сказавши это, онъ послалъ бога солнца со словами: — «Ты попробуй при помощи какой-нибудь уловки ее добыть!» Послѣ этого всѣ deva скрылись среди облаковъ.

Богъ солнца превратился въ очаровательную, прекрасную и увлекательную дѣвушку, достигъ того мѣста, гдѣ asura собрались распить gasāyana, и сѣлъ въ ихъ собраніи рядомъ съ ними. Послѣ этого дѣвушка (богъ солнца) сказала: — «Развѣ вы не будете поступать согласно съ мірскимъ закономъ, когда будете пить эту gasāyana?» Asura ее спросили: — «Какимъ же образомъ надо пить эту gasāyana, чтобы не было вреда?» Тогда дѣвушка (богъ солнца) сказала имъ: — «Вамъ слѣдуетъ пить ее, вымывши свое тѣло и лицо и хорошенько очистившись». Тогда asura, согласившись съ ней, сказали: — «Во всей вселенной женщина ловка и искусна. Ея

одного изъ 33 Хормустн теңгр. (см. А. В. Бурдуковъ. Преданіе о происхожденіи дэрб. князей. Труды Троиц.-Кяхт. о. П. о. И. Р. Г. О. т. XIV, вып. 1—2, стр. 58—59; см. также Г. Н. Потанинъ. Очерки С.-З. Монг. Вып. IV. СПб. 1883, стр. 429). Думаю, что такое «паденіе» произошло на почвѣ неправильной этимологии: выраженіе Кормуста-јін бучін бурбан тнрі (монг.-письм.) «33 deva Хормусты (подчиненные Хормусты, изъ области Хормусты)» стало пониматься, какъ Хормустн гучн гурвн теңгр. (ойрат.) — «Хормусты—33 deva» > гучн гурвн Хормустн теңгр. — «33 deva Хормусты»; т. е. Genetiv. (Кормуста-јін > халх. ойр. Хормустн) былъ понятъ какъ рlug.—Хормустн (несуществующая основа кормус-+тан, рlug. отъ -ту; ср. Алексѣй Бобровниковъ, Грамматика монгольско-калмыцкаго языка, Казань, 1849, стр. 227). Въ этомъ видѣ это слово и было заимствовано алтайцами отъ монголовъ, по всей вѣроятности отъ ойратовъ: Курбустан. Такой неправильной этимологии могли, конечно, способствовать и разныя буддійскія легенды, повѣствующія о томъ, какъ то или другое лицо перерождалось Хормустою. Подобно тому какъ у турецкихъ племенъ — алтайцевъ и телешитовъ — глава свѣтлыхъ небожителей превратился въ кѳрмѳс'а — злого духа, бѣса, и въ монгольскихъ народныхъ сказаніяхъ можно встрѣтить слѣды такой же дифференціи представленій о Хормустѣ. Напр., въ байтской былинѣ Хам-Меклѣ, въ которой упоминается и Хормустн теңгр., появляется владыка злыхъ духовъ Хормукчн (см. также Г. Н. Потанинъ. Очерки С.-З. Монг. Вып. IV. СПб. 1883, стр. 429—452). Такъ же какъ и тур. слово кѳрмѳс, байт. дэрб.-Кѳбд. слово Хормукчн является искаженіемъ слова Кормуста, сопутствующимъ искаженію представленія о свѣтломъ небожителѣ.

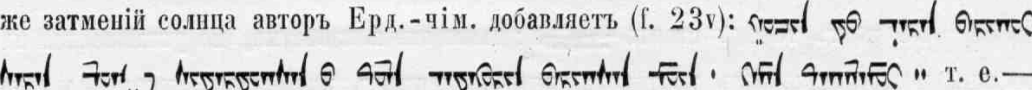
слова справедливы!» Затѣмъ они сказали ей: — «Дѣвушка, если тебѣ не лѣнь, посиди, покарауль эту gasāyana, мы же пойдемъ помыться въ водѣ, а какъ придемъ, мы удѣлимъ и тебѣ gasāyana!» Съ этими словами они ушли къ водѣ. Дѣвушка же (богъ солнца) взяла кружку съ gasāyana, какъ та была, и ушла къ deva.

Послѣ того пришли asura, посмотрѣли — видятъ: gasāyana унесла дѣвушка; узнавши это, поняли они, что это deva обманомъ забрали у нихъ. Стали они тужить и горевать и сказали другъ другу: — «Теперь пусть одинъ изъ насъ приметъ другой видъ, сядетъ вмѣстѣ съ ними, обманувши, на ихъ пиру и попробуетъ при помощи хитрости унести gasāyana». Сговорившись такъ, asura отправили владыку asura—Rāhu. Тотъ же достигъ области deva, принявъ видъ бога луны и сѣлъ рядомъ съ другими. Въ тотъ день deva Хормуста собирался вкусить gasāyana; поэтому выставилъ на стражу бога луны. Никто изъ deva не узналъ, богъ же луны подумалъ: — «Что это за такой богъ луны, совершенно похожій на меня? Это, навѣрно, Rāhu съ Ketu»¹. Понявши это, онъ пригласилъ и привелъ Vajrapāṇi, повелителя

¹ Въ монг. текстѣ стоитъ རྒྱུ་ལྷ་; слово это неизвѣстно, не указывается ни въ какихъ словаряхъ. Изъ контекста многочисленныхъ индійскихъ легендъ можно заключить, что рѣчь идетъ о Ketu. Ketu появляется и въ соответствующемъ разсказѣ южной Rāṇatantra (см. Dubois, p. 164). Rāhu и Ketu, два asura, по буддистской астрологiи являются восходящимъ и нисходящимъ узломъ созвѣздія Дракона. Они считаются также двумя послѣдними изъ 9 планетъ; они то производятъ солнечныя и лунныя затмѣнія, см. Mahāvūtpatti (рукопись библиот. П. Университ. F. 134): санскр. Rāhu, тиб. རྒྱུ་ལྷ་; монг. རྒྱུ་ལྷ་ и санскр. Ketu, тиб. རྒྱུ་ལྷ་, монг. རྒྱུ་ལྷ་. 8-я и 9-я планета изъ числа རྒྱུ་ལྷ་ རྒྱུ་ལྷ་ — 9-ти планетъ. На нижней крышкѣ тома རྒྱུ་ལྷ་ отдѣла hДул-ба печатнаго монг. Ганджура (экземпляръ Парижской Національн. Библиот. — Fond Pelliot), содержащаго Prātimokṣasūtra, находятся изображенія Ketu и Rāhu въ краскахъ; Ketu — желтый, Rāhu — зеленый. Монг. версія сутры Наіман геген (см., напр., MS. Азіатскаго Музея А. Н. I, № 93, f. 29v), перечисляя 8 большихъ планетъ — རྒྱུ་ལྷ་ རྒྱུ་ལྷ་, помѣщаетъ на послѣднее мѣсто планету རྒྱུ་ལྷ་ Рахула < санскр. Rāhula (вм. Rāhu) и прибавляетъ еще རྒྱུ་ལྷ་ རྒྱུ་ལྷ་ 46 Урту сегүл-тү (переводъ тибет. རྒྱུ་ལྷ་) — «Съ длиннымъ хвостомъ», т. е. Ketu. Такимъ образомъ объяснить происхожденіе слова རྒྱུ་ལྷ་ пока не удастся, и только несомнѣнно можно заключить, что оно обозначаетъ Ketu.

Ерд.-чим. не упоминаетъ о Ketu вовсе и вообще даетъ нѣсколько иную версію этого разсказа. По Ерд.-чим., Хормуста самъ превращается въ красавицу и

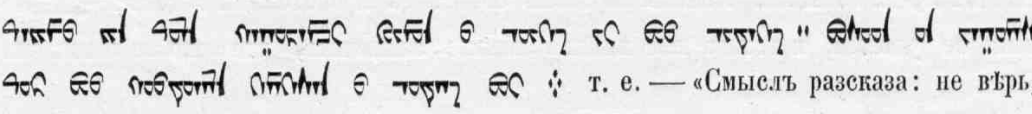
вредоносныхъ, и сказалъ: — «Соблаговоли ударить Rāhu съ Ketu!» Тогда повелитель вредоносныхъ разрубилъ станъ Rāhu могучимъ сакга съ девятью отрогами. Но такъ какъ Rāhu раньше уже выпилъ gasāyana, то онъ поднялся живымъ и произнесъ пророческое пожеланіе: — «Такъ какъ ты обманомъ унесъ gasāyana, да проглочу я тебя, богъ солнца, въ то время, когда тридцатаго числа ты соединишь узлы орбиты!» И еще произнесъ пророческое пожеланіе: — «Въ воздаяніе за то, что ты, богъ луны, узнавъ меня, указалъ и заставилъ разрубить, да схвачу и пожру я тебя пятнадцатаго числа, во время полнолунія!» Какъ только онъ произнесъ эти пророческія пожеланія, тотчасъ оба бога, солнца и луны, произнесли разомъ вмѣстѣ свои пророческія пожеланія: — «Когда ты будешь глотать насъ, пусть ротъ твой сведется, и если въ то время всѣ живыя существа будутъ творить дѣла добродѣтели и закона, то пусть года жизни ихъ удлинятся, а тѣ сотворенныя дѣла добродѣтели пусть увеличатся до безчисленнаго количества!»¹

похищаетъ gasāyana, Rāhu даетъ обѣщаніе проглотить только луны. Для объясненія же затмений солнца авторъ Ерл.-чѣм. добавляетъ (f. 23v): т. е. — «Относительно солнечныхъ затмений 30-го числа (луннаго мѣсяца) полагаю, что (Rāhu) по ошибкѣ схватило (солнце), потому что оно приблизилось къ лунѣ».

Еще больше, какъ это было уже указано выше, въ деталяхъ отличается соответствующій разсказъ Ч.-ч.

Среди монголовъ бродитъ много народныхъ пересказовъ этой старинной легенды о затменияхъ (ср. Н. Н. Агапитовъ и М. Н. Хангаловъ. Матеріалы для изученія шаманства въ Сибири. Иркутскъ. 1883, стр. 46—47. Г. Н. Потанинъ. Очерки С.-З. Монголіи. Вып. IV, стр. 191—193. Вып. II, стр. 126—127. Г. Н. Потанинъ. Тангутско-тибетск. окраина Китая, т. II. СПб. 1893, стр. 283, 316—317, 339, 346. Бурятскія сказки и повѣрья, собранныя М. Н. Хангаловымъ, О. И. Зотопьевымъ и другими. Зап. Восточно-Сибир. О. Р. Г. О. т. I, вып. 1. Иркутскъ, 1889, стр. 127—128, № 41, «Затменіе луны»). Къ сожалѣнію, Г. Н. Потанинъ и Н. Н. Агапитовъ, встрѣчая у того или другого монгольского племени пересказы старинной индійской легенды, считают ихъ національно-монгольскими, объясняютъ и дѣлаютъ разныя сопоставленія, пользуясь данными одной только монгольской живой старины.

¹ Ч.-ч. заканчиваетъ соответствующій разсказъ сентенціей:

 т. е. — «Смыслъ разсказа: не вѣрь, поэтому, слову обманщика, не относись съ жадностью къ тому, что принадлежитъ другимъ». Очень похоже на эту сентенцію заключеніе XI-го разсказа Ерл.-чѣм.

— «Я могу васъ перебить и не убиваю только потому, что считаю это грѣхомъ. Вы не кусайте меня, когда я предаюсь созерцанію, въ другое же время питайтесь моимъ тѣломъ по своему желанію!» Тогда онѣ поклялись взаимно, давши другъ другу непоколебимое слово. И вотъ, въ то время какъ эти самыя вши жили согласно условленному, однажды неожиданно явилась блоха и сказала: — «Друзья! оказывается, вы здѣсь. Сдружимтесь!» Вши ей тогда отвѣтили: — «Мы связаны съ этимъ отшельникомъ клятвой при такихъ обстоятельствахъ», — и рассказали о прежнемъ правилѣ. Тогда блоха заявила: — «Ну, я буду жить такъ же», и поселилась съ ними.

Послѣ того, какъ-то блоха сказала: — «Я не давала еще клятвы подобно вамъ; я чувствую голодъ, буду кормиться». Вши на это возразили: — «Кормись, когда онъ закончитъ созерцаніе; если же будешь кусать его теперь, онъ подумаетъ, что это, навѣрно, мы его кусали, и всѣхъ перебьетъ». Хотя онѣ такъ останавливали и запрещали, тѣмъ не менѣе блоха не согласилась и покусала отшельника. Тотъ тотчасъ же разгнѣвался, подумавъ, что вши позабыли клятву. Когда же онъ сталъ искать ихъ, готовясь перебить вшей, блоха прыгнула и не попалась. А прежнія вши хотя и старались объясниться, говоря: — «Это не мы, это блоха», отшельникъ не согласился и перебилъ ихъ, думая о своемъ клятвенномъ обѣщаніи.

Если, такимъ образомъ, сдружишься съ плохими товарищами, то заразишься отъ нихъ такими же пороками. Надо, вѣдь, жить старательно, думая объ этомъ¹.

VI. Обезьяна и kalandaka.

Образецъ того, какъ обезьяна разорила гнѣздо kalandaka.

Въ одно давнее прошлое время обезьяна переговорила съ птицей kalandaka о томъ, какъ бы имъ сдружиться по-хорошему; давши клятву передъ «бурханомъ», kalandaka устроила свое гнѣздо у основанія одного дерева, а обезьяна устроила свое гнѣздо на макушкѣ. Послѣ того, въ лѣтнее

¹ Соответствующіе стихи Лугс-кѣі. т.-ч.:

|ཤྲོགས་ངན་བསྐྱེད་པར་མི་བྱ་སྟེ།

Не надо держаться плохихъ друзей;

|ཤྲོགས་པོ་ངན་བ་སྐྱེད་པ།

кто держится плохихъ друзей,

|མ་གྱུ་ཏེ་བློ་བྟན་པ་ཡིས།

пусть посмотритъ на то, какъ

|ཤྲོག་རྣམས་སྤང་བར་བྱུང་ལ་ལྟོས།

погибли вши благодаря тому, что поддерживали блоху.

VII. Мыши и котъ-наставникъ.

Ложь кошки.

Въ давнее прежнее время въ домѣ одного гелюна¹ стала убывать провизія такъ, какъ будто ее кто-нибудь бралъ. Когда это приключилось, гелюнъ, питая подозрѣнія, спрятался ночью и сталъ сторожить. Когда онъ такъ караулилъ, вошла кошка (мѹр), стала искать пищу и стащила четки того гелюна. Лишь только она взяла ихъ, почтенный монахъ² погнался за кошкой и схватилъ ее за хвостъ. Но, въ то время какъ онъ таскалъ ее туда и сюда, кошка напрягла силы, оборвала свой хвостъ и ушла.

Кошкѣ той мало-по-малу, послѣ того какъ у нея оборвался хвостъ, стало плохо, не стало у ней силы и крѣпости, чтобы ловить мышей. Когда же она сильно похудѣла, а пища все не находилась, изобрѣла она средство, повѣсила себѣ на шею четки и, перебирая ихъ, подошла къ мышиной норѣ. Когда же она позвала мышъ, говоря, чтобы та вышла къ ней, то мышъ сказала: — «Ты меня схватишь и съѣшь». Кошка на это ей заявила: — «По своей природѣ я творила зло. Но теперь я выслушала ученіе у Будды и дала обѣты. Я бросила десять черныхъ грѣховъ, причиняющихъ зло живымъ существамъ и прочее, и все думаю о полезномъ для всѣхъ живыхъ существъ». Мышь тогда вышла, посмотрѣла, — оказалось, та навѣсила себѣ четки и со скромнымъ и тихимъ видомъ читаетъ слова Закона такъ, что у ней гудѣло во рту. Опять кошка сказала: — «Такъ какъ много тѣхъ, кто причиняетъ вамъ зло, то вы должны слушать отъ меня святое ученіе; если вы сдѣлаетесь моими учениками, то подъ конецъ мои товарищи перестанутъ вамъ причинять зло, не будетъ и другихъ ужасовъ, и, въ концѣ концовъ, вы обрѣтете святость Будды. Поэтому, ты отправляйся поскорѣе и приходи, собравъ своихъ товарищей». Когда это она сказала, мышъ подумала про себя: — «Оказывается, она, поистинѣ, стала совсѣмъ благонамѣренной, и полезно будетъ намъ, мышинымъ толпамъ, благоговѣть къ ней!» Бѣгая туда и сюда, она разгласила и втолковала массѣ мышей о происшедшемъ и явилась къ кошкѣ, собравъ ихъ очень много. Когда онѣ пришли, кошка привѣсила себѣ четки и, закрывши глаза, читала слова Закона такъ, что раздавалось гудѣнье. И когда очень много мышей подошло къ ней совсѣмъ близко, та не скалила зубовъ, а, наоборотъ, еще усерднѣе молилась. Тогда тѣ мыши,

¹ < тиб. རམ་སྒྲོན་ = санскр. bhikṣu, буддійскій монахъ, принявшій обѣты и посвященія высшей степени.

² См. выше, рассказъ V.

собравшись исподволь, устроили въ одной очень большой ямѣ престолъ-сидѣнье изъ красивыхъ каменьевъ, посадили на него кошку и оказывали ей почеть, признавъ ее своимъ наставникомъ (баѣші). А та стала три раза въ день проповѣдывать имъ Законъ, но всякій разъ, какъ они возвращались, она стала хватать по одной послѣдней мыши и поѣдать. Тогда мыши обратили вниманіе: мало-по-малу ихъ становится мало. — «Въ то время какъ пѣтъ у насъ врага извѣѣ, какимъ образомъ и куда онѣ исчезаютъ? Что приключается?» — говорили онѣ тогда между собой. И сказалъ царь мышей, мышъ Рапам¹, другимъ мышамъ: — «Я подозрѣваю наставника. Наставникъ мало-по-малу сталъ полнѣтъ, видъ и цвѣтъ его стали лучше, чѣмъ были вначалѣ. А мы, мыши, мало-по-малу уменьшаемся. Это какъ будто сомнительно! Я подумалъ, что выяснится, если посмотрѣтъ калъ наставника, и когда я посмотрѣлъ, то, дѣйствительно, оказались въ немъ кости и волоса мышей». Послѣ этого, понявъ исподволь обманъ наставника, мыши отправились къ нему и спросили: — «Наставникъ, вы какую же пищу кушаете?» — «Я ѣмъ сѣмена злаковъ и плоды, цвѣты, листья», отвѣтилъ имъ учитель. Тотчасъ всѣ мыши, собравшись, стали обсуждать, какимъ бы образомъ обнаружить и поймать наставника. И царь Рапамъ сказалъ: — «Легко поймать! Хорошо бы было, если бы былъ колокольчикъ». Тогда одна изъ мышей заявила: — «У меня въ норѣ есть одинъ маленькій колокольчикъ». Какъ только, сказавши это, она принесла его, мыши повѣсили колокольчикъ на шею кошкѣ, говоря: — «Наставникъ, мы подносимъ вамъ украшеніе». Такъ какъ кошка была глупа, то она, преподавши ученіе и распустивъ ихъ, бросилась и схватила, не обращая вниманія на звонъ колокольчика, послѣднюю мышъ. Когда раздалось дребезжаніе колокольчика, онѣ всѣ, мыши, посмотрѣли, повернувшись назадъ, и все поняли. А Рапамъ сказалъ: — «Наставникъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы стали твоими учениками, твои, наставникъ, видъ и цвѣтъ стали красивыми, ты пополнѣлъ. А толпы насъ, мышей, стали совсѣмъ малочисленны. Мы тебя обнаружили при помощи колокольчика-украшенія, введя въ него магическія чары (siddhi). Опять же, наставникъ, то, что вы сказали, что ѣдите зерна злаковъ и цвѣты, оказалось ложью. Когда мы посмотрѣли твой² калъ, то тамъ обнаружили кости

¹ Ерд.-чим.: Рапа (f. 8); Ч.-ч.: Ёбер-теген тусату (f. 10 v.) (Себѣ полезный); на основаніи этого можно утверждать, что имя царя мышей Рапам (MS. Burd:) ~ Рапа (Ерд.-чим.) не что иное, какъ транскрипція согласно произношенію тибетскаго слова རཅོད་པོ་ལྷོ་པོ་ «себѣ полезный», даннаго въ переводѣ соответствующимъ разсказамъ Ч.-ч.

² См. выше, разсказъ III.

и волоса мышей. Наставникъ теперь достигъ поры отойти въ нирвану!» Послѣ этихъ словъ всѣ мыши убѣжали.

Отсюда и пошло то, что кошка скрываетъ свой калъ.

Подобно этому примѣру человѣкъ, исполняющій обманнымъ образомъ нравственные обѣты, не будучи самъ монахомъ, подобенъ наставнику мышей (кулубана-јін бабші). Не слѣдуетъ ли это знать и понимать¹.

VIII. Брахманъ Најаптаі, роняющій жемчугъ изо рта, и порочная царица.

Въ давнее прошлое время жилъ былъ одинъ брахманъ, по имени Најаптаі². Когда тотъ брахманъ смѣялся, изо рта у него падали драгоценности-жемчужины. Поэтому, царь отдалъ тому брахману-наставнику свою дочь. Брахманъ тотъ съ царевной очень полюбили другъ друга, и у нихъ родился сынъ; имя ему дали Кумара (<санскр. kumāra юноша, царевичъ). Однажды царевна сказала своему мужу-брахману:— «Супругъ, кромѣ тебя мнѣ не надо другого мужа, кромѣ Кумара мнѣ не надо другого сына! И нужно, чтобы мой милый супругъ слышалъ это». Брахманъ согласился съ ея словами и все обдумывалъ ихъ. Потомъ отправился онъ однажды въ другую землю. Но, какъ только онъ прибылъ, вернувшись, въ свой домъ, увидѣлъ онъ, что его жена лежитъ, обнявшись съ какимъ-то постороннимъ мужчиной. «Оказывается, нельзя довѣрять тому, что сказала раньше эта женщина», подумалъ онъ, и душа его стала мучиться скорбью. Въ то время его тестю-царю понадобился жемчугъ; призвавъ однажды своего зятя-брахмана, онъ старался развеселить его разными способами, но онъ тогда не разсмѣялся, потому что раньше уже душа его стала мучиться скорбью. Потомъ опять одинъ царь пригласилъ того брахмана для того, чтобы попросить жемчуга. Тогда брахманъ на дорогѣ, по которой онъ отправился къ тому царю, уви-

¹ Соответствующіе стихи Лугс-кјі т.-ч.:

བརྒྱན་གྱི་ཆོག་ན་མ་ས་བརྒྱན་མི་བྱ།	Не надо говорить лживыхъ словъ;
བརྒྱན་གྱི་ཆོག་ན་མ་ས་ཅི་བརྒྱན་ན།	если кто говоритъ какія-либо лживыя слова,
ཐུར་བར་གནས་ཀྱིས་ཤེས་ཐུར་ཏེ།	то это быстро узнается другими,
དཔེར་ན་གྱི་ལའི་རྒྱན་ཆོག་བཞིན།	какъ, напримѣръ, лживыя слова кошки.

² Ч.-ч. (f. 11v.): На-ја. Ерд.-чим. (f. 8v): Нај-а бјал. Соответствующій стихъ Лугс-кјі т.-ч.: На-ја.

дѣлъ, какъ одинъ попугай, пожелавъ выпить воды изъ прудика, растащавъ свои крылья, боясь, какъ бы въ его ротъ не попали насѣкомыя, и сталъ пить воду, все посасывая. — «Какой прекрасный, сердечный попугай», подумалъ онъ; но когда онъ, пройдя мимо, оглянулся назадъ и посмотрѣлъ, то увидѣлъ, что тотъ попугай, бѣгая туда и сюда, клюетъ и поѣдаетъ насѣкомыхъ и рыбешекъ. Опять душа его стала мучиться скорбью. И когда позвавшій его царь, чтобы заставить его разсмѣяться, показывалъ ему самыя разнообразныя игрища и употреблялъ всякія средства, онъ не сталъ смѣяться, потому что ранѣе того душа его мучилась скорбью.

Потомъ опять, когда нѣкій царь пригласилъ его для того, чтобы попросить жемчужинъ, брахманъ тотъ на пути, по которому онъ отправился ко дворцу того царя, остановился въ одномъ домѣ. Въ то время хозяинъ того дома, пригласивъ къ себѣ гелюна, чествовалъ его и выказывалъ почтеніе. Тогда же явилась и его супруга. Въ то время какъ она поклонялась, она уронила свое золотое кольцо, и оно осталось лежать на полу. Тогда тотъ почтенный увидѣлъ это, налѣпилъ на конецъ своего посоха воскъ и, когда уходилъ вонъ, насадилъ на него кольцо. Домохозяинъ замѣтилъ это и сказалъ почтенному: — «Скверный ламиска, ты отдашь взятое тобой золотое кольцо?» Почтенный тогда отвѣтилъ: — «Я гелюнъ, ученикъ Будды, у меня нѣтъ такого обычая, чтобы брать мнѣ не даннаго»; сказавши это, онъ встряхнулъ и показалъ свои верхнія одежды. Тотчасъ домохозяинъ, такъ какъ онъ ясно видѣлъ, какъ тотъ бралъ, досталъ золотое кольцо съ конца посоха со словами: «Ой, лама мой, какъ бы не случилось бѣды твоимъ обѣтамъ». Брахманъ увидѣлъ это, и опять душа его стала мучиться скорбью. И когда призвавшій его царь принялъ его и, показывая разнаго рода игрища, старался развеселить, тотъ не сталъ смѣяться, потому что душа его раньше мучилась скорбью.

Потомъ опять, когда одинъ царь позвалъ того брахмана, такъ какъ нуждался и искалъ жемчуга, брахманъ, достигнувъ мѣстожительства того самаго царя, былъ помѣщенъ въ одномъ дворцовомъ павильонѣ (карші). Въ ту же ночь, когда брахманъ бродилъ вокругъ царскаго дворца и совершалъ круговращенія, пришелъ на одинъ дворъ парень-телятникъ, стерегушій царскихъ телятъ. Послѣ того явилась супруга царя. Парень-телятникъ рѣзко обошелся съ ней и побилъ ее палкой, говоря: — «Ты почему раньше не приходила на условленное мѣсто?» Когда онъ ее колотилъ, царица, признавая свою вину, говорила: — «Твоя правда», но, затѣмъ, она ловко уладила дѣло, и они предались любви. Брахманъ увидѣлъ это, и опять душа его стала мучиться скорбью. На другой день, когда царь старался развеселить его разными играми и музыкой, онъ не засмѣялся, потому что душа его мучилась прежней скорбью.

Затѣмъ онъ встрѣтился съ царемъ и съ царицей; лишь только они сѣли вмѣстѣ, царь, играя съ царицей, ударилъ ее соболинымъ рукавомъ. Тотчасъ же царица, хотя ей и не было больно, стала горько и жалобно плакать. Тогда тотъ брахманъ подумалъ: — «Эта царица, когда ее давеча побилъ палкой рабъ-телятникъ, не плакала, а, наоборотъ, уладивъ дѣло, соединялась съ нимъ; и какъ изумительно, что она плачетъ оттого, что ее, молъ, ударилъ рукавомъ царь, по своему положенію могущій ее бить». Подумавши такъ, онъ вдругъ разразился смѣхомъ, и тогда жемчужины вывали въ большомъ количествѣ. Царь тогда взялъ жемчугъ и очень обрадовался. И спросилъ царь брахмана Најаѣтаі: — «Да! я слышалъ, что когда ты гостилъ у столькихъ иныхъ царей, они не были въ состояніи заставить тебя смѣяться. Здѣсь у меня тебя тоже не могли заставить засмѣяться разнаго рода забавами. Что за причина, что ты сегодня засмѣялся вдругъ самъ? Ты скажи мнѣ прямо, по-хорошему!» Тогда брахманъ ему заявилъ: — «О, царь, если ты желаешь знать причину, отчего я смѣялся и не смѣялся, то поклянись, что не накажешь никого, кто бы въ этомъ происшествіи ни сдѣлалъ какое-либо зло или противное. Если такъ, то я ясно изложу тебѣ». Тогда царь поклялся, сказавъ: — «Пусть будетъ такъ!» Брахманъ разсказалъ слѣдующее: — «О, царь, что касается того, что я не смѣялся вначалѣ, то это потому, что оказалось ложью сказанное моей женой: кромѣ Кумара мнѣ не надо другого сына, кромѣ тебя не надо другого мужа. Когда я увидѣлъ, какъ она обнималась съ какимъ-то мужчиной, душа моя стала мучиться скорбью, и я пересталъ смѣяться. Еще увидѣлъ я попугая, который, когда смотрѣлъ на него человѣкъ, распростеръ свои крылья и пилъ воду, посаывая, а лишь только тотъ человѣкъ прошелъ мимо, сталъ клевать и поѣдать насѣкомыхъ и рыбешекъ, и душа моя стала мучиться скорбью, и я пересталъ смѣяться. Еще увидѣлъ я, какъ милостынедатель чествовалъ одного почтеннаго монаха, а тотъ тѣмъ временемъ укралъ золотое кольцо и попался, тогда душа моя стала мучиться скорбью, и я пересталъ смѣяться. Еще увидѣлъ я, какъ царица, та, что находится подлѣ тебя, царь, допустила побить себя палкой своему рабу-телянику и, тѣмъ не менѣе, не плакала, а, наоборотъ, осторожно устроивъ дѣло, соединилась съ нимъ любовно. И вотъ потому душа моя стала сильно мучиться скорбью, и я пересталъ смѣяться. Теперь показалось мнѣ изумительнымъ, что когда ты, царь, играя, ударилъ ее соболинымъ рукавомъ, она заплакала, говоря: уронилъ, дескать, золотой браслетъ, и я разсмѣялся». Когда онъ по правдѣ разсказалъ обо всѣхъ обстоятельствахъ, каждое въ подробностяхъ, царь почувствовалъ сильную боль и, разгнѣвавшись на свою жену, сказалъ: — «Я ее считалъ хорошимъ человѣкомъ и любилъ ее гораздо больше всѣхъ женъ; я не зналъ о такомъ мерзкомъ и безпутномъ поведеніи. Теперь, брахманъ,

пойдемъ мы оба, потребуемъ ее къ намъ». Брахманъ пошелъ такъ вслѣдъ за царемъ. Та же царица, въ то время какъ царь былъ съ брахманомъ, опять сошлась съ прежнимъ, только-что упомянутымъ рабомъ-телятникомъ, которымъ не могла удовлетвориться. Царь, увидя ихъ вмѣстѣ, сказалъ брахману: — «Эта женщина — не человѣкъ, это — собака! Я не казню ее только помня о прежней клятвѣ».

Послѣ этого мало-по-малу душа царя стала мучиться скорбью, и онъ сказалъ брахману: — «То, что пазываютъ этимъ міромъ, оказывается, есть только порожденіе страстей! Какъ, какимъ образомъ можно избавиться отъ этого міра?»—спросилъ онъ. Брахманъ отвѣтилъ: — «Если ты желаешь избавиться отъ міра, то это легко; если, ставъ монахомъ, ты проникнешься благоговѣніемъ къ Буддѣ и его религіи, то, навѣрно, выйдешь изъ круга бытія». Царь тогда сказалъ: — «Если это такъ, станемъ мы оба монахами!» Согласившись, они оставили свѣтъ, стали монахами и, отвергнувши мірское и созерцая духовное, обрѣли высшую святость Будды¹.

IX. Обезьяна и черепаха.

Разсказъ о томъ, какъ въ одно давнее прошлое время черепаха и обезьяна были друзьями-пріятелями.

Жили въ морѣ двѣ черепахи, мужъ и жена. Однажды повели они вдвоемъ такую бесѣду:— «Хотя, вообще, нѣтъ друзей, болѣе любящихъ другъ друга среди живыхъ существъ міра, какъ мужъ и жена, мы среди

¹ Обычнаго правоученія нѣтъ, такъ же какъ и въ 9-мъ разсказѣ Ерл.-чѣм. Соответствующіе стихи Лугс-кѣі. т.-ч.:

 	Не надо совершать безнравственныхъ поступковъ; тотъ, кто совершаетъ безнравственные поступки, не будетъ уважаемъ, подобно супругъ брахмана На-жа.
----------------	--

Соответствующій же разсказъ Ч.-ч. заканчивается слѣдующей сентенціей:
т. е. — «Смыслъ разсказа: слѣдуетъ поэтому поступать честно, безъ обмана, такъ какъ другіе узнаютъ, разбирая, гдѣ ложь, гдѣ истина, какъ ни веди себя лицемерно и фальшиво».

другихъ особенно сильно любимъ другъ друга». Жена-черепаха сказала: — «Я о тебѣ, своемъ мужѣ, думаю больше, чѣмъ о своемъ собственномъ сердцѣ». — «Куда бы я ни шелъ, — сказалъ ей въ отвѣтъ мужъ-черепаха, — всегда я держу тебя, жена моя, въ мысляхъ и не забываю». Жена-черепаха сказала еще: — «Супругъ, если ты поистинѣ меня любишь, то вообще не ходи ты, задерживаясь, болѣе однѣхъ сутокъ». Когда она это сказала, мужъ ея согласился съ ней вполнѣ и связалъ себя словомъ.

Однажды послѣ этого мужъ-черепаха сказалъ своей женѣ: — «Я скучаю все сидя да охраняя тебя. Пойду-ка я на землю, на степь и поищу пищи». Сказавъ это, онъ вышелъ на сушу, на степь и пошелъ. Тѣмъ временемъ встало знойное солнце, вода прервалась, и онъ, почувствовавъ жажду и терпя мученія, остался лежать, едва не умирая, въ сухой мѣстности. Когда онъ такъ лежалъ, явилась туда и встрѣтилась съ нимъ обезьяна, съ которой онъ раньше хорошо познакомился и сдружился. Мужъ-черепаха узналъ ее и сказалъ: — «Другъ мой, я вышелъ изъ моря и пришелъ сюда, чтобы покормиться, но вода прервалась, и я, захотѣвъ пить и высохнувъ, приблизился къ смерти. Другъ мой, соблаговоли спасти мою жизнь». — «О, другъ мой, — сказала обезьяна, — недалеко отсюда есть вода». Сказавши это, она взяла на плечи черепаху, доставила къ водѣ и тотчасъ привела въ хорошее состояніе. — «Другъ мой, — сказалъ мужъ-черепаха, — если бы я не встрѣтился съ тобой, то навѣрное бы умеръ. Какъ я воздамъ тебѣ за благодѣяніе — спасеніе моей жизни». Когда мужъ-черепаха это сказалъ, тотчасъ обезьяна забрала его въ свой домъ-нору, дала ему разныхъ плодовъ и накормила досыта. На другой день, когда тотъ собирался возвратиться къ себѣ, обезьяна сказала: — «Другъ, по случаю того, что ты пришелъ и познакомился съ моимъ домомъ, моя жена пошла собирать плоды, чтобы поднести тебѣ угощеніе. Проведи у насъ однѣ сутки». Тогда мужъ-черепаха еще разъ тамъ переночевалъ. На другой же день, когда онъ собрался возвращаться къ себѣ, обезьяна сказала: — «Мои дѣти и племянники сговариваются поднести тебѣ угощеніе, потому что ты только вотъ сейчасъ пришелъ познакомиться съ нашимъ домомъ. Сегодня отдохни и проживи у насъ». Когда она, сказавши такъ, не пустила, мужъ-черепаха, хотя и думалъ о словѣ, которымъ онъ связалъ себя со своей женой, остался тамъ еще на однѣ сутки, сказавъ себѣ: — «Вообще, какъ же можно обезкуражить друга, которому я обязанъ; а коль жена моя разсердится, такъ и пусть себѣ сердится!»

Когда такъ прошло трое сутокъ, жена той черепахи стала беспокоиться. — «Мужъ мой вышелъ на степь кормиться, но онъ долженъ былъ вернуться въ тотъ же день. А онъ не явился, когда прошли полныя трое сутокъ», думала она и горевала. Тѣмъ временемъ пришелъ ея мужъ. Лишь только онъ приблизился, она сказала съ гнѣвомъ: — «Вотъ, когда ты не при-

ходилъ, я думала, не съѣденъ ли ты вредоносной гаруді (санскр. garuḍa), не укушенъ ли ядовитой змѣей. Какимъ образомъ ты пришелъ живымъ?» — «Милая моя, — сказалъ ей мужъ, — вотъ, выслушай! Можетъ-быть, твоя правда! Между тѣмъ, я пошелъ по чистой степи, по пустынной мѣстности и кормился; вода прервалась, и въ то время какъ я, достигнувъ сухой мѣстности, лежалъ, высохнувъ и запыхавшись, встрѣтился я съ обезьяной, съ которой раньше хорошо познакомился; она доставила меня къ водѣ и спасла мою жизнь. Затѣмъ та обезьяна, мой другъ, забрала меня въ свой домъ, оказывала мнѣ почетъ и уваженіе и, давая мнѣ угощеніе и фрукты, удержала меня трое сутокъ». Сказавши это, онъ подробно разсказалъ обо всемъ случившемся. Но жена-черепаха тотчасъ сказала съ гнѣвомъ: — «Навѣрно у тебя нѣтъ такого друга, все это — враки. Развѣ ты не явился, сдружившись въ другомъ мѣстѣ съ другой женщиной!» Хотя мужъ, тогда, еще и еще разъ разсказалъ ей объ истинномъ происшествіи, та не вѣрила, и они оба затѣяли споръ и ссору. Когда у нихъ пошли несогласія, черепахи, мужчины и женщины, ихъ сосѣди и соотечественники, собравшись, заступались и останавливали, но ничего не вышло. Тогда мужъ-черепаха повалилъ свою жену, такъ какъ былъ немного сильнѣе, и поколотилъ. Жена-черепаха, хотя и не должна была умереть, ложно притворилась умирающей и, закрывъ глаза, лежала, тяжело дыша. Тогда черепахи — мужчины и женщины, родственники, мальчики, дѣвочки — заплакали съ крикомъ и воплями. При видѣ ихъ, гнѣвъ мужа-черепахи утихъ, и онъ спросилъ съ тоской: — «Что ей можетъ быть лѣкарствомъ и хорошимъ средствомъ? Что хорошо?» Тогда однѣ черепахи сказали: — «Коль ты убивалъ, такъ самъ, навѣрно, знаешь». Нѣкоторые говорили между собой: — «Она сама знаетъ, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ и какъ повреждена, какое зло приключилось». Жена-черепаха, услышавъ это, притворилась, что мало-по-малу приходитъ въ чувство, и, приподнявшись, сказала едва-едва, съ трудомъ: — «Снаружи на моемъ тѣлѣ нѣтъ поврежденій, только внутри сердце мое повреждено. Я выздоровѣю, если съѣмъ сердце твоего друга, обезьяны, сдѣлавшагося помѣхой моему сердцу. Другого нѣтъ способа». Сказавши это, она опять сдѣлала видъ, что ей стало плохо и что она умираетъ, и слегла. Тогда мужъ-черепаха сказалъ: — «Не повѣрила моимъ правдивымъ словамъ, мало-по-малу возникла ссора, нашелъ на меня сильно скверный гнѣвъ и совершился такой негодный поступокъ. Теперь какъ поступить, какимъ же способомъ долженъ я принести сердце обезьяны?» Сказавъ это, онъ ушелъ въ сокрушеніи.

Тотчасъ же достигнувъ цѣли, онъ сказалъ: — «О, обезьяна, другъ мой, ты спасла мою жизнь, когда я долженъ былъ умереть. Кромѣ того, ты досыта накормила меня кушаньями и плодами. Теперь я, думая о тѣхъ твоихъ

благодѣяніяхъ, пришелъ пригласить тебя, чтобы въ своемъ домѣ предложить тебѣ чаю». — «А твой домъ гдѣ находится?» — спросила обезьяна. — «Мой домъ внутри южнаго¹ великаго моря», сказала черепаха. — «Такъ какъ мы — сухопутныя животныя, — заявила обезьяна, — то захлебнемся и умремъ, если войдемъ въ воду: я не могу отправиться къ тебѣ». — «О, другъ, — сказала тогда черепаха, — твои слова совершенно справедливы. Но мы можемъ идти по мѣсту, гдѣ есть свойства обоихъ родовъ, гдѣ есть и сухая земля и вода. Посреди моря есть сухое мѣсто, на которомъ не будетъ вреда для твоей жизни. Я принесъ и устроилъ все такъ, чтобы можно было посадить тебя тамъ, и велѣлъ приготовить ѣды и фруктовъ. Моя жена и дѣти находятся въ ожиданіи. Если ты не отправишься, то я передъ водяными животными окажусь лжецомъ. Поэтому, другъ мой, изволь поскорѣе отправиться въ путь. Твое благодѣяніе для меня незабвенно». Когда онъ, такъ говоря, попросилъ еще и еще разъ, обезьяна, не выдержавъ, очень обрадовалась и сказала: — «Какъ я сокрошу прекрасные помыслы друга. Идемъ!» Тогда мужъ-черепаха посадилъ себѣ на спину обезьяну, вошелъ въ море и сказалъ: — «Моя жена заболѣла тяжелой болѣзнью. Врачи сказали, что она выздоровѣетъ, если добудетъ, какъ лѣкарство, и съѣстъ сердце обезьяны. Тогда я обманомъ занесъ тебя сюда, чтобы взять твое сердце». Обезьяна послѣ этихъ словъ испугалась, задрожала и сказала: — «О, другъ, товарищъ, если у тебя такая нужда, отчего ты не сказалъ въ домѣ, на сушѣ? Мнѣ надо было бы захватить свое сердце. Теперь какъ быть?» — «Съ твоимъ сердцемъ что случилось?» — спросилъ тогда мужъ-черепаха. — «Мы, обезьяны толпы, не похожи на другія живыя существа, — отвѣчала ему обезьяна, — такъ какъ сердце мое является лѣкарствомъ, я не ношу его въ своемъ тѣлѣ, а прячу его на макушкѣ дерева. Развѣ тотъ наставникъ (бабші), кто указалъ на него, какъ на лѣкарство, не рассказалъ тебѣ? Теперь скорѣе доставь меня назадъ! Я принесу свое сердце. А то, что за нужда идти съ пустыми руками?» — «Коль доставить тебя безъ сердца, — сказалъ мужъ-черепаха, — то ужъ именно нѣтъ надобности, правильное это слово! Вернусь назадъ и дамъ тебѣ забрать сердце». Съ этими словами онъ повернулъ назадъ и вышелъ изъ моря. Тотчасъ обезьяна вскочила на макушку дерева и стала перелѣзать съ мѣста на мѣсто. Мужъ-черепаха спросилъ тогда снизу: — «О, другъ, товарищъ, когда возьмешь свое сердце, такъ дашь мнѣ?» — «Грѣшный, скверный другъ, вѣря въ тебя, я чуть-было не разсталась со своей золотой жизнью. Съ этихъ поръ не буду встрѣчаться съ тобой, скверный!» Мужъ-черепаха сказалъ опять:

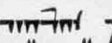
¹ Въ С.-З. Монголіи вездѣ барабун, барун — «правый, правая сторона», значить еще «южный, южная сторона», см. Б. Владиміровъ. Объясненія къ картѣ С.-З. Монголіи, составленной монголами. Изв. И. Р. Г. О. т. XLVII, стр. 494.

— «О, благодѣтельный другъ, моя жена, благодаря болѣзни, теперь приближилась къ смерти. Изволь пожаловать мнѣ свое сердце». — «Если такъ, — сказала тогда обезьяна, — ты закрой свои глаза и разинь ротъ, я тебѣ его сброшу». Когда же мужъ-черепаха поступилъ такимъ образомъ, обезьяна навалила ему въ ротъ до полна свой калъ. — «Вотъ сердце, въ которомъ ты нуждаешься», — сказала она и, спустившись съ дерева, ушла въ свой домъ. Понявъ, что это былъ калъ, мужъ-черепаха, такъ какъ его жена сильно мучилась отъ своей болѣзни, вернулся къ горному гроту, видѣнному имъ вначалѣ, и безъ перерыва прокричалъ трое сутокъ: «Другъ, товарищъ мой!» На слѣдующій день нашелъ на обезьяну гнѣвъ. Она вышла изъ расщелины скалы, наступила на шею черепахи и сказала¹: — «Это давешняя скверная пестрая черепаха! Хотя мнѣ легко убить тебя, пресѣчь твою жизнь, я тебя помилую и отпущу. Оставь навсегда свои такіе вотъ скверные помыслы и лежи себѣ на берегу-выступѣ² широкаго³, въ даль уходящаго⁴ моря. Никогда не приходи сюда ко мнѣ! То, что я при прежней съ тобой встрѣчѣ не поняла и не распознала тебя, произошло оттого, что глаза мои слѣпы, мои помыслы, благодаря которымъ я была совсѣмъ обманута, глупы, поведеніе мое, когда я преподносила тебѣ добычу и оказывала почетъ, легкомысленно. Я сожалѣю о томъ, что, встрѣтившись съ тобой, сдружилась, какъ съ равнымъ. Ты, скверный, отсюда, отъ меня скорѣе уходи далеко!» Сказавши это, она ушла въ большой лѣсъ.

Такимъ же образомъ жена, которой позволяютъ властвовать, командуетъ надъ своимъ мужемъ и, подобно этому, разлучаетъ его съ друзьями, съ которыми онъ живетъ въ согласіи. Такъ, это взявъ за примѣръ, слѣдуетъ подумать⁵.

¹ Въ монг. текстѣ часть словъ обезьяны выражена стихами.

² Въ текстѣ: собственно «полуостровъ».

³ Въ текстѣ: аблаб-а, значущее, кромѣ «отдаленный, чуждый, дальній», еще «широкій, обширный, обильный»; ср. турецк. аблаб (уйг.), аулак (кир. крм.) далекій, широкій (см. также G. J. Ramstedt. Zwei uigurische runeninschriften. Journ. d. I. Soc. Fin.-Ougr. XXX, 3, p. 63).

⁴ Въ текстѣ: .

⁵ Въ монгольскомъ сочиненіи, переведенномъ съ тибетскаго, боді седкіл те-гүсүгсен кёке кобулаі-ту Саран-кёкеге неретү сібабун-у товуці (пекинскій хул.), очень популярномъ среди монголовъ, встрѣчается такой стихъ (f. 8):

екенер-декен еңелегдесен

ере кўмўн масі адаб буі. т. е. — «Мужчина, подчинившійся своей женѣ, — самый послѣдній».

Х. Левъ и заяцъ.

Въ одно давнее прошлое время левъ, царь хищныхъ и другихъ дикихъ звѣрей, собирая всѣхъ дикихъ травоядныхъ животныхъ¹, ежедневно поочереди поѣдалъ одного изъ нихъ, считая это данью. Тогда-то выпалъ разъ чередъ-очередъ зайцу. Левъ сказалъ ему: — «Заяцъ, ты — маленькое существо, ты и въ зубахъ у меня не застрянешь; мнѣ пользы — мало, и нѣтъ другой нужды, кромѣ того только, что для твоей жизни выйдетъ убыль». — «Словеса царя, — сказалъ тогда заяцъ, — совершенно справедливы. Какъ пораздумать, такъ, дѣйствительно, оказывается, вы, царь, вмѣсто того, чтобы ѣсть понемножку, не ѣдите совсѣмъ, боясь тѣхъ, кто «Обладаетъ огромнымъ тѣломъ» (Jeke bej-e-ten)». — «Какихъ это «Обладающихъ огромнымъ тѣломъ» и когда я боялся?», — спросилъ левъ и разгнѣвался. Тогда заяцъ ему сказалъ: — «Тутъ недалеко находится одно страшное существо, «Обладающее огромнымъ тѣломъ» (Jeke bej-e-tei); вотъ его слова: левъ меня сильно боится; придетъ время, я, навѣрно, схвачу и съѣмъ льва». Когда онъ это сказалъ, левъ сильно разсердился и спросилъ: — «Гдѣ находится и какое это существо, обладающее великой силой, намѣревающееся равняться со мною? Сейчасъ туда отправлюсь!» Съ этими словами левъ поднялся и двинулся впередъ. Заяцъ тогда повелъ его, побѣжавъ передъ нимъ, и сказалъ: — «Тотъ, вѣдь, изумительно великъ по силѣ; кромѣ того, онъ рѣзокъ, проворенъ, быстръ. Царь мой напередъ долженъ схватить его, не такъ ли? Очень стало бы трудно, если онъ прыгнетъ, упередивъ васъ. Ничтожный, я боюсь за царя».

Соотвѣтствующіе стихи Лугс-кji. т.-ч.:

མཇའ་ཤེས་པ་ལ་ཚིག་མེད་ན།	Не слушай словъ скверныхъ друзей;
མཇའ་ཤེས་པ་ལ་ཚིག་མེད་ན།	если будешь слушать слова скверныхъ друзей,
འདྲོད་དོན་མེད་པར་བསྐྱུས་པར་འབྱུར།	то будешь обманутъ противъ желанія,
དཔེར་ན་རྩ་སྒྲུབ་སྒྲུབ་པ་ཞིན།	какъ, напримѣръ, черепаха и обезьяна.

¹ Въ текстѣ: རྩ་སྒྲུབ་པ་ görügesün; этимъ словомъ монголы пользовались и пользуются для выраженія собирательнаго понятія «дикій звѣрь, дикое травоядное животное»; соотвѣтствуетъ тибет. རྩ་སྒྲུབ་; чаще всего подъ словомъ görügesün понимаютъ разныя породы антилопъ, ланей, козъ etc. Очень часто слово görügesün употребляется для указанія, что то или другое животное — «дикое», не домашнее (мал — скотъ). Напр. jamā — домашняя коза, jamā göröcs (дэрб.-Кобд.) — дикая коза; темē — верблюдъ, темē göröcs (дэрб.-Кобд.) — дикій верблюдъ и т. д.

Въ то время какъ онъ, такъ говоря, шелъ, трясясь, левъ шелъ, пылая страшнымъ гнѣвомъ. Заяцъ дошелъ до глубокаго большого колодца и сказалъ: — «Могучее существо лежитъ-прохлаждается въ этомъ колодцѣ. Услыхавъ шумъ, произведенный царемъ, оно поднялось и находится наготовѣ. О, нужно быть осмотрительнымъ!» Левъ тогда наклонился къ водѣ колодца и посмотрѣлъ. И лишь только онъ увидѣлъ тогда въ водѣ колодца какое-то огромное существо, похожее на него самого, съ гривой и хвостомъ, какъ, не узнавъ своего собственнаго отраженія и вида, такъ какъ былъ глупъ, въ горделивомъ гнѣвѣ хватая «того», упалъ въ колодезь и умеръ, не будучи въ состояніи выйти наружу.

Такимъ же образомъ вспыльчивость и гнѣвъ находятъ скоро смерть. Хитростью и мудростью [заяцъ?] вышелъ живымъ. Согласно рассказанной притчѣ, оставъ вспыльчивость и гнѣвъ¹.

XI. Слонъ и мыши.

Въ одно давнее прошлое время у нѣкоего царя было много драгоценностей *sintāmanī* и обыкновенныхъ драгоценностей. Изъ этихъ драгоценностей самую прекрасную его драгоценность стащила мышь. Царь, мстя мышамъ, ловя ихъ, устроилъ такой [сухой] колодезь, сдѣлавъ каменную ограду, что изъ него нельзя было выйти. Въ тотъ колодезь упала одна мышь и, не будучи въ состояніи выйти, лежала, приближаясь къ смерти отъ голода и жажды. Въ то время у того царя былъ ручной слонъ. Тотъ слонъ, проходя себѣ вокругъ двора и ограды, подошелъ къ отверстию того колодца. Тогда мышь сказала слону: — «Я, ничтожная, такъ страдаю. Сблаговоли вынуть меня и избавить отъ этихъ страданій!» Слонъ тогда просунулъ въ колодезь свой хоботъ и лишь только протянулъ ей, какъ мышь закусила его кончикъ и выскочила. Мышь сказала слону: — «Если бы ты не пришелъ, я бы умерла. Когда-нибудь наступитъ время, я воздамъ тебѣ за твое благодѣяніе». Слонъ отвѣтилъ ей: — «Я вытащилъ тебя, думая о добродѣтели; ты — маленькое существо, какъ можешь отплатить мнѣ за благодѣяніе?» — «Великій слонъ,—

¹ Соотвѣтствующіе стихи Лугс-кѣі. т.-ч.:

|ཤེས་རབ་ཅན་ནི་བྱས་ཐུང་ཡང་|

Сильный не долженъ презирать мудраго,

|དྲོར་ཐབས་ཅན་གྱིས་བརྟམ་གི་བྱ།

хотя бы тотъ былъ малъ тѣломъ;

|དབང་ན་སྒྲོག་པ་ལ་རི་བོང་གིས་|

примѣръ: заяцъ, свѣтлый умомъ, разлучилъ

|མེད་གི་སྒྲིག་དང་ཐབས་བ་བཞིན་|

съ жизнью льва.

сказала мышь, — вы напрасно не презирайте меня, считая ничтожной. Въ то время навѣрно узнаете! Теперь разойдемся съ миромъ, потомъ опять встрѣтимся!» Послѣ этихъ словъ они разошлись.

Впослѣдствіи тотъ слонъ, состарившись и одряхлѣвъ, поѣлъ разъ много и сталъ кататься и валяться по землѣ, чтобы дать перевариться съѣденному и выпитому. Катаясь такъ, онъ упалъ въ ровъ у яра, спиной внизъ, а ногами торчкомъ вверхъ; не будучи въ состояніи подняться, онъ лежалъ, думая, что насталъ часъ его смерти. Тѣмъ временемъ пришла та прежняя мышь, которую онъ вытаскивалъ изъ колодца, увидѣла и, быстро отправившись, объявила своимъ мышинымъ толпамъ и собрала много мышей. Они пришли, подкопали яръ, подъ который упалъ слонъ, сдѣлали его ровнымъ и дали возможность слону подняться.

Оказывая благодѣянія и принося пользу, не бываютъ большими и малыми. Среди большихъ нѣтъ существа больше слона, среди малыхъ нѣтъ существа меньше мыши. Поэтому, достойный человекъ долженъ знать и думать объ этомъ¹.

XII. Благодарные животные и неблагодарный человек.

Разска́зь о чело́вѣкѣ, упавшемъ въ колодезь.

Въ одно давнее прошлое время на одной большой равнинѣ, называемой Ціраха², вообще не было воды, и вотъ тамъ-то находился одинъ большой сухой колодезь. Въ этотъ колодезь упали четыре живыхъ существа: человекъ, ястребъ, змѣя и мышь. Не имѣя возможности выйти, они дошли до послѣдняго предѣла холода и голода и зря вопили. Одинъ человекъ услышалъ ихъ вопли, подошелъ къ колодезю и, подавъ имъ конецъ веревки, вытащилъ

¹ Соотвѣтствующіе стихи Лугс-кїі. т.-ч.:

|ཀྱན་ལ་སེམས་དཔྱད་བཅོམ་པར་ནི།

Если всѣмъ, великимъ и малымъ,

|ཉེ་མ་ལྟ་བུར་ཕན་བྱས་ན།

подобно солнцу оказать пользу,

| ཀུན་གྱིས་ལན་རྒྱུ་ལྟར་འབྱུང་ཏེ།

то всѣ отплатятъ за благодѣяніе,

| གྲི་བས་སྒྲུང་ཆེན་བསྒྲུངས་པ་བཞིན།

подобно тому какъ мыши подыали слона.

² Согласно тиб. глоссе: Бji-ра-ха (ṡ'ṡ'ṡ'); монголы тиб. ṡ' читают как ці, но, обычно, транскрибируют через ṡṡ бji; въ данномъ случаѣ представлена транскрипція согласно произношенію. Ерд.-чм.: Бјава-ха (f. 29v); Ч.-ч: Бjiраха (f. 33).

наружу. Тѣ тогда, радуясь, сказали вмѣстѣ: — «Благодѣтельный человѣкъ пришелъ и спасъ наши жизни, которыя должны были кончиться. Мы все когда-нибудь воздадимъ тебѣ за твое благодѣяніе!» Когда они, такъ говоря, произнесли благопожеланіе, тотъ человѣкъ сказалъ: — «Какъ бы я ни былъ убогъ, живыя существа — животныя не могутъ мнѣ доставить благодарственной награды», и они разошлись.

Впослѣдствіи, въ одно время человѣкъ тотъ сильно обѣднѣлъ; въ поискахъ пропитанія пошелъ онъ охотиться на одну гору. Когда онъ такъ шелъ, повстрѣчался ему тотъ ястребъ, котораго онъ вытаскивалъ изъ колодца. Ястребъ спросилъ его: «Благодѣтельный другъ, что подѣлываешь?» — «Я обѣднѣлъ и обнищалъ, — отвѣчалъ тотъ человѣкъ, — пришелъ я въ поискахъ дичины». Тотчасъ послѣ этихъ словъ ястребъ схватилъ зайца и куропатку, подаль тому человѣку и сказалъ: — «Другъ мой, ѣшь это здѣсь и подожди меня. Я отправлюсь въ предѣлы города¹ и добуду для тебя что-либо». Сказавъ это, онъ удалился. Затѣмъ тотъ ястребъ полетѣлъ и сталъ кружить надъ городомъ. Въ то время супруга царя, причесывая свои волосы, разложила на верхушкѣ терема² свое чрезвычайно драгоцѣнное ожерелье, свои украшенія. Ястребъ, увидѣвъ это, схватилъ его оттуда и улетѣлъ, принесъ своему благодѣтелю и отдалъ ему. Человѣкъ тотъ взялъ ожерелье и пошелъ продавать на улицѣ города. Когда онъ такъ ходилъ, повстрѣчался съ нимъ человѣкъ, котораго онъ раньше вытаскивалъ изъ колодца; человѣкъ тотъ спросилъ: — «О, благодѣтельный другъ, хорошо ли поживаете? Сюда вы по какому дѣлу пришли?» Тогда тотъ человѣкъ разсказалъ подробно, по порядку о томъ, какъ самъ онъ обѣднѣлъ, какъ встрѣтился съ ястребомъ и какъ тотъ далъ ему драгоцѣнное ожерелье. Вслѣдъ затѣмъ тотъ человѣкъ самолично явился къ царю и сказалъ: — «Человѣкъ, укравшій ожерелье — украшеніе вашей царицы, теперь продаетъ его на улицѣ. Вы пошлете меня догнать и схватить его и наградите». Когда онъ такъ сказалъ, царь приказалъ схватить того человѣка и посадить въ тюрьму. Тюремщики давали ему пищи и питья съ одинъ глотокъ, и онъ сильно мучился. Тогда пришла и встрѣтилась съ нимъ мышь, которую онъ вытаскивалъ изъ колодца. Она разспросила его сполна о происшедшемъ, стащила у другихъ ѣды, питья, плодовъ и прочаго, перенесла къ нему и накормила. Встрѣтившись также съ ядовитой змѣей, она сказала: — «Благодѣтельный другъ мой лежитъ и мучится въ царской тюрьмѣ. Ты сама отправься и выведи его! Хорошо бы заплатить за благодѣяніе, благодаря которому мы получили наши жизни».

¹ Въ текстѣ: .

² Въ текстѣ: .

— «Конечно, такъ, попробую!» — сказала змѣя, вошла вслѣдъ за мышью въ тюрьму и встрѣтилась съ тѣмъ человѣкомъ. Выслушавъ отъ него вполнѣ о всемъ случившемся, она придумала хитрость и велѣла тому человѣку написать письмо. Заставила его написать такъ: — «Я — могучій царь драконовъ (лүс). Такъ какъ для твоей царицы являлось зло и навожденіе, я велѣлъ взять ея украшенія, какъ выкупъ за нее; это была причина. Когда это такъ, зачѣмъ ты заключилъ въ темницу и заставилъ мучиться невиннаго человѣка? Теперь ты тотчасъ же отпусти того человѣка и обрадуй его, давши ему то ожерелье, давъ также ему во множествѣ большія драгоценности, имущество, разный скотъ и прочее. Если не отпустишь, то тебѣ, царю, царицѣ, твоимъ дѣтямъ, подданнымъ, всему народу, скоту, имуществу, городу и строеніямъ, полямъ и прочему твоему, навѣрно, великое приключится зло и убыль. Если немного промедлишь, то не избавишься отъ этой болѣзни». Приказавъ написать такое письмо, она дала закусить его мыши; та ночью доставила его и положила подлѣ царя, а ядовитая змѣя вспрыгнула на голову царя. Вернувшись въ темницу, она улеглась, обвивъ того человѣка.

На слѣдующій день все тѣло царя сильно распухло и онъ не могъ встать, а взявъ еще письмо, находившееся рядомъ съ нимъ, и прочитавъ, онъ пришелъ въ страшное изумленіе. Тогда царица сказала ему правду: — «Мое украшеніе не человѣкъ бралъ. Днемъ, на виду, птица-ястребъ схватила его и унесла». Когда она это сказала, всѣ сильно перепугались. Тотчасъ царь взялъ коня, осѣдланнаго и заузданнаго, одежду и прочее, взялъ также и ожерелье царицы, въ большомъ количествѣ разнаго сорта золото, серебро, шелковыя ткани и отправился въ тюрьму. Когда онъ тамъ посмотрѣлъ, то увидѣлъ ужасную, огромную, черно-пеструю змѣю, свившуюся подлѣ того человѣка. Всѣ поклонились ему, говоря: — «У этого человѣка оказался поистинѣ грозный хранитель!» Царь вывелъ его изъ темницы, далъ ему то все и отпустилъ. Тотчасъ болѣзнь царя утихла. Послѣ того всѣ стали почитать и уважать того человѣка.

Въ то время какъ простыя животныя знаютъ и думаютъ о благодарности, человѣкъ, преисполненный ума и мудрости, наоборотъ, дѣлается причиняющимъ зло. Объ этомъ, вѣдь, надо думать и соображать, сдѣлавъ господствующими такія мысли въ своей душѣ¹.

¹ Соответствующіе стихи Луге-кji. т.-ч.:

|མྱེ་བོ་དག་པ་ལྟན་ཅིན་པ་སྟོན་བྱས་ཤིང་|

Если держаться плохого человѣка долгое время, то,

|བཟུང་བཟུང་ནིས་པ་མང་བོས་པ་སྟོན་བྱས་ཀྱང་|

хотя бы оказывали ему пользу и сладкой пищей и питьемъ въ большемъ количествѣ,

ХІІІ. Синяя лиса (шакаль).

Разсказъ о томъ, кто подобенъ обманщикъ лисѣ (шакалу), въ одно давнее прошлое время.

Одна лиса (шакаль), бродя въ поискахъ пищи, дошла до стоянки какого-то кочевья. Тогда увидѣла она, что въ сосудѣ изъ-подъ синей краски, брошенномъ красильщикомъ, находится что-то синее. Она поскребла лапами, а когда посмотрѣла, то оказалось, что ея лапы сдѣлались синяго цвѣта, красивыми. Поэтому она сама залѣзла туда и повалялась; тогда все тѣло ея стало сплошь синяго цвѣта. Лиса тогда обрадовалась и побѣжала рысью по лончинѣ и степи. Лисы (шакалы) и всѣ дикіе звѣри, встрѣтись, удивились и спросили: — «Ты кто такой?» Лиса отвѣтила: — «Я—лиса, по имени Jig¹. Меня послали отъ deva, говоря: — сойди внизъ, управляй хищными звѣрями и не давай имъ жить въ скверной смутѣ!» Когда она это сказала, всѣ хищные звѣри повѣрили ей и стали оказывать ей большой почетъ и уваженіе; если она отправлялась куда-нибудь, то ѣхала на спинѣ льва, а тѣ, хищные звѣри, выдѣляли и доставляли ей отборную часть добычи. Тогда синяя лиса стала чрезвычайно горда, заносчива и стала немного унижать хищныхъ звѣрей, подавлять ихъ и пренебрегать ими.

Однажды синяя лиса, именуемая Jig, отправила лису и приказала доставить своей матери-лисѣ ѣды и плодовъ. Тогда ея мать, такъ какъ раньше слыхала о томъ, что случилось съ ея сыномъ-лисою, сказала, наказывая лисѣ, ходившей по порученію туда и обратно: — «Ты поди и скажи наединѣ моему дитяти: теперь впредь не надо мнѣ доставлять ѣды.

|རིམ་ནི་ཕན་མེད་གྲོགས་པོ་སྤྱོད་ཀྱང་རྟེ། тотъ, не оказывая пользы, покидаетъ
друзей,
|རེའ་ན་ཞིག་པར་བྱང་བའི་མི་བཞིན་ནོ། подобно, напримѣръ, человѣку, упавшему
въ колодезь.

¹ Тибет. глосса: རྟེ་ག་ dbjig, что значитъ — «драгоценный камень темно-краснаго цвѣта»; въ данномъ случаѣ རྟེ་ транскрибировано при помощи ji; дѣйствительно, монголы читаютъ རྟེ་, какъ ja, напр., རྟེ་རྒྱལ་ читается, какъ jar-не; слово это, означающее «лѣтнія уединенныя служенія и постъ монаховъ» (см. А. Позднѣвъ. Очерки быта буд. монастырей. СПб. 1887, стр. 285—286), вошло въ живой языкъ монголовъ (напр., говоры халх.-запад., хотогойт., баит., дэрб.-Кобд. etc.) въ формѣ jarнi; Ч.-ч. (f. 25 v) называетъ лису: Ердени (Драгоценность); Ерд.-чим. (f. 17): дбѣиб (sic!).

Если кто, заставляя других себя почитать, будет мучить своих обыкновенных товарищей, то въ дальнѣйшемъ это будетъ вреднымъ для его жизни, не такъ ли?» Наказавъ это, она ее отправила. Та же лиса, придя назадъ, сказала другимъ лисамъ: — «Кажется, эта — какъ разъ такая же лиса, какъ и мы» и рассказала полностью, что сказала и наказала ее мать. Тогда всѣ лисы стали совѣщаться: — «Что бы тамъ ни было, а оказывается, что это — лиса, похожая на насъ, ей легко сдѣлать плохое». Нѣкоторые изъ нихъ говорили: — «Не одни мы оказываемъ ей почтение; всѣ хищные звѣри почитаютъ ее; поэтому, что надо сдѣлать, чтобы обнаружить ее правду и ложь?» Нѣкоторые же изъ нихъ говорили: — «Та, вѣдь, сдѣлалась великой не по правдѣ, не по-хорошему; при помощи лжи и хитрости сдѣлалась великой. По преимуществу она стала чрезвычайно сильно унижать наши толпы». Тогда всѣ одобрили сказанное и пришли на мѣсто собранія всѣхъ другихъ хищныхъ звѣрей. Лисы тамъ сказали: — «Эта синяя лиса, прославившаяся подъ именемъ царя — наша товарка; поэтому намъ не надо величать ее царемъ». Тогда всѣ хищные звѣри сказали: — «На какомъ же основаніи вы, лисы, говорите съ пренебреженіемъ о достопочтенномъ царѣ, ниспосланномъ съ неба?» Когда они такъ сказали, лисы заявили имъ слѣдующее: — «Кто изъ насъ пошелъ и слышалъ велѣнья неба? Благодаря собственной хитрости и обману стала великой. Если вы не вѣрите, мы покажемъ одинъ признакъ! Толпы насъ, лисицъ, всѣ должны лаять, сѣвъ торчкомъ, въ первый весенній мѣсяцъ, въ день созвѣздія Бўса (Бус < санскр. Рауша)¹. Если лиса изъ нашихъ толпъ не будетъ лаять, то у ней должна вылѣзть шерсть. Поэтому-то и есть обычай лаять. Теперь, когда мы, собравшись, залаемъ, знайте, что если эта синяя лиса залаетъ, то она какъ разъ изъ нашей толпы, а если не залаетъ, то, значить, она именно — лиса велѣній неба». Когда же лисы вечеромъ дня созвѣздія Бўса² (Рауша) того самого мѣсяца стали лаять всѣ

¹ Ерд.-чѣм.: འོད་ཀྱི་འཕྱུག་པའི་ལྷ་མོ་ (f. 34v) — «когда опускается созвѣздіе Ргјал». Тиб. глосса: རྒྱུ་ལྷ་ བཅོམ་པའི་ལྷ་མོ་ འཕྱུག་པའི་ལྷ་མོ་ རྒྱུ་ལྷ་ བཅོམ་པའི་ལྷ་མོ་ འཕྱུག་པའི་ལྷ་མོ་ Маhā-vyutpatti (MS. библиотеки Петроград. Унив. F. 134) для Рауша указывает རྒྱུ་ལྷ་ (словарь Голетунского: རྒྱུ་ལྷ་, རྒྱུ་ལྷ་མོ་ (f. 134); тибетцы и монголы называютъ еще этотъ мѣсяцъ «монгольскимъ»: རྒྱུ་ལྷ་ རྒྱུ་ལྷ་ རྒྱུ་ལྷ་ རྒྱུ་ལྷ་ Ч.-ч. (f. 26): རྒྱུ་ལྷ་ རྒྱུ་ལྷ་ རྒྱུ་ལྷ་ རྒྱུ་ལྷ་ རྒྱུ་ལྷ་ — «ночь созвѣздія Рауша первого весенняго мѣсяца».

² Въ текстѣ: རྒྱུ་ལྷ་ རྒྱུ་ལྷ་ རྒྱུ་ལྷ་ «Бўса знаменное созвѣздіе»; я думаю, что переводчикъ или пересказчикъ спуталъ тиб. выраженіе རྒྱུ་ལྷ་ རྒྱུ་ལྷ་ «ночь созвѣздія

вращаясь, садились, чтобы пить воду изъ того озера, черепаха Бајасубчі (Радующаяся) изобрѣла хитрость, скрывала все свое тѣло въ грязи и лежала, выставивъ свои зубы. Тогда жаворонки, видя, какъ бѣлѣютъ ея зубы, принимали ихъ за насѣкомыхъ и подходили, чтобы съѣсть. Но черепаха тотчасъ тогда, кинувшись навстрѣчу, хватала и поѣдала. Благодаря этому жаворонковъ стало очень мало.

Однажды князь (нојан) жаворонковъ, именуемый Камуб Ёлцејитү (Обладающій всѣмъ счастьемъ)¹, отправился посмотрѣть тѣ высунувшіеся зубы и попался черепахѣ Бајасубчі. Жаворонокъ Камуб Ёлцејитү сказалъ черепахѣ: — «Если ты собираешься меня съѣсть, то отпусти меня на три шага, или же выслушай три моихъ слова!» — «Если я отпущу тебя на три шага,—сказала черепаха Бајасубчі,—то ты улетишь, потому что ты—крылатый, и тогда я какъ тебя догоню? Выслушаю три твоихъ слова, говори!» Тогда Камуб Ёлцејитү сказалъ слѣдующее: — «Я—князь (нојан) всѣхъ жаворонковъ. Если ты меня съѣшь, то будешь сыта, но только одинъ день. Когда жаворонки разсѣются, такъ какъ будутъ безъ князя, то послѣ ты что собираешься ѣсть? Ты меня тотчасъ отпусти! Я буду все являться сюда ежедневно, собирая своихъ жаворонковъ, а ты поѣдай ихъ по своему желанію». Черепаха тогда сказала: — «Хотя слова твои справедливы, но я чувствую голодъ. Ты приходи сегодня, позвавъ своихъ жаворонковъ. Я съѣмъ одного изъ нихъ и установлю будущій порядокъ!» — «Какъ я могу собрать сегодня,—сказалъ тогда Ёлцејитү,—разсѣявшихся жаворонковъ? Сегодня я отправлюсь, проведу завтрашній день, а начиная со слѣдующаго дня буду тебя кормить», сказалъ онъ, но они вдвоемъ не могли притти къ согласію. Въ то время какъ они продолжали спорить, оказалось, что вблизи ихъ находилась змѣя, по имени Цаңдара. Змѣя та сказала черепахѣ: — «Я разрѣшу вашу тяжбу! Послѣзавтрашній день очень далекъ, пускай будетъ на-завтра». — «Соглашаюсь по твоему слову! Ты будь свидѣтелемъ»,—сказала черепаха и отпустила жаворонка Ёлцејитү. Жаворонокъ тотъ улетѣлъ, собралъ въ одной ложбинѣ стаи жаворонковъ и сказалъ: — «Удивительно было, когда наши стаи становились малочисленны. Когда я посмотрѣлъ, то оказалось, что находящаяся въ томъ озерѣ черепаха обманывала насъ, высовывая свои зубы. Я, будучи обманутъ, попался ей, чуть не погибъ и едва-едва выбрался благодаря хитрости. Теперь вы всѣ знайте впредь!» Послѣ того, какъ онъ сказалъ, тѣ жаворонки стали пить воду и поспѣшно улетать вонъ. Тогда черепаха подумала: — «Камуб Ёлцејитү меня обманулъ. Я осталась безъ пищи, которую ѣла какъ бы по порядку; прервалось мое маленькое

¹ Ерл.-чим. (f. 18): Бүкүн-дүр бујан-ту (Для всѣхъ добродѣтельный); Ч.-ч. (f. 37): Бүкүн-е бујан-ту (Для всѣхъ добродѣтельный).

очень сильный вѣтеръ, и я, побитая морской волной, попала къ вамъ сюда. Тогда слѣпая лягушка спросила: — «Ты теперь собираешься вернуться?» — «Я теперь, хотя и хочу пойти, — сказала та, — но мѣсто, куда надо идти, далеко, не знаю направленія, не имѣю возможности вернуться. Поселюсь вмѣстѣ съ вами въ вашемъ колодезѣ». Тогда колодезная лягушка раздѣлила свой колодезь на три части и, указавъ на одну, спросила: — «Воды твоего такъ называемаго моря больше или меньше, какой величины?» — «Больше», — сказала морская лягушка. Колодезная лягушка опять указала на двѣ части и спросила опять. Морская лягушка сказала ей: — «Несравненно велико, не имѣетъ конца и предѣловъ». Тогда колодезная лягушка разсердилась и сказала: — «Твое такъ называемое море, оказывается, насколько же больше и значительнѣе этого моего колодца? Если поразмыслить, такъ ты прославляешь свою сторонку — море, меня унижаешь и мной пренебрегаешь», и прогнала ее, говоря: — «Ты отправляйся въ ту свою великую сторону!»

Подобно этому, обладающіе ничтожнымъ и малымъ достоинствомъ чванливо думаютъ о себѣ, считая себя великими, и горделиво величаются передъ другими. Это, вѣдь, надо старательно оставлять¹.

XVI. Царевичъ и сынъ брахмана.

То, о чемъ говорятъ: воздаяніе за совершенное зло само приспѣваетъ.

Въ давнее прошлое время сынъ одного царя и сынъ одного брахмана, отправившись вмѣстѣ учиться мудрости, достигли нѣкоей отдаленной страны. Сынъ царя научился великой мудрости, а сынъ брахмана научился малому. Впослѣдствіи, на возвратномъ пути на родину, сынъ брахмана, завидуя, такъ какъ мало научился мудрости, и задумавъ злое, въ безлюдной мѣстности, въ лѣсу собрался задушить царевича. Тогда царевичъ сказалъ: — «Разъ ты хочешь убить меня, я, передъ тѣмъ какъ умереть, дамъ тебѣ подарокъ — письмо своей матери. О, другъ, ты его доставишь?» Сказавъ это, царевичъ на-

¹ Соответствующіе стихи Лугс-кѣі. т.-ч.:

རྟེན་ས་པས་ལོང་བ་འགའ་ཞིག་ནི།	Нѣкоторые, ослѣпленные гордостью,
རང་གི་ཁྱོད་རྣམས་མ་པས་མ་པར།	благодаря тому, что не думаютъ о своихъ недостаткахъ,
ཡོན་ཏན་སྒྲུབ་པ་རུ་བྱ་བ།	чрезвычайно довольны своими незна-
ཁྱོད་པའི་རྩ་སྒྲུབ་ཇི་བཞིན་ནི།	чительными достоинствами и уважаютъ ихъ,
	совсѣмъ какъ колодезная черепаха.

Выраженія kṛpadardura и kṛpakaśhapa, колодезная лягушка или к. черепаха равнозначущи, употребляются для обозначенія человѣка неопытнаго, живущаго въ своихъ четырехъ стѣнахъ какъ лягушка въ колодезѣ.

XVII. Царь, царица, сановники и отшельникъ, рассказъ о четырехъ добродѣтельныхъ животныхъ.

То, о чемъ говорится: четверо согласныхъ животныхъ.

Въ давнее прошлое время въ странѣ-государствѣ¹ одного великаго царя четыре времени года бывали прекрасными, совсѣмъ не бывало зимы, а какъ бы лѣто, не бывало болѣзней, а какъ бы блаженство; кромѣ того, злаки и плоды, скотъ и животныя размножались въ изобиліи, подданные — народъ его — были имениты и богаты, пользовались благополучіемъ и блаженствомъ. Тогда сказалъ разъ царь: — «Причина того, что наступило благополучіе и блаженство — мои хорошія качества и счастье!» Когда онъ это сказалъ, его царица тоже заявила: — «Навѣрное, происходитъ отъ моихъ хорошихъ качествъ». Чиновники тоже сказали: — «Произошло отъ нашихъ хорошихъ качествъ». Такъ говоря, каждый оспаривалъ въ свою пользу, и они не могли притти къ согласію. — «Нечего намъ такъ спорить, — сказали они, — но спросимъ и узнаемъ у ламы-пустынника, по имени Білігтү (Премудрый)!» Согласившись всѣ, они отправились, поклонились ламѣ-пустыннику и подробно доложили о причинѣ спора и о своихъ дѣйствіяхъ. Тогда лама-пустынникъ соизволилъ сказать слѣдующее: — «У истока этой рѣки живутъ четыре согласныхъ друга: слонъ, обезьяна, заяцъ и куропатка. Эти четверо жили въ очень большомъ согласіи, дружбѣ и любви. Однажды стали они говорить другъ другу: — Если кто-нибудь изъ насъ окажется старше другихъ, то мы, младшіе, будемъ любовно почитать своего старшаго брата! Но такъ какъ они не знали своихъ лѣтъ въ такомъ порядкѣ, чтобы могли считаться старшими и младшими братьями, то слонъ указалъ на дерево — въ той мѣстности было

¹ Въ текстѣ орон-гүрүн; гүрүн — заимствованное съ манджур. (мандж. гурун) — государство, династія, народъ, нація. Слово это очень часто встрѣчается въ современной монг. письменности; проникло оно и въ живые монг. говоры; выражение, параллельное орон-гүрүн, тоже встрѣчается въ произведеніяхъ монг. народной словесности, напр., въ дэрб.-Кобд. былини Егіл-Мергѣн находится такая фраза (ст. 100—101):

терѣ нартін нэйми тібігі,
орн гүрн хойрнги эзлѣт төрвү.

Онъ (Егіл-Мергѣн) родился, завладѣвъ
восьмью подсолнечными материками,
завладѣвъ страной и царствомъ.

Мандж. гурун, очевидно, родственно монг. слову гүр народъ, племя, толпа народа. Можетъ-быть, возможно черезъ это слово объяснить титулъ Кара-киданьскаго государя — гурь-ханъ < *гүр-кән; очень похожій титулъ носили монгольскіе государи въ Персіи — иль-ханъ < (монг. и тур.) il-kān — народъ-государь; ср. D'Ohsson. Histoire des Mongols. Amsterdam, 1852, t. I, p. 99. И. Березинъ. Библіотека восточныхъ историковъ. Казань, 1849, т. I, стр. 46 — 49.

одно большое дерево — и сказалъ: — «Когда я былъ маленькимъ, высота этого дерева равнялась моему росту и я чесался о него». Обезьяна сказала: — «Въ мое малолѣтство это дерево было съ меня, и его тѣнь едва меня защищала». «Въ мое малолѣтство, — сказалъ заяцъ, — когда это дерево едва начало давать ростки, я раскапывалъ эти ростки и ѣлъ ихъ». Куропатка же сказала: — «Сѣмя этого дерева въ самомъ началѣ я принесла во рту, и это дерево мало-по-малу выросло, послѣ того какъ я его здѣсь бросила». Согласно этому, куропатка стала старшимъ братомъ, заяцъ слѣдующимъ по старшинству, третьимъ — обезьяна, а слонъ сталъ самымъ младшимъ. Такъ какъ младшіе оказывали почтеніе старшимъ, то на спину слона садилась обезьяна, на спину обезьяны садился заяцъ, а на спину зайца — куропатка; когда имъ поручалось что-либо сдѣлать, младшіе стали съ удовольствіемъ слѣдовать словамъ старшаго брата. Куропатка, главенствуя, собираетъ свое товарищество и, соединяя согласіе и пристойность, ведетъ его, охраняя, согласно многимъ святымъ законамъ.

Благодаря благополучію въ этой странѣ-мѣстности тѣхъ четырехъ согласныхъ животныхъ, и въ вашей странѣ, въ вашемъ мѣстѣ водворилось счастье и святость и наступило благополучіе и блаженство. Вотъ причина! Произошло это не отъ вашихъ хорошихъ качествъ. Вамъ нѣтъ нужды спорить. Ступайте туда и посмотрите».

Когда онъ, такъ говоря, соизволилъ подробно повѣдать, всѣ, начиная съ царя, отправились туда, и когда посмотрѣли, то увидѣли, что есть такія четверо согласныхъ животныхъ. Понявши, царь сказалъ: — «Въ то время какъ эти, будучи животными, такъ дружно живутъ именно сообразно святому закону, мы, будучи людьми, обладающими драгоцѣннымъ благомъ, что за нужду имѣемъ въ зависти и соревнованіи?» Всѣ они, соединяя миръ и согласіе, положили начало прекраснымъ намѣреніямъ и мало-по-малу стали жить дружно и согласно. Стали они чрезвычайно почитать степи и защищать, чтить и чествовать землю, законъ и религію.

Поэтому сказано было: если, соединяя согласіе и пристойность, будемъ жить, заботясь объ обѣщанномъ, то, навѣрно, станемъ пользоваться благоденствіемъ и блаженствомъ.

Списокъ монгольскихъ словъ, встрѣчающихся въ текстѣ MS. Burd.,
неизвѣстныхъ нашимъ словарямъ.

ཁྱེད་ཀྱི་	V, VIII, IX.	тиб. བུ་ཕྱེད་པ་	почтенный, название буддйских монаховъ.
ཁྱེད་ཀྱི་	III.	< тиб. རྩ་མེད་	область западнаго неба, гдѣ пребываетъ Akṣobhya, санскр. akaniṣṭha.
ཁྱེད་ཀྱི་	XI.		торчать вверхъ.
ཁྱེད་ཀྱི་	VII.		звенѣть, гремѣть, дребезжать.
ཁྱེད་ཀྱི་	III.		тужить, грустить, горевать, переживать унылое настроеніе.
ཁྱེད་ཀྱི་	VI.		раздавить, зажать.
ཁྱེད་ཀྱི་
(ཁྱེད་ཀྱི་)	XVI.		придавить горло, шею, удавить, удушить; ср. монг.-письм., бобумі, ойр.-письм. мојімі петля, петля аркана, арканъ, набрасываемый на шею; турецк.: осм. уйг. бојін, кир. мојін, алт. тел. леб. шор. койб. кир. моін, ком. тар. боін, дж. боі, хотон. мон'ан шея; якут. моі, мојун шея; чуваш. мый id; мджр. моңзон передняя часть шеи, шея; ср. ойр.-письм. бојімула схватить за шею, накинуть петлю на шею, сдавить шею (ср. міла-бѣр күзѣн-ѣцені бојімулаці абчі [«Гесерь-ханъ», MS. Азіат. Музея—Владиміръцовъ 2, f. 34] тасібур-іѣр бобумілаці абчі [«Гесерь-ханъ», изд. Шмидта, стр. 47]).

- VIII. < халх.-зап. бубоёбчї браслетъ; ср. монг.-письм. бабуу, бузуу ожерелье, запястье, бабучи браслетъ, запястье, араб.-фил. бабу бра-слетъ, ойр.-письм. бузӯ браслетъ, бурят.-тунк. буѣк id.; турецк.: дж. бохабу, осм. бокавы кандалы, тоб. бубау колода, окова, кар. т. л. бубуw цѣпь; якут. бөбөк (по транскрипции О. Böhlingk'a и Э.К. Пекарскаго бөбөх — см. Jakutisch-deutsches Wörterbuch, стр. 135, первого и «Словарь якутского языка», столб. 515, второго) браслетъ, запястье.
- XVIII. < тиб. སྒོ་ཁྱེན་ (стод-gjogc), халх.-зап. додјіг ламское верхнее платье.
- I. неловкій, неумѣлый, неуклюжій.
- VII. < кит. мао-р > халх.-зап. мөр, мур котъ, кошка, ср. дурб.-бейс. мёр, мір, горлос. моро, чахар.-писм. མུར་ཀྲ་ id.; мджр. мурун пес-трая степная кошка; турецк.: вост.-турк. молун дикая кошка.
- IV. санскр. Ketu, тиб. འབྲུག་རིང་ одинъ изъ asura, назв. нисходящаго узла созвѣздія Дракона п 9-й (мифической) планеты буддійской астрономии.
- VIII. признавать себя виновнымъ, признавать свою вину.
- XII. глотокъ.
- V. зудиться, чесаться, свербѣть.

ᠮᠤᠴᠢᠰᠢᠨᠠᠭᠤᠨ

XIII. мучиться въ душѣ, скорбѣть душою, душа болитъ.

ᠭᠤᠷᠦᠨ

XVII. <мджр. гурун государство, династія, народъ,

(ᠭᠤᠷᠦᠨ, ᠭᠤ)

нація; ср. халх.-зап. гүрүн, дурб.-бейс. гүрүн, горлос. гур государство, монг.-писъм. гүр народъ; гольд. гурун народъ, люди, джурдж. Kuôh-lün-ní государство.